

КОРОЛЕВСТВО ПЕПЛА

САРА ДЖ. МААС

Автору блестяще удалась попытка соединить фэнтези
и молодежную прозу.

RT Book Reviews

18+

Стеклянный трон

Сара Маас

**Королевство пепла. Союзники
и противники. Боги и Врата**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Маас С. Д.

Королевство пепла. Союзники и противники. Боги и Врата /
С. Д. Маас — «Азбука-Аттикус», 2018 — (Стеклянный трон)

ISBN 978-5-389-16933-3

Эрилея в опасности. Король демонов Эраван поверг континент в хаос. Селена Сардотин, а ныне Аэлина Галатиния, королева Террасена, поклявшаяся спасти свой народ, стала жертвой королевы Маэвы из рода демонов. Фэйская властительница пленила Аэлину и заточила в железный гроб. Цель Маэвы – выпытать у пленницы, где находятся Ключи Вэрда, древние артефакты, открывающие Врата между миром демонов и миром людей. Но если пленница покорится и Ключи попадут в руки Маэвы, толпы демонов захлестнут мир и всех, кто дорог Аэлине, ждет неминуемая гибель. Сознание этого придает ей силы, и она решается пойти на крайние меры... Впервые на русском завершающая книга знаменитого сериала!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-16933-3

© Маас С. Д., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Принц	6
Принцесса	7
Часть 1. Союзники и противники	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	67
Глава 10	68
Глава 11	76
Глава 12	80
Глава 13	84
Глава 14	88
Глава 15	92
Глава 16	103
Глава 17	108
Глава 18	113
Глава 19	118
Глава 20	121
Глава 21	128
Глава 22	132
Глава 23	135
Глава 24	144
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Сара Дж. Маас

Королевство пепла. Союзники и противники. Боги и Врата

Sarah J. Maas
KINGDOM OF ASH

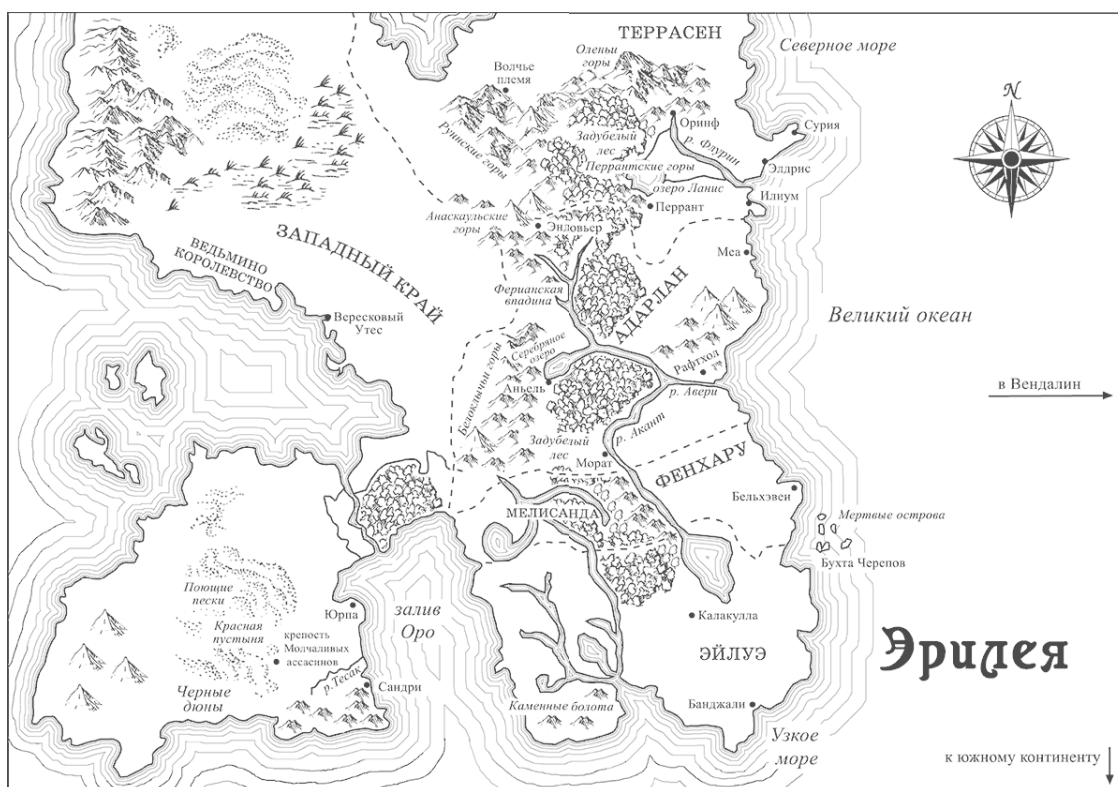
© И. Б. Иванов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моим родителям, научившим меня верить в то, что девочки могут
спасти мир*

Принц

Он начал разыскивать ее с первых мгновений разлуки. Сразу как узнал, что она похищена.

Ее. Свою истинную пару.

Он почти забыл собственное имя. Вспоминал его, лишь когда к нему обращался кто-то из троих спутников, отправившихся вместе с ним на поиски. Ее искали на просторах бушующих темных морей, среди древних, погруженных в спячку лесов и на склонах продуваемых всеми ветрами гор, что успели покрыться снегом.

Его привалы были вынужденными: накормить тело, требовавшее еды, и дать выспаться спутникам. Если бы не они, он бы летел без отдыха.

Но он сознавал: прежде чем все это кончится, ему не раз понадобится мощь их оружия и магической силы, их мудрость и находчивость.

Прежде чем он окажется лицом к лицу с темной королевой, которая напала на самую сокровенную часть его существа и похитила его истинную пару, чтобы запереть в железный гроб. А когда с королевой будет покончено, настанет час сражения с бездушными богами, упрямо пытавшимися полностью уничтожить его истинную пару.

И потому он делил со спутниками проходившие дни. Затем недели.

Потом месяцы.

Поиски продолжались. Он по-прежнему разыскивал ее по всем пыльным забытым дорогам.

Иногда он обращался к ней по связующей нити, отправляя свою душу по ветру туда, где томилась его истинная пара.

«Я найду тебя», – говорил он ей.

Принцесса

Железо ее душило. Оно гасило огонь в ее жилах с той же непреложностью, с какой гасит пламя железный ящик, если им накрыть костер.

Плеск воды она слышала даже в своем железном узилище, даже сквозь железную маску на лице и цепи, обвивавшие ее на манер шелковых лент. Рокот волн; нескончаемые удары водной стихии о камень. Эти звуки заполняли промежутки между ее криками.

Крошечный островок посреди реки, скрытой завесой тумана. Почти весь его занимала гладкая каменная площадка, окруженная порогами и водопадами. Это место похитители избрали для ее заточения. Ее заключили в каменный храм, построенный для какого-то давно забытого бога.

Она тоже предпочла бы забвение. Уж лучше так, чем если мир будет помнить о ее сокрушительном поражении. Если останутся те, кто знал о ее существовании. Если вообще кто-то останется.

Но пока что она не признавала себя побежденной. И не собиралась рассказывать похитителям то, о чем они жаждали узнать. И пусть порою ее крики заглушали яростный рев реки, а хруст костей перекрывал грохот воды на порогах.

Она пыталась следить за чередой дней, однако не знала, сколько ее держат в железном ящике. А долго ли продолжался ее вынужденный сон, навеянный сладковатым дурманящим дымом? Этот дым висел в воздухе на всем протяжении пути, пока ее везли сюда – на речной островок, в храм боли.

Не знала она и о том, велики ли промежутки между ее криками. Между откатом одной волны боли и приходом следующей.

Дни, месяцы, годы... они слились воедино, превратились в капли крови, что нередко вытекали из ее тела на каменный пол, а оттуда – в реку.

Принцесса, которой было суждено прожить тысячу лет, если не больше.

Таков был ее дар, ставший проклятием.

Еще одним проклятием, столь же тяжким, как и другое, наложенное задолго до ее рождения в этом мире. Оно скрывалось под красивым словом «предназначение». Ей предстояло принести себя в жертву ради исправления чудовищной ошибки, совершенной в древности. Уплатить чужой долг богам, что неведомо когда попали в этот мир, оказались запертыми в нем, а затем начали им управлять.

Она не ощущала теплой руки богини, наделившей ее могущественной магической силой. Не из щедрости. Ради упомянутого долга. Известно ли той богине света и пламени, что ее подопечная ныне томится в железном ящике? Быть может, бессмертная богиня перенесла свое внимание на другого – на короля, который охотно пожертвует собой ради спасения этого мира?

Богов не волновало, кто именно заплатит долг. Они не явятся сюда и не спасут ее. Сознавая это, она не утруждала себя молитвами.

Но она продолжала рассказывать себе историю, воображая порою, что эту историю поведали ей река и тьма, обитающая внутри запечатанного железного гроба.

«В одной стране, давно уже сожженной дотла, жила-была юная принцесса, любившая свое королевство...»

И глубины тьмы несли ее в море пламени. Она погружалась так глубоко, что, когда шелкала плоть, когда трещали ее кости, иногда она этого даже не чувствовала.

Иногда. Но такие мгновения выпадали редко.

А в нескончаемые часы боли она сосредоточивала взгляд на своем спутнике.

Не на подручном королевы, умевшем извлекать из тела боль, как музыкант извлекает мелодию из струн. На громадном белом волке, прикованном к этому месту невидимыми цепями и обреченном быть свидетелем ее мучений.

Бывали дни, когда ей становилось невыносимо смотреть на волка. Когда она сама оказалась в опасной близости от слома. И только история удерживала ее от рокового шага.

«В одной стране, давно уже сожженной дотла, жила-была юная принцесса, любившая свое королевство...»

Эти слова когда-то давно она говорила принцу.

Принцу из льда и ветра. Принцу, принадлежащему ей, как она – ему; это началось задолго до того, как они оба узнали о связи между их душами.

Теперь заботы о защите ее некогда славного королевства лежали на его плечах.

Принц, от которого пахло соснами и снегом. Запахами ее королевства, что она любила со всем неистовством своего пламенного сердца.

И даже когда темная королева являлась сюда и указывала подручному, как надлежит истязать пленницу, принцесса думала о нем. Держалась за воспоминания, как за скалу посреди бурлящей реки.

Темная королева с паучьей улыбкой пыталась обратить воспоминания против принцессы. Она ткала обсидиановую паутину, вплетая в каждый важный узел иллюзии и мечты. Королева пыталась исказить все воспоминания принцессы о принце, сделать их ключом к разуму пленницы.

Правда, ложь, воспоминания – все это странным образом перемешивалось в сознании принцессы. Сон и черное пространство в центре железного гроба. Дни, проведенные на каменном алтаре в середине помещения. Дни, когда она висела на потолочном крюке. Дни, когда ее держали на цепях, вделанных в каменную стену. Все это начинало терять ясность очертаний, расплываясь, словно капля чернил в воде.

Поэтому принцесса рассказывала себе историю. Темнота и пламя глубоко внутри ее подхватывали слова, становясь слушателями. Запертая в железном гробу, на затерянном островке посреди бушующей реки, принцесса неумоимо повторяла слова этой истории, пока вечная боль терзала ее тело.

«В одной стране, давно уже сожженной дотла, жила-была юная принцесса, любившая свое королевство...»

Часть 1. Союзники и противники

Глава 1

Снег нынче выпал рано – даже по меркам Террасена. Здешняя осень никогда не бывала затяжной, однако первые метели заметно опередили обычный срок.

Эдион Ашерир не знал, считать ли раннюю зиму благословением. Но если снежные заносы хотя бы на какое-то время задержат продвижение моратских легионов, он готов на коленях благодарить богов. Даже если эти боги угрожали всему, что он любил. И наконец, если существ из иного мира вообще можно считать богами.

Подумав об этом, Эдион решил, что у него есть более насущные заботы.

Вот уже две недели, как он воссоединился со своим легионом Беспощадных, и за все это время не обнаружил никаких признаков сил Эравана. Ни на суше, ни в воздухе. Через три дня после его возвращения повалил густой снег, что еще осложнило и без того медленное перемещение войск с кораблей армады на Фералийскую равнину, где раскинулся обширный лагерь Беспощадных.

Корабли поднялись вверх по реке Флурин до самого Оринфа. На холодном ветру, дующем со стороны Оленьих гор, развевались флаги и знамена всех мыслимых цветов: кобальтовый с золотом от Вендалина, черный с малиново-красным – от Ансели из Верескового Утеса. Клан Боярышника и его многочисленную родню отличал переливчатый серебристый цвет. Молчаливые ассасины, рассредоточенные по разным кораблям флотилии, вообще не имели знамен. Впрочем, их и так было видно по цвету и покрою одежды, а также внушительному набору красивого и в то же время смертельно опасного оружия.

Корабли вскоре вернутся в устье Флурина, чтобы нести дозор вдоль побережья от Илиума до Сурии, а пехотинцы – в основном силы наследного принца Галана Ашерира – отправятся на фронт.

Нынче этот фронт лежал под толстым слоем снега. А настоящие снегопады еще впереди.

Эдион находился в укрытии над узким перевалом в Оленьих горах, на границе с Ручейным краем. Он смотрел в темное от туч небо и хмурился.

Меховой плащ Эдиона по цвету сливался с белыми и серыми окрестными скалами. Капюшон скрывал золотистые волосы и согревал голову. Вендалин лежал в теплых краях, и большинство солдат Галана вообще никогда не видели снега. То же можно было сказать и о знати клана Боярышника и их не столь многочисленных силах. Отправляясь сюда, Эдион оставил вместо себя Киллиана – опытного, верного командира, поручив тому заботиться об обогреве подкрепления.

Нелегко вдали от дома сражаться за королеву, которую не знают и в которую, быть может, даже не верят. Холод, пробирающий до костей, способен быстро заморозить боевой дух и, наоборот, разжечь бунтарские настроения. Эдион это знал не понаслышке.

На другой стороне перевала что-то мелькнуло. Не зная он, куда смотреть, мог бы и не заметить.

По части маскировки Лисандра превосходила его. Но у нее было преимущество: она выбрала себе привычную для здешних мест одежду. Эдион ей об этом не говорил. Он вообще едва взглянул на нее, когда они отправлялись сюда на разведку.

Все это время Лисандре, наделенной способностями оборотня, приходилось играть роль исчезнувшей Аэлины. Сейчас «Аэлина» отбыла по какому-то тайному делу в Элдрис, о чем уведомила Галана и остальных своих новых союзников. Малая уловка на фоне большой, позволившая Лисандре отправиться вместе с разведчиками.

Меж тем большая уловка длилась уже два месяца. За это время Огненная королева, как называли Аэлину, даже в малой степени не проявила своего огненного характера. Удивительно, но этого никто не заметил. Никого не удивляло, что Аэлина и Лисандра нигде не появляются вместе. В прошлом многие не раз встречались с Аэлиной и жили бок о бок с нею. Например, Молчаливые ассасины из Красной пустыни. Галан Ашерир. Наконец, Ансель из Верескового Утеса, отправившая с армадой передовой отряд своей армии. Никто не обратил внимания на мелкие странности в поведении, которых у настоящей Аэлины не было. И клейма на запястье «королевы» они тоже не разглядели. Какое обличье ни принимала бы Лисандра, клеймо оставалось на прежнем месте.

Правда, она умело прятала его под перчатками и длинными рукавами. Случайно вылезший краешек мог сойти за старый след кандалов.

Лисандра умело накладывала фальшивые шрамы везде, где они были у Аэлины. Столь же умело она подражала смеху королевы и зловещей улыбке, браваде и способности застывать на месте.

Эдион с трудом заставлял себя смотреть на Лисандру и говорить с нею. Но и ему приходилось поддерживать «стратегический обман». Делать вид, что он – ее верный двоюродный брат, бесстрашный командир, способный привести ее и Террасен к победе... в достижимости которой он сильно сомневался.

И потому Эдион играл свою роль. Одну из многих, какие ему довелось играть в жизни.

Но едва Лисандра меняла золотистые волосы на свои темные, а бирюзовые глаза Ашериров – на изумрудно-зеленые, Эдион забывал о ее существовании. В иные дни татуировки на его груди с именами королевы и ее складывающегося двора ему самому казались клеймом. Особенно имя Лисандры.

Взять Лисандру на разведку он согласился только потому, что с ней миссия становилась легче и безопаснее. Он ведь рисковал не только собственной жизнью. Эдион вполне мог бы остаться в лагере, отправив сюда людей из легиона, но ему не сиделось на месте.

Плавание из Эйлуэ в Террасен длилось более месяца. Возле Рафтхола пришлось уйти подальше в море, чтобы не столкнуться с флотом Мората. Продвижение по суше заняло еще пару недель.

И за все время – никаких сражений, если не считать стычек с разрозненными шайками опустившихся адарланских солдат, среди которых не было ни одного валга. Все столкновения оканчивались, едва успев начаться.

Эдион сомневался, что Эраван станет ждать до весны. И нынешнее затишье никак не зависело от погоды. Несколько дней назад Эдион совещался по этому поводу со своими командирами, а также с Дарро и еще несколькими влиятельными людьми. Скорее всего, Эраван дождется середины зимы, когда передвижение террасенской армии станет особенно затруднительным, а солдаты Эдиона устанут от снега и промерзнут насквозь. Весной Аэлина, проведя дерзкий и хитроумный маневр, сумела заполучить громадные деньги на содержание террасенской армии. Но даже они не смягчат суровую террасенскую зиму.

Конечно, при наличии денег можно купить достаточно еды и теплой одежды, но, когда дороги погребены под снегом, что толку от золотых монет? Все золото Эрилеи не смогло бы остановить медленного, неумолимого истощения сил за месяцы пребывания в зимнем лагере, открытом безжалостным природным стихиям Террасена.

Дарро и другие местные правители не поверили его утверждению, что наступление Эравана может начаться в самые холодные зимние месяцы. Не поверили они и Рену Ручейнику, поддержавшему Эдиона. «Эраван отнюдь не дурак», – чуть ли не хором твердили они. Он не станет полагаться только на воздушный легион ведьм. А солдаты, даже если это валги, не смогут двигаться по снегу глубиной в десять локтей. Это был главный довод террасенской знати в пользу весеннего наступления Эравана.

Однако Эдион предпочел не искушать судьбу. Того же мнения придерживался и принц Галан. Во время встречи он молчал, но затем разыскал Эдиона и выразил ему свою поддержку. Оба решили: нужно позаботиться о теплых шатрах для солдат и сытной еде. Оба понимали, как важно сохранять высокую боеготовность отрядов, чтобы армия в любой момент могла двинуться навстречу противнику.

Разведывательная вылазка устраивалась с целью проверить сведения Рена. Если они подтвердятся, будет чем встряхнуть благодуществующую террасенскую знать.

Где-то поблизости заскрипела тетива. За ревом ветра ее звук был едва слышен. Наконец-ник и древко стрелы, выкрашенные в белый цвет, почти сливались с окружающей местностью. Лук Рена Ручейника был с убийственной точностью нацелен в сторону входа на перевал.

Эдион поймал его взгляд. Молодой герцог прятался среди камней, готовый вот-вот отпустить стрелу. Рен был в таком же плаще. Нижнюю часть лица скрывал светлый шарф. Эдион видел лишь две темные точки глаз и часть косого шрама на щеке.

Кивком он приказал Рену обождать. Такой же приказ он отдал и Лисандре, едва взглянув в ее сторону.

Пусть враги подойдут ближе.

Послышался хруст снега, затем тяжелое дыхание.

Теперь пора.

Эдион вложил стрелу в лук и пригнулся, спрятавшись за выступом.

Пять дней назад в лагерьный шатер Эдиона вбежала разведчица и доложила о шестерых замеченных врагах. Так и есть: все шестеро.

Они даже не пытались маскироваться под цвет снега и камней. Черные потрепанные меховые куртки среди ослепительной белизны Оленьих гор были видны издалека. Но еще красноречивее было их зловоние, принесенное ветром и достигшее ноздрей Эдиона.

Валги. Без каменных ошейников. В толстых рукавицах, под которыми не просматривалось каменных колец. Похоже, террасенская стужа пробирала даже демоническое отродье. Если не самих демонов, то захваченные ими смертные тела.

Враги были совсем рядом со входом на перевал. Стрела в луке Рена замерла. Перед занятием позиций Эдион распорядился: одного захватить живым.

И повезло же тварям найти этот перевал, полузабытый «черный ход» к низинам Террасена. Узкий – два всадника рядом едва проедут. От него давно отказались армии захватчиков и торговцы, намеревающиеся продавать свои товары на землях к северу от Оленьих гор.

Вот только кому продавать? Неужели там кто-то жил? Правильнее сказать, отваживался жить. Этого Эдион не знал, как не знал и причины, погнавшей валгских солдат так далеко в горы.

Ничего. Скоро узнает.

Отряд валгов уже двигался под скалами, где затаились Эдион и Рен. Оба бесшумно изменили положение луков.

Эдион выбрал себе цель, метя прямо в голову. Кивком подав сигнал Рену, пустил стрелу.

От черной крови, залившей снег, еще шел пар, когда сражение окончилось. Оно длилось считанные минуты. Ровно столько, сколько понадобилось стрелам Эдиона и Рена, чтобы поразить двоих врагов, а Лисандре, спрыгнувшей вниз, – разорвать еще троих. Шестому она лишь перекусила сухожилия на ногах.

Эдион подошел к уцелевшему демону. Тот стонал от боли. Снег возле его покалеченных ног совсем почернел. Ветер трепал окровавленные лоскуты кожи, будто порванное знамя.

Возле головы валга сидела Лисандра в обличье призрачного леопарда. Ее морда была черной от чужой крови. Зеленые глаза не отрывались от побелевшего лица демона. На могучих лапах блестели невероятно острые когти.

Рен проверял, не остался ли кто в живых. Его меч взлетал, отсекая очередную голову. Если не поторопиться, валгские шеи быстро окоченеют, и тогда меч их не возьмет.

– Рано обрадовались! – проверещал демон, узкое лицо которого было перекошено ненавистью.

Эдион задыхался в густом зловонии. Оно туманило обоняние и обволакивало голову липким масляным налетом. Эдион вынул длинный, устрашающего вида кинжал – подарок Рована из клана Боярышника.

– Если окажешься смышленным, все кончится быстро, – хмуро улыбаясь, пообещал он валгу.

Вражеский солдат плюнул на заснеженные сапоги Эдиона.

Родовой замок Ручейников стоял на самой границе Оленьих гор и Задубелого леса. Выстроили его давно, свыше пятисот лет назад.

В одном из многочисленных очагов замка, поражавших своими размерами, жарко пылал огонь. Эдиону не сиделось на месте. Он расхаживал взад-вперед. Серые камни хранили отметины каждой суровой зимы. Они же запечатлели изрядный груз истории замка. Память о годах доблести и служения, когда в этих залах звучала музыка и собирались воины. Помнили камни и последовавшие затем долгие годы печали и невзгод.

Рен сидел возле очага в кресле с истершейся и местами порванной обивкой. Уперев руки в колени, он смотрел на огонь. Сюда они добрались вчера, поздним вечером. Поход по утопающему в снегу Задубелому лесу измотал даже Эдиона. Прогулку по замку решили отложить на завтра... то есть на сегодня. Но после событий на горном перевале Рен сомневался, что у них с Эдионом хватит сил бродить по родовому гнезду Ручейников.

Очаг был единственным источником света. Дальние части некогда величественного зала скрывались в темноте. Над головой висели выцветшие шпалеры и знамена с гербом династии Ручейников. Вдоль одной стены тянулись высокие окна, из которых дуло, отчего шпалеры и знамена постоянно качались. Потолочные балки облюбовали большие и маленькие птицы, нашедшие здесь спасение от беспощадных зимних холодов.

Среди птиц был и зеленоглазый сокол, вслушивающийся в каждое слово.

Рен перевел взгляд на стол с остатками их быстро проглоченной трапезы: бараньего жаркого с жареными овощами. Не ахти какая сытная пища, но хотя бы горячая.

– Если Эраван ищет путь в Террасен, глупее всего двигаться через горы, – нарушил молчание Рен. – Места здесь суровые. Малейшая оплошность может стоить жизни. Мороз, снег и ветры погубят изрядную часть его армии.

– Эраван ничего не делает просто так, – возразил Эдион. – Конечно, куда проще вторгнуться в Террасен из Адарлана. Там обжитые края, есть дороги. И все ждут, что его войска явятся оттуда. Или приплывут на кораблях и высадутся на террасенском побережье.

– Возможно одновременное наступление с суши и моря.

Эдион кивнул. Эраван широко раскинул свои сети, желая подавить все очаги сопротивления на континенте. Ему больше не требовалось маскироваться, сваливая свою тягу к завоеваниям на Адарланскую империю. Тень валгского короля с каждым днем ширилась, захватывая пространство от Эйлуэ до северной границы Адарлана и от берегов Великого океана до стены высоких гор, разделявших континент надвое. Эдион сомневался, что Эраван удовлетворится частью Эрилеи. Нет, валгский король не успокоится до тех пор, пока черный каменный ошейник не сдавит шею каждого.

Если Эраван завладеет двумя другими Ключами Вэрда, если сумеет открыть Врата Вэрда и оттуда в здешний мир хлынут орды с его жуткой родины и, быть может, поработанные армии других миров... Если всю эту лавину он бросит на завоевание, растает всякая возможность его остановить. Как в здешнем мире, так и в любом другом.

Все надежды избежать ужасной участи нынче связывались с Дорином Хавильяром и Маноной Черноключевой. От них за все прошедшие месяцы Эдиону не поступило даже скудной весточки. Он считал это хорошим знаком. Выживание континента и всех, кто боролся с Эраваном, требовало строжайшей тайны.

– Хоть Эраван и не бережет солдат, жертвовать разведывательным отрядом ради поиска узких горных перевалов... – сказал Эдион, почесывая щеку. – Мне это кажется безрассудством.

Щека успела покрыться щетиной. Вчера они двинулись в путь рано утром, и он предпочел пожертвовать бритьем ради лишних минут сна.

– С точки зрения стратегии это бессмыслица. Ведьмы, летая на драконах, увидели бы гораздо больше. Посылать разведчиков изучать здешние ущелья и перевалы – занятие почти бесполезное. Даже если сведения предназначались для наземных отрядов... Переход войск через узкие перевалы растянется на месяцы, не говоря уже о потерях из-за суровой зимы.

– Их разведчик смеялся до упаду, – сказал Рен, потряхнув длинными темными волосами. – Спрашивал нас: чего мы тут забыли? Чего не видели?

В свете очага шрам на лице Рена делался еще заметнее. Напоминание о перенесенных ужасах и о его близких, не доживших до этого дня.

– Возможно, это уловка, чтобы заставить нас гадать о замыслах Эравана. Или даже заставить перегруппировать наши войска.

Эдион положил руку на полку над очагом. Теплый камень согревал ладонь.

Все месяцы, пока Эдиона не было в Террасене, забота о поддержании боеготовности легиона Беспощадных лежала на плечах Рена. Вместе с Киллианом они старались отвести легион как можно дальше от Оринфа, насколько позволял поводок Дарро. Увы, поводок оказался весьма коротким и оканчивался сразу за холмами на южном краю Фералийской равнины.

Затем Рен безропотно передал командование Эдиону. Встреча младшего Ручейника с «Аэлиной» была даже не прохладной. Холодной как снег, кружащийся за стенами замка.

Лисандра прекрасно играла свою роль, великолепно изображая чувство вины, снедавшее Аэлину, и присущую королеве нетерпеливость. Лисандра умело избегала любых ситуаций, где мог возникнуть разговор о прошлом. Впрочем, и Рен не выказывал желания вспоминать годы, предшествующие падению Террасена, или события прошлой зимы.

Эдион мог лишь надеяться, что и Эраван ничего не знает об исчезновении Огненицы. О том, какие слова скажут террасенские солдаты и как поведут себя, обнаружив, что пламя Аэлины не защищает их во время битвы, он не хотел даже думать.

– Возможно, этот маневр был настоящим, и нам повезло вовремя раскрыть их замыслы, – принялся рассуждать вслух Рен. – Но рискнем ли мы переместить войска поближе к перевалам? Часть отрядов уже находится вне Оринфа, в Оленьих горах, а также на равнинах за столицей.

Рен сделал умный ход – добился позволения Дарро отвести часть легиона Беспощадных за пределы Оринфа, на случай если Эраван высадится значительно севернее и ударит оттуда. У Эдиона не хватило бы выдержки объясняться с таким придурком, как Дарро.

– Я не хочу чрезмерного распыления Беспощадных, – сказал Эдион, вглядываясь в пламя.

Как же оно отличалось от магического огня Аэлины! По сравнению с ее магией – лишь иллюзия огня.

– И не будем забывать: войск у нас по-прежнему недостаточно.

Невзирая на дерзкие, отчаянные маневры Аэлины, численность ее союзников заметно уступала совокупной мощи сил Мората. И добытое золото не могло купить им новых. На континенте почти не осталось тех, кого можно было щедрыми посулами вовлечь в борьбу с Эраваном.

– Когда Аэлина отправлялась в Элдрис, она не показалась мне слишком отягощенной заботами, – пробормотал Рен.

Эдион вдруг увидел залитый кровью песок... Железный ящик, куда Маэва затолкала настоящую Аэлину, а потом уплыла в края, известные одной лишь богине Мэле, прихватив бессмертного истязателя из своей свиты.

Собственное вранье колом стояло у Эдиона в горле, но он заставил себя сказать, намеренно растягивая слова:

– У Аэлины есть замыслы, о которых она нам рассказывает, только когда сочтет, что подошло время.

Рен молчал. И хотя королева, вернувшаяся в Террасен, была поддельной, Эдион добавил:

– Все ее действия направлены на благо Террасена.

Эдиону вспомнилось, какие жуткие слова он говорил Аэлине в день ее сражения с илками. «Где наши союзники?» – запальчиво, со злостью спрашивал он тогда. Он до сих пор старался простить себя за сказанное. За все резкие слова в ее адрес. И единственным шансом исправить положение было сделать то, о чем просила Аэлина, – спасти их королевство.

Рен мельком взглянул на парные мечи, брошенные им на старинный стол за креслом.

– И все же она предпочла исчезнуть.

Эдион понял: речь шла не о «поездке» в Элдрис, а о событиях одиннадцатилетней давности.

– За те годы мы все успели наделать ошибок.

Боги свидетели, у Эдиона таких ошибок было предостаточно. Жизни не хватит, чтобы их исправить и искупить вину.

Рен напрягся, словно прошлое вгрызлось ему в спину.

– А я ведь ей не рассказал, – почти шепотом произнес Эдион – сокол на балке мог и не услышать его слов. – Про ту курильню дурмана в Рафтхале.

Эдион скрыл от Аэлины, что Рен был знаком с хозяйкой заведения и частенько наведывался туда. И туда же Эдион с Шаолом приволокли тяжело раненного Рена, чтобы спрятать его от королевских солдат.

– Порою ты бываешь сущим мерзавцем. Ты это знаешь? – спросил Рен, голос которого сделался хриплым.

– Я бы никогда не обратил эти сведения против тебя.

Эдион спокойно выдержал неистовый взгляд Ручейника-младшего. Пусть знает пределы своей праведности. Увидев, что Рен порывается заговорить, Эдион его опередил:

– Твое самообладание лопнуло раньше, чем я договорил до конца. А хотел я сказать вот что. Аэлина предложила тебе место при дворе, ничего не зная об этой стороне твоего прошлого.

На виске Рена дернулась жилка.

– Но даже если бы она и знала, то все равно позвала бы тебя ко двору.

Рен уперся взглядом в каменный пол:

– Нет у нас никакого двора.

– Дарро может вопить об этом сколько пожелает, но я позволю себе с ним не соглашаться, – сказал Эдион усаживаясь напротив Рена.

Если Рен по-настоящему поддержит Аэлину... Да еще теперь, когда объявилась Элида Лошэн, можно рассчитывать на поддержку Соэла и Равэна из Сурии. Итого – три голоса за Аэлину при четырех против.

Лисандра тоже проголосует «за», но вряд ли террасенская знать учтет голос новоиспеченной владелицы Караверры.

Женщина-оборотень не просила показать ей земли, которые будут принадлежать ей, если она и все остальные уцелеют в этой войне. По пути сюда она из призрачного леопарда превратилась в сокола и где-то летала. Вернувшись, не сказала ничего, но ее зеленые глаза ярко блестели.

Нет, Караверру признают герцогством, только когда Аэлина воссядет на террасенском троне... Или пока это не сделает сама Лисандра, если его королева не вернется.

Она вернется. Должна вернуться.

В дальнем конце зала открылась дверь. Послышались быстрые легкие шаги. Эдион едва успел вскочить, как под сводами разнеслось радостное «Эдион!».

Венга улыбалась во весь рот. На ней была теплая одежда из зеленой шерсти, отороченная белым мехом. За спиной болтались две золотисто-рыжие косы. Так выглядели все девчонки ее возраста, живущие в гористых местах Террасена.

Улыбка растягивала и шрамы на лице Венги. Эдион раскинул руки, и Венга ткнулась ему в грудь.

– Мне говорили, вы все появились вчера поздно вечером, а сегодня куда-то отправились ни свет ни заря. Я боялась, что так никого и не увижу.

– Помнится, когда я видел тебя в прошлый раз, ты была пониже. – Эдион поцеловал девчонку в макушку. – За это время выросла на целый локоть.

Лимонно-желтые глаза Венги вспыхнули. Она посмотрела на него, затем на Рена:

– А где...

Последовала яркая вспышка света, и перед Венгой появилась Лисандра. Она сама вся светилась, спешно набрасывая на голое тело плащ, предусмотрительно оставленный на стуле. Венга бросилась в объятия к своей любимице, всхлипывая от радости. Ее плечи вздрагивали. Лисандра нежно и ласково улыбалась.

– Как ты тут? – спросила она, поглаживая золотисто-рыжеватую голову.

На посторонний взгляд женщина-оборотень выглядела спокойной и даже безмятежной. Но Эдион хорошо ее знал; знал перепады настроения и тайные признаки, позволявшие судить об истинном состоянии Лисандры. Легкая дрожь в голосе указывало на яростную бурю, бушующую в душе этой красивой женщины.

– Я? Чудесно. – Венга улыбнулась Рену. – Рен с господином Муртагом вскоре привезли меня сюда. Ну и Быстроногую тоже. Сейчас она осталась с Муртагом. Даже сюда не пошла. Его она любит больше меня. Еще бы! Он балует ее всякими вкусностями. Она совсем в толстую ленивую кошку превратилась.

Лисандра засмеялась. Венга улыбнулась. Чувствовалось, здесь баловали не только Быстроногую.

Сообразив, кого надо благодарить, Лисандра промурлыкала Рену:

– Спасибо за заботу.

Слегка покрасневший Рен встал:

– Я подумал, что здесь Венге будет безопаснее, чем в военном лагере. По крайней мере, удобнее.

– Лисандра, это просто сказочное место! – зашебетала Венга, обеими руками вцепившись в руку Лисандры. – Муртаг меня однажды даже в Караверру свозил. Но это было еще до снегопадов. Ты должна это видеть. Холмы, реки, чудесные деревья. А вокруг горы. Я даже видела горного леопарда, прячущегося между скал, но Муртаг назвал это игрой моего воображения. Но честное слово, леопард был настоящим. И крупнее твоего. А какой дом! Чудесный-расчудесный. Позади – сад с каменной оградой. Муртаг говорил, летом там полным-полно роз и разных овощей.

На мгновение Эдиону стало невыносимо смотреть на выражение лица Лисандры, слушавшей о грандиозных замыслах Венги по части дома и сада. Пронзительная тоска по жизни, которую, скорее всего, ей так и не увидеть. И не только ей.

Эдион повернулся к Рену. Ручейник-младший зачарованно взирает на Лисандру. Так было всякий раз, когда она возвращалась в человеческое обличье. Преодолевая сильное желание промолчать, Эдион все-таки сказал:

– В таком случае вы с Муртагом готовы признать права Караверры.

Венга продолжала свою веселую болтовню, но Лисандра почти не слушала ее.

– В Ручейном герцогстве распоряжаемся мы с дедом, а не Дарро, – только и ответил Рен. Конечно. И кто бы отказался от такой прекрасной соседки?

Интересно, а когда Лисандра собирается там жить? Наверное, в те промежутки, когда ей не надо будет находиться в Оринфе, в чужом обличье, с чужой короной на голове. Правда, она как-то забыла, что Эдион в случае чего может ей понадобится для продолжения королевского рода. Как племенной жеребец породы Ашерир.

Лисандра вновь благодарственно закивала, отчего Рен покраснел сильнее. Можно подумать, они сегодня не таскались по снегу и не убивали валгов. И отвратительный запах чужой крови ему только чудится.

В этот момент Венга принялась к плащу Лисандры и наморщила нос:

– Как ты жутко пахнешь! Все вы.

– Где твои учтивые манеры? – спросила Лисандра, но засмеялась.

Венга уперла руки в бока. Этот жест она переняла у Аэлины. Эдион вспомнил, сколько раз видел двоюродную сестру в такой позе, и у него защемило сердце.

– Ты сама просила меня, чтобы я сразу тебе говорила про запах. Особенно про дыхание.

Лисандра улыбнулась. Эдион едва удержался от улыбки.

– Верно, просила.

Венга потянула Лисандру за руку, пытаясь увести из зала:

– Ты можешь спать в моей комнате. Там даже есть купальня.

Лисандра сделала шаг.

– Великолепная комната для гостей, – заметил Рену удивленный Эдион.

Наверное, самая лучшая, если имела собственную купальню.

– Раньше это была комната Розены. – Рен опустил голову.

Так звали его старшую сестру. Вместе со средней сестрой, Ралленой, она погибла в школе магии, где они учились. Школа находилась у самой границы с Адарланом и оказалась на пути захватчиков.

Если бы магия на десять лет не исчезла с континента, ученики этой школы сумели бы выстроить несколько магических заграждений против десяти тысяч солдат. Эдион старался не вспоминать о бойне в Девлинии – так называлась эта знаменитая школа. Учеников там было много. Спасти не удалось никому.

Рен любил обеих сестер, но с веселой и отважной Розеной был особенно близок.

– Розене бы она понравилась. – Рен кивнул в сторону Венги.

У подопечной Лисандры и Ручейника-младшего были шрамы на лице. Рен заработал свой косой шрам, спасаясь с места казни. Родители заплатили жизнью за то, чтобы он и Муртаг бежали. Шрамы Венги оставило бегство иного рода. Как средство спасения от жуткой жизни куртизанки, которую сполна пришлось выдержать самой Лисандре.

Об этом Эдион тоже старался не вспоминать.

Венга продолжала тянуть Лисандру из зала, не вслушиваясь в разговоры взрослых.

– А почему ты меня не разбудила, когда приехала сюда?

Ответа Лисандры Эдион уже не слышал. Настырная Венга все-таки увела ее в коридор. Уходя, Лисандра обернулась, и их взгляды встретились.

За те два месяца она не раз пыталась поговорить с Эдионом. Попытки исчислялись десятками. Он их все игнорировал. Когда корабли достигли террасенского берега, попытки прекратились.

Лисандра врала ему. Обманывала так ловко и умело, что любая встреча с ней, любой разговор... он сомневался в реальности происходящего. Более того, не хотел знать, была ли хоть какая-то правда среди этого вранья. А он по-глупому раскрылся перед нею.

Надо же, он верил, что это его последняя охота. Мечтал, как спокойно, не торопясь, покажет Лисандре все, что может предложить Террасен и он сам.

«Лживая сука» – так он потом назвал Лисандру. Выкрикнул эти слова ей в лицо.

Потом, успокоившись, он устыдился своего всплеска негодования. Но гнев не утих.

Глаза Лисандры были настороженными. В них читался вопрос: «Неужели в эти редкие мгновения счастья мы не можем поговорить как друзья?»

Эдион повернулся к огню – прочь от изумрудных глаз и ее прекрасного лица. Пусть Рен любезничает с нею, если пожелает. Даже если от этой мысли Эдиону хотелось что-нибудь расколотить.

Дверь закрылась. Щебетание Венги теперь доносилось из коридора. А досада Лисандры показалась лишь призрачным прикосновением.

Рен кашлянул.

– Что такое между вами происходит?

Эдион выразительно посмотрел на него. Человека более робкого этот взгляд обратил бы в бегство.

– Достань карту. Хочу еще раз посмотреть перевалы.

Надо отдать Рену должное: он отправился за картой.

Эдион смотрел на огонь. Без магической искры его королевы пламя казалось тусклым и бледным.

Сколько же еще ждать, пока ветер, воющий за стенами замка, сменится завыванием чудовищ Эравана?

Ответ Эдион получил на следующий день, рано утром, в большом зале замка.

Он сидел в конце длинного стола. На другом конце тихо завтракали Лисандра и Венга. Унимая дрожь в пальцах, Эдион вскрыл письмо, которое только что привез гонец. Рен и Муртаг, сидевшие рядом, воздерживались от вопросов, не мешая ему читать. Один раз. Затем второй.

Наконец Эдион положил письмо на стол. Вдохнул прохладный воздух, хмуро покосился на бледный серый свет, льющийся из высоких окон.

Он чувствовал давящий взгляд Лисандры. Хоть со стула не вскочила, и на том спасибо.

– Это послание от Киллиана, – хрипло сообщил Эдион. – Моратские войска высадились на побережье в Элдрисе.

Рен выругался. Муртаг промолчал. Эдион остался сидеть, опасаясь, что ноги его не удержат.

– Эраван разрушил город. Превратил в развалины, причем без участия солдат.

Оставалось только гадать, почему темный король так долго выжидал.

– Они применили ведьмины башни? – спросил Рен.

Во время изнурительного похода по Каменным болотам Манона рассказала Эдиону о новом оружии ведьм. Он, в свою очередь, рассказал Рену.

– Не знаю. В письме про это ни слова.

Вряд ли Эраван применил ведьмины башни – громоздкие сооружения, перемещать которые можно было лишь по суше. Случись такое, разведчики Эдиона сразу заметили бы громадину высотой в сотню локтей.

– Но удары сровняли город с землей, – добавил Эдион.

– Как Аэлина? – почти шепотом спросил Муртаг.

– Благополучно, – соврал Эдион. – За день до атаки выехала в Оринф.

Естественно, в донесении Киллиана о местонахождении Аэлины не было ни слова, но, раз тело королевы не обнаружили, а враги не праздновали победу над ней, заместитель Эдиона полагал, что с нею все в порядке.

Муртаг ссутулился. Быстроногая неслышно подошла и положила голову ему на колени.

– Спасибо Мэле за милосердие.

– Не торопись ее благодарить, – бросил старику Эдион, убирая письмо в карман теплого плаща, который надел от гуляющих по залу сквозняков.

«Эту богиню вообще не за что благодарить», – едва не вырвалось у него.

– По пути в Элдрис силы Мората потопили близ Илиума десять вендалинских военных кораблей. Остальным пришлось спешно подниматься вверх по Флурину. Среди них был и наш.

Муртаг поскреб подбородок.

– Почему Эраван не отправил погоню за кораблями?

Потом. Сейчас не время гадать о стратегии Эравана, решил для себя Эдион.

– Кто ж это знает? – ответил он Муртагу. – У Эравана были свои виды на Элдрис, потому он и захватил город. Похоже, оттуда он намерен двинуть войска по суше. Если не выставить заслоны, через неделю они доберутся до Оринфа.

– Надо возвращаться в лагерь, – сказал помрачневший Рен. – Посмотрим, возможно ли вернуть корабли в море. Пусть объединятся с силами Рульфа и нанесут удар по флоту Эравана. А мы начнем молотить его тварей на суше.

Эдиону не хотелось напоминать обоим Ручейникам, что до сих пор от Рульфа доходили лишь туманные послания. Бывший предводитель пиратов занимался поисками исчезнувших микенианцев и их легендарного флота. Шансы на то, что Рульф явится спасти задницы террасенцев, были столь же призрачны, как и помощь сказочного Волчьего племени, обитавшего на дальней оконечности Анаскаульских гор. Или помощь фэйцев, которые более десяти лет назад покинули Террасен и теперь находились неизвестно где. Эдиону требовались не потенциальные, а реальные союзники.

На него вдруг снизошло спокойствие. Основательное, как меховой плащ на плечах. Это спокойствие не раз выручало его в сражениях, позволяя сохранять трезвость рассудка при самых отчаянных ситуациях. Их главным союзником сейчас будет быстрота действий. Быстрота и ясность. Эдион помнил прощальные слова Рована: «Нужно удерживать позиции. Завоюй нам столько времени, сколько сможешь».

Он сдержит свое обещание.

Внимание Эдиона переместилось на другой край стола, где по-прежнему сидела Лисандра. Болтовня Венги мигом смолкла.

– Ты уже превращалась в дракона. Скольких людей ты сможешь унести на себе?

Глава 2

Когда-то Элида Лошэн мечтала уехать далеко-далеко, в такие края, где и слухом не слышали про Адарлан и Террасен и где у Варнона не будет ни малейших шансов ее разыскать.

Она и представить не могла, что однажды ее мечта осуществится.

Сейчас она стояла в пыльном старинном переулке такого же пыльного старинного города. Город находился в королевстве, что лежало к югу от Доранеллы. В безоблачном небе разливался колокольный перезвон. Солнце поджаривало светлые стены домов. Улицы здесь были преимущественно узкие, и по ним гулял сухой горячий ветер. Сколько Элида ни пыталась запомнить название города, оно ускользало из памяти.

Ничего страшного. Все равно они здесь не задержатся, как не задерживались во множестве других городов, через которые проносились. Они странствовали по лесам, горам и равнинам. Королевство за королевством. Такую бешеную скорость задал принц, возглавлявший их маленький отряд. За время поисков он почти отучился говорить и даже есть.

Элида поморщилась, глядя на истрепанные кожаные доспехи, доставшиеся ей от ведьм, не менее обветшавший серый плащ и стоптанные сапоги. Двое ее спутников выглядели не лучше.

– Теперь уже недолго, – пробормотал Гарель, кося желтовато-карим глазом в сторону входа в переулок.

Там, прячась в скудных тенях ветхой арки, стояла высокая фигура в темном плаще и вела наблюдение за оживленной улицей.

Элида ограничилась мимолетным взглядом. Эта фигура была для нее просто невыносима. Фэец, чье присутствие превратилось для нее в многонедельную пытку (равно как и нестерпимая боль в груди).

– Можно было пойти куда-нибудь и перекусить, – бросила она Гарелю.

Он кивнул на пыльный, обтрепанный заплечный мешок у стены:

– У меня осталось яблоко.

Элида оглянулась на дом, к стене которого был прислонен мешок, вздохнула и полезла внутрь мешка. Там лежала смена белья, моток веревки, оружие и прочие вещи, необходимые в пути. Под ними она разыскала сочное красно-зеленое яблоко. Последнее из многих, собранных ими в саду соседнего королевства. Элида молча протянула яблоко Гарелю.

Тот вопросительно выгнул золотистую бровь. Элида выгнула свою и добавила:

– Я же слышу, как урчит у тебя в животе.

Гарель глухо рассмеялся, кивнул в знак благодарности, потом взял яблоко и обтер рукавом своего выцветшего камзола.

– Это верно. Урчит.

Элида могла поклясться: фигура у входа в переулок напряглась. Ну и пусть. Ей все равно.

Сверкнули клыки Гареля, вонзившиеся в мякоть яблока. Гарель был отцом знаменитого террасенского полководца Эдиона Ашерира. Сходство между отцом и сыном было поразительным, но только внешне. За Эдионом Элида наблюдала недолго – всего несколько дней, однако убедилась, до чего же не похож сын на своего учтивого, задумчивого отца.

С тех пор как Астерина и Васта перенесли их на корабль и они поплыли сюда, она не раз спрашивала себя: стоило ли ей отправляться в путешествие вместе с тремя бессмертными фэйцами? К чему им хромоногая обуза?

Но Гарель с самого начала отнесся к ней по-доброму. Следил, чтобы Элида ела досыта и не мерзла в холодные ночи. Учил ее ездить верхом. Им пришлось потратить свои весьма скудные деньги и купить лошадей. Даже со здоровыми ногами Элиде было бы не поспеть за быстро шагающими фэйцами. А когда гористая местность требовала спешиться и вести лошадей под

уздцы, Гарель своей магией временно снимал у нее хромоту. Она ощущала его магическую силу как теплый летний ветерок, приятно обдувающий кожу.

Она бы ни за что не приняла такой заботы от Лоркана.

Ей никогда не забыть, как он полз за Маэвой после освобождения от клятвы на крови. Полз, словно отвергнутый любовник; хуже того, словно покалеченный пес, отчаянно жаждущий внимания хозяйки. Лоркан выдал Маэве место, где находилась Аэлина. Если бы не его предательство, террасенская королева не подверглась бы жестоким истязаниям и не оказалась бы в плену. А он все равно полз за Маэвой. По песку, мокрому от крови Аэлины.

Съев половину яблока, Гарель протянул остаток Элиде:

– Тебе тоже надо поесть.

Элида хмуро посмотрела на синяки у него под глазами. У нее наверняка такие же. Хорошо, что месячные уже прошли, невзирая на все тяготы пути. На преодоление их последствий уходили все ее силы.

Те дни были для нее настоящей пыткой. Приходилось объяснять троим воинам с обостренным чутьем на кровь, что ей нужны тряпки и более частые остановки.

Элида ничего не говорила им про судороги, сводившие живот, про боли в спине и бедрах. Опустив голову, она ехала наравне со всеми. Она знала: ее спутники наверняка сделали бы привал. Даже Рован согласился бы остановиться и дать ей отдохнуть. Но всякий раз, стоило им остановиться, Элида видела железный ящик. Видела окровавленную плоть, свистящую в воздухе, и слышала крики Аэлины.

Аэлина согласилась пойти в плен, чтобы спасти Элиду. Не колеблясь пожертвовала собой вместо нее.

Одна эта мысль заставляла Элиду ехать дальше. Тяготы тех дней несколько облегчал запас чистых тряпок. Скорее всего, Гарель и Рован пожертвовали ей свои рубашки, разорвав на лоскуты. Когда они успели это сделать, она понятия не имела.

Элида медленно жевала яблоко, наслаждаясь ароматной, сладкой мякотью. Тот сад имел хозяев, и Рован положил для них на пень несколько монет.

А нынче у них в кошельке почти пусто. Вскоре им придется попросту воровать еду. Или продать лошадей.

Сквозь закрытые окна второго этажа донесся шум, сопровождаемый приглушенным мужским криком.

– Думаешь, в этот раз нам повезет? – тихо спросила Элида.

– Стоит надеяться, – ответил Гарель, разглядывая голубые ставни в затейливой резьбе.

Их везение истощилось вместе с денежными запасами. Удача почти не показывалась с тех самых пор, как они покинули истерзанный берег Эйлуэ. Тогда Рован ощутил натяжение связующей нити между ним и Аэлиной и истолковал это как призыв отправиться сюда. Их плавание по бурному морю (в такое время оно не бывает спокойным) продолжалось несколько недель. Но, достигнув этих берегов, они не обнаружили никаких зацепок.

Никаких признаков уцелевших кораблей из армады Маэвы. Никаких сведений о том, что ее собственный корабль «Соловей» заходил в местные гавани. Вестей о возвращении Маэвы в Доранеллу тоже не было.

Оставалось уповать на слухи и, подчиняясь им, пересекать заснеженные горы, густые леса и выжженные солнцем равнины.

Так продолжалось, пока фэйцы и Элида не оказались в столице соседнего королевства, где на людных улицах праздновали Самуинн, чествуя богов. В этот день завеса между мирами предельно истончалась.

Они и понятия не имели, что эти боги – всего лишь существа из иного мира. Любая помощь богов (включая и ту, что получала Элида от тихого голоса, звучавшего возле ее плеча)

преследовала единственную цель: возвращение так называемых богов обратно в свой мир. Элида, Аэлина и все прочие жители здешних континентов для них были не более чем пешками.

Невеселое открытие подтверждалось тем, что после страшных событий в Эйлуэ Аннеит умолкла. Элида больше не слышала ни одного ее совета, ни одной подсказки. Только невидимые подталкивания, которые она ощущала на протяжении долгих дней пути. Напоминания о том, что за Элидой наблюдают.

Получалось, если они сумеют найти и вызволить Аэлину, террасенской королеве все равно придется дорого заплатить богам. Но это если Дорину Хавильяру и Маноне Черноклювой удастся найти третий и последний Ключ Вэрда и если молодой король не принесет себя в жертву вместо Аэлины.

Толчки уже не вызывали в Элиде прежнего восторга. Она отказывалась даже думать о том, какое существо проявляет интерес к ней и ко всем остальным.

Эти мысли Элида гнала и сейчас, когда вчетвером они прочесывали улицы города, пытаясь уловить хоть намек на местонахождение Маэвы. Солнце склонилось к закату. Каждый бесцельно проходящий час заставлял Рована рычать от досады. Опять ничего. Эта история повторялась во всех городах, через которые они успели проехать.

Элида убеждала спутников и дальше бродить по веселым улицам, не привлекая внимания. Всякий раз, когда Рован сердито сверкал зубами, она напоминала ему, что у Маэвы есть глаза в каждой стране и в каждом королевстве. Едва где-то узнают, что трое фэйских воинов настойчиво разыскивают Маэву, фэйской королеве мгновенно об этом доложат.

Стемнело. За городскими стенами, на волнистых холмах, вспыхнули костры.

Рован перестал рычать на праздничное зрелище. Похоже, вид костров пробуждал у него какие-то воспоминания. Не исключено, что тяжелые.

А потом, когда мимо проходила кучка подвыпивших фэйских солдат, Рован вдруг замер. Он смотрел на солдат холодно, оценивающе. Элида догадалась, что у принца возник замысел. Она не ошиблась. Заведя спутников в глухой переулок, Рован жестко и без обиняков рассказал о задуманном.

С тех пор прошла неделя. И вот они здесь. Крики внутри здания становились все громче.

Элида морщилась. Ей казалось, что треск ломающейся мебели заглушает городские колокола.

– Может, нам пора вмешаться? – спросила она.

Гарель провел по золотистым волосам. Руку его покрывали затейливые узоры татуировки. На прошлой неделе Элида отважилась спросить, что они означают. Оказалось, это имена погибших воинов, сражавшихся под его командованием.

– Он почти закончил.

Даже Лоркан теперь нетерпеливо пялился на окно над головами Элиды и Гареля.

Едва смолкли полуденные колокола, ставни шумно распахнулись.

Точнее, разлетелись на куски. Следом из окна вылетели двое фэйцев.

Один из них, с каштановыми волосами, весь окровавленный, истошно кричал. Принц Рован из клана Боярышника падал молча, а оказавшись на земле, оскалил зубы и вцепился в противника.

Элида поспешила отойти подальше, тем более что фэйцы упали на груды ящиков и раздавили их тяжестью тел. Порыв ветра подсказал ей: магия Рована смягчила падение его противнику, иначе тот сломал бы себе шею. Теперь Рован выволакивал его из-под обломков за воротник синего мундира.

Нет, он им нужен живой.

Гарель вынул кинжал, но с места не сдвинулся. Рован рывком поставил противника на ноги, толкнул к стене. В лице принца не было ни капли доброты и сострадания.

Это был хладнокровный хищник, намеренный во что бы то ни стало разыскать свою истинную пару.

– Пощадите... – бормотала жертва Рована.

Еще одна его находка. В день Самуинна Рован понял: Маэву им не выследить. Но можно найти командиров, служащих Маэве. Фэйские командиры очень ценились в смертных королевствах. Маэва, с понятной целью, охотно «ссужала» их местным правителям.

Вот и этот, на кого рычал Рован, был командиром. Широкие плечи и мускулистое тело выдавали в нем воина. Но Рован превосходил его ростом. Гарель и Лоркан – тоже. Возможно, у фэйцев существовали разные породы, совершенно несхожие между собой.

– Теперь я расскажу, что ждет тебя дальше, – зловеще мягким голосом произнес Рован, обращаясь к шмыгающему носом командиру.

Рот принца изогнулся в жестокой улыбке. Из рассеченной губы капала кровь.

– Сначала я сломаю тебе ноги. Быть может, и часть позвоночника, чтобы ползать не смог. – Окровавленный палец Рована указал на Лоркана. – Он ведь тебе знаком?

Словно в ответ, Лоркан покинул арку и медленно двинулся по переулку. Командира затрясло.

– Конечно, ноги, позвоночник и все тело со временем заживут, – продолжал Рован, поглядывая на приближающегося Лоркана. – Но когда тобой займется Лоркан Сальватир... – Рован сухо рассмеялся. – От этого, приятель, тебе не оправиться никогда.

Командир бросал отчаянные взгляды в сторону Элиды и Гареля.

Пару дней назад, когда они захватили первую жертву, Элида не смогла смотреть на действия своих спутников. Тот командир не имел никаких мало-мальски полезных сведений. Вытащили его из публичного дома такого низкого пошиба, что Элида не испытывала сожаления, когда Рован бросил тело в одном конце переулка, а голову – в другом.

Однако сегодня... «Наблюдай. Смотри, – заверещал у нее в ухе знакомый тихий голос. – Слушай».

Невзирая на солнце и жару, Элида зябко содрогнулась. Стиснула зубы, удерживая слова, бурлившие в душе. «Найдите кого-нибудь другого, – хотелось сказать ей в ответ. – Попробуйте своими силами изготовить Замок. Наконец, найдите в себе силы смириться с вашей судьбой – быть пленниками этого мира. Почему мы должны платить долги тех, кто жил задолго до нас?»

Но если Аннеит все эти месяцы лишь подталкивала ее, а теперь заговорила... Элида проглотила гневные слова. Так должны были поступать все смертные. Ради Аэлины она могла подчиниться, как подчинилась Аэлина, спасая ее.

Гарель смотрел на дергающегося командира, которого Рован держал железной хваткой. Его лицо не выражало сострадания, а слова были полны мрачного здравого смысла.

– Расскажи ему все, что он хочет узнать. Будешь молчать – себе же хуже сделаешь.

Лоркан был уже совсем рядом. Вокруг его длинных пальцев клубился темный ветер. На его жестком лице не было ничего от прежнего Лоркана, к которому Элида успела привыкнуть, пока не раскрылось его предательство. Только маска, которую она впервые увидела в Задубелом лесу. Маска бесчувственности, высокомерия, жестокости.

Командир видел магическую силу, скапливающуюся вокруг пальцев Лоркана, однако нашел в себе мужество презрительно улыбнуться Ровану. Блеснули залитые кровью зубы.

– Она убьет вас всех.

Синяк под его глазом заметно вспух, как и разбитая губа. У Элиды зашумело в ушах – это Рован окружил место щитом из ветра, не пропускавшим звуков.

– Маэва разделается с каждым из вас, предатели.

– Может попытаться, – невозмутимо ответил Рован.

«Смотри», – снова прошептала Аннеит.

Когда слова командира сменились криками, Элида не отвернулась.

Пока Рован и Лоркан занимались тем, чему были обучены, Элида раздумывала над словами Аннеит. Было ли повеление богини знаком покровительства? Или напоминанием о том, как боги поступают с теми, кто ослушается их приказов?

Глава 3

Оленьи горы пылали. Задубелый лес – тоже.

От могучих древних деревьев оставались лишь обгорелые пни, а сверху, будто обильный снегопад, сыпались густые хлопья пепла.

Ветер разносил облака искр, издевательски напоминая ей о других временах. Когда-то она прыгала через весенние костры, а искры тянулись следом за нею, будто светлячки.

Сколько огня, сколько удушающего жара. Вдыхаемый воздух обжигал легкие.

«Это сделала ты... это сделала ты... это сделала ты...» – скрипели умирающие деревья.

Мир купался в огне. В огне, а не во тьме.

Среди деревьев что-то мелькало. Она присмотрелась.

К ней стремительно неся Повелитель Севера, обезумевший от боли. Его белая шкура дымилась. Огонь пожирал его развесистые рога. То не было бессмертное пламя, как на ее гербе. Бессмертное пламя между рогами священных оленей Террасена. Еще раньше оно принадлежало Мэле-Огненосице. Нет, это пламя несло смерть.

Повелитель Севера пылающим факелом пронесся мимо.

Она протянула к нему руку, невидимую и совершенно бесполезную, но гордый олень продолжал мчаться, оглашая криками полный пепла воздух. Ужасными, несмолкаемыми криками. Казалось, это кричит разрываемое сердце мира.

Она была бессильна хоть как-то вмешаться и только смотрела, как олень влетел в огненную стену, возникшую между двумя горящими дубами.

Влетел и исчез.

Белый волк снова наблюдал за нею.

Аэлина Ашерир-Галатиния, признанная кланом Боярышника, провела пальцем по кромке каменного алтаря, на котором лежала. Лишь это движение было ей доступно. Палец был закован в железо.

На этот раз Кэрн оставил ее здесь, не потрудившись запихнуть в железный ящик у стены.

Редкая перемена, позволившая ей проснуться не в темноте, а при мерцании угасающих углей.

Головни во всех жаровнях догорали, оставляя пространство во власти холода и сырости. Она ощущала холод там, где ее кожа не была покрыта железом.

Она уже пыталась осторожно проверить цепи на прочность. Те оказались крепкими, а ее попытки не прошли незамеченными для истязателей. Те усилили железный наряд, начав с металлических рукавиц.

Она не помнила, когда и где это было. А дальше – только ящик. Удушливо-жаркий железный гроб.

Она без конца искала в нем слабые места. Наверное, истязатели заметили и это, поскольку напустили в ящик сладковатого дурманящего дыма, от которого она провалилась в забытие и проспала неизвестно сколько.

Когда она очнулась, дыма уже не было.

Тогда она снова взялась проверять крепость ящика, насколько позволял ее железный наряд. Упиралась в неподатливый металл ногами, локтями, руками. Узкое пространство не давало повернуться, ослабить боль цепей, врезающихся в тело и сдавливающих шею.

Глубокие раны, оставленные плетью на ее спине, исчезли. А ведь плеть раскроила ей кожу до самых костей. Может, и это было сном?

Она нырнула в воспоминания – в те годы, когда ее обучали ремеслу ассасина. Уроки были жестокими: ее оставляли в цепях, вынуждая ходить под себя. И так продолжалось, пока она не догадывалась, как выпутаться из цепей.

Но тогда она знала, что это урок. А здесь... Ни один из былых навыков не помогал в тесном и темном пространстве железного гроба.

Металл рукавицы царапнул по темному камню. Звук этот едва был слышен сквозь треск углей в жаровнях и гула реки. Какой реки – она понятия не имела. Но сейчас они находились вдвоем: она и волк.

Волка звали Фенрис.

Цепей на нем не было. Они и не требовались.

Маэва приказала ему оставаться и стеречь пленницу, что он и делал.

Аэлина не думала о боли, лишившей ее сознания, но, вспомнив, как ломались кости, невольно дернула ногой. Цепи лязгнули.

Она ожидала вспышки жуткой боли, но не почувствовала ничего. А ведь она помнила, что чудовище по имени Кэрн неспешно и с наслаждением ломал ей ноги. Тогда ей было больно, и она кричала, пока не охрипла.

Может, издевательства Кэрна ей тоже приснились? В темноте ее без конца одолевали странные, противоречивые сны. То она видела оленя с горящими рогами, несущегося сквозь пылающий лес. Часами длились сны о каменном алтаре и о том, как старинными пыточными орудиями ей дробят кости ног. Иногда снился принц с серебристыми волосами, от которого пахло домом.

Сны наплывали друг на друга, перемешивались, меркли. Быть может, и сейчас ей снился очередной сон про белого волка, лежащего у стены. Палец Аэлины снова царапнул по изогнутой кромке алтаря.

Волк трижды моргнул. Когда-то давно – месяцы или даже годы назад, когда ее плен только начался, – они с волком придумали этот молчаливый язык. Когда в редкие мгновения она могла что-то прошептать сквозь почти невидимые отверстия в железном гробу.

Одно моргание означало «да». Два – «нет». Три заключали вопрос: «С тобою все в порядке?» Четыре – «Я здесь, я с тобой». Пять – «Ты не спишь. Это реальность».

Фенрис снова трижды моргнул. «С тобою все в порядке?»

Аэлина сделала глотательное движение. Слюны не было. Язык оцарапал верхнее нёбо. Она мигнула один раз. «Да».

Потом насчитала шесть ответных миганий.

Насчет значения шести они не улавливались. Фенрис сам придумал этот сигнал. Должно быть, что-то вроде «Врешь». Ей не захотелось признавать его новшество, и она еще раз ответила «да».

Темные глаза волка внимательно оглядывали ее. Он видел все. Каждый момент ее истязаний. Если бы ему позволили вернуться в обличье фэйца, он бы смог рассказать ей о соотношении реального и нереального. Возможно, ничего реального не было вообще.

Но ее нынешнее пробуждение не сопровождалось болью. Похоже, и увечья исчезли. Осталась лишь память о них. Перед глазами всплыла ухмыляющаяся физиономия Кэрна, обращавшегося с нею, как мясник с тушей.

Почему Кэрн оставил ее на алтаре, а не затолкал обратно в гроб? Должно быть, намеревался скоро вернуться.

Аэлина шевельнулась. Цепи натянулись. Замок маски впился ей в затылок. Сколько же недель, месяцев или даже лет ее лицо и большая часть тела не ощущали дуновения ветра?

На ту часть тела, что не была закована в железо, ей надели белую сорочку без рукавов, доходящую до середины бедра. Ноги и руки оставались открытыми для издевательств Кэрна.

Смутно проскальзывали воспоминания, что в иные дни с нее снимали даже сорочку и Кэрн полосовал ей кожу на животе. Меж тем, проснувшись, она видела сорочку на прежнем месте, неповрежденную и без следов крови.

Фенрис наострил уши. Этот сигнал Аэлина воспринимала мгновенно.

Она ненавидела дрожь во всем теле, охватывающую ее всякий раз, когда за железной дверью квадратного помещения раздавались шаркающие шаги. Окна помещения не имело, каких-либо других дверей – тоже. Таким же глухим был и каменный коридор, кусочек которого ей иногда удавалось увидеть. Извне сюда проникал только шум воды.

Шум стал еще громче, когда в двери щелкнул замок и она со стоном открылась.

Аэлина собрала всю волю, чтобы не задрожать при виде вошедшего фэйца с каштановыми волосами.

– О, да ты уже пробудилась? Ах я нерадивый! Плохо угостил тебя в прошлый раз.

Голос. Этот голос она ненавидела сильнее всех прочих голосов. Холодный и отвратительно вкрадчивый.

Ее мучитель был в фэйских воинских доспехах, но с пояса на узкой талии не свисало никакого оружия.

Кэрн увидел, куда она смотрит, и ласково потрепал привешенный к поясу тяжелый молоток.

– До чего же тебе не терпится получить новую порцию.

Она не могла призвать на помощь магическое пламя. Даже искорку.

Кэрн прошел к горке дров возле жаровни и бросил несколько поленьев в угасающий огонь. Голодное пламя сразу же набросилось на дрова.

Магия Аэлины не отзывалась. Все, чем ее кормили и поили сквозь узкую щель маски, отдавало железом.

Поначалу она вообще отказывалась есть и пить. Чувствовала привкус железа и выплевывала. Когда она чуть не умерла от обезвоживания, ей насильственно влили в рот воду. Затем позволили голодать, пока она не сдалась и не проглотила все, что поставили перед ней. Со вкусом железа или без – это ее уже не волновало.

Она редко вспоминала о моменте своей слабости. Как же ликовал Кэрн, увидев, что она ест. И как бесновался потом, не сумев сломить ее дух.

Кэрн подбросил дров в другую жаровню и щелкнул пальцами.

– Можешь справить нужду в коридоре, – сказал он Фенрису. – Потом возвращайся без промедления.

Громадный волк вскочил, словно невидимые руки призрака подняли его с пола, и бесшумно исчез за дверью.

Маэва предусмотрела даже это, наделив Кэрна властью приказывать Фенрису, когда тому есть, пить и справлять нужду. Она знала: порою Фенрис намеренно забывал о телесных потребностях. Даже внутри ящика было слышно, как он поскуливает от боли.

Это не относилось к ее снам. Реальность. Жуткая реальность.

Кэрн неторопливо разглядывал ее. Опытный фэйский воин, обученный всему, кроме понятий о совести и чести.

– И как же, Аэлина, будет происходить наша вечерняя игра?

Она ненавидела звук собственного имени в его устах.

Вместо ответа Аэлина оскалила зубы.

Рука Кэрна метнулась с быстротой гадюки и больно сжала ей горло.

– Ах, сколько гнева! Даже сейчас.

Она не расставалась с гневом ни на мгновение. Погружаясь в огненное море, бурлящее внутри, рассказывая истории тьме и пламени, она всегда ощущала гнев. Он вел ее через дни терзаний, не давая окончательно сломаться.

Пальцы Кэрна еще больнее впились ей в горло. Аэлина не смогла подавить стон.

– А ведь достаточно нескольких твоих слов, принцесса, и все кончится, – проворковал Кэрн, наклоняясь к ней. Его дыхание проникало через ротовую щель маски и противно жгло губы. – Несколько коротких слов – и наши пути разойдутся навсегда.

Она никогда не произнесет этих слов. Маэва не дождется от нее клятвы на крови.

Клятва означала бы полный отказ от себя, всех своих знаний, устремлений и привычек. Вечное рабство для нее самой и гибель для остального мира.

Кэрн ослабил хватку. Аэлина судорожно вдохнула. Но его пальцы оставались на ее шее, сместившись вправо.

Она прекрасно знала, куда именно сместились его пальцы. Кэрн ощупывал двойной след укуса на ее коже, между шеей и плечом.

– Как интересно... – бормотал Кэрн.

Аэлина отвернула голову и вновь оскалила зубы.

Кэрн ее ударил. Не по лицу, чтобы не отбивать пальцы о железо маски. По незащищенному животу.

У нее перехватило дыхание. Лязгнула цепь, сообщая о ее безуспешной попытке повернуться на бок.

Неслышно вернулся Фенрис и улегся на свое место у стены. В темных волчьих глазах мелькнула тревога и ярость. Он видел, как она судорожно хватала ртом воздух, как напрасно пыталась прикрыть железными рукавицами живот. Но Фенрис мог лишь смотреть.

Он четырежды моргнул. «Я здесь, я с тобой».

Кэрн этого не видел. Не заметил ее ответного моргания. Ухмыляясь, он разглядывал следы укусов, втравленных в кожу благодаря теплой, насыщенной солью воде Бухты Черепов.

Укусы оставили зубы Рована. Это были знаки, которыми он пометил свою истинную пару.

Она прогнала все мысли о Роване. Молоток с тяжелым бойком был уже в широких ладонях Кэрна. Мучитель смотрел на Аэлину, как художник смотрит на чистый холст, выбирая место для первого мазка.

– Если бы не строгий приказ Маэвы, я бы тоже приложился зубками к твоей шее, – мечтательно произнес Кэрн. – Вот и посмотрели бы, прочны ли отметины Боярышника.

В душе Аэлины зашевелился ужас. Она не впервые видела, что вытягивают из Кэрна долгие часы, проводимые с нею. Она скрючила пальцы и заскребла по камню, словно то было лицо ее палача.

Кэрн взял молоток в руку:

– Пора начинать.

Другой рукой он провел по ее туловищу. Аэлина дернулась от его бесцеремонного прикосновения.

– Какая ты чувствительная! – улыбнулся он и сжал ее голую коленку. – Помнится, в прошлый раз мы занимались ногами. Сейчас поднимемся повыше.

Аэлина внутренне собралась, стараясь дышать глубже и с помощью дыхания унести себя подальше, временно покинуть свое тело.

Им ее не сломать. Никогда она не принесет Маэве клятвы на крови.

Ради Террасена, ради ее соплеменников, которых она когда-то покинула, оставив наедине с ужасами адарланского завоевания. Это был ее долг перед родиной.

Аэлина погружалась все глубже, словно могла спрятаться или убежать от того, что сейчас последует.

Молоток сверкнул, поймав отсветы жаровен, и застыл над ее коленом. Кэрн затаил дыхание, предвкушая наслаждение.

«Я здесь, я с тобой», – без конца моргал ей Фенрис.

Его ободрения не остановили молотка, упавшего на колено. И крика, вырвавшегося из ее горла.

Глава 4

– Этот лагерь они покинули несколько месяцев назад.

Манона стояла на заснеженной скале, всматриваясь в темнеющие отроги Белоклычих гор. А за горами лежал обширный Западный край. Услышав обращенные к ней слова, она обернулась.

Астерина все так же сидела на корточках возле костровой ямы, наполовину занесенной снегом. Холодный пронизывающий ветер трепал истертую накидку из козьего меха.

– Ушли в самом начале осени, – добавила первая заместительница Маноны.

Манона была того же мнения. Тени, как звали двух ее разведчиц, наткнулись на следы лагеря час назад, совершая обычный полет над местностью. Лагерь был умело спрятан на подветренной стороне каменистой вершины, однако цепким глазам разведчиц удалось заметить кое-какие «неправильности». Матерь свидетельница, Манона тоже летала над этим местом, но ничего не замечала.

Астерина встала, отряхивая снег с доспехов. Плотные, рассчитанные на непогоду, они не спасали от жестокого здешнего холода. Приходилось дополнительно согревать себя меховыми накидками.

«Они помогают сливаться со снегом», – утверждала Идда, одна из Теней. Прежде ей нравилось красить волосы в черный цвет, но сейчас, ради лучшей маскировки, она вернула свой настоящий, лунно-белый. Такого же цвета волосы были и у Маноны. Бриара продолжала краситься, утверждая, что для ночной разведки лучше оставаться черноволосой.

Сейчас обе Тени с присущей им осторожностью двигались по заброшенному лагерю. Возможно, и не Тени уже, а два лика луны: темный и светлый.

Перемен в отряде Тринадцати хватало. Сейчас ведьмы Маноны сгрудились под естественным каменным навесом, защищавшим от ветра.

– Их нет ни здесь, ни поблизости, – почти прошептала Астерина, чтобы ее слова слышала только Манона.

– Три лагеря, и все давным-давно покинуты, – тоже шепотом отозвалась Манона. – Мы гоняемся за призраками.

Ветер вытащил из косы Астерины прядь золотистых волос, и сейчас эта прядка трепетала, как знамя, указывая на запад. В сторону их древней родины, которую они, быть может, никогда не увидят.

– Остатки лагерей доказывают, что крошанки по-прежнему существуют. Возможно, они здесь охотились в конце лета. Гислана так думает.

– Лагеря могли устраивать и дикие племена, обитающие в здешних горах, – возразила Манона, хотя знала, что это не так.

За сто лет она выследила достаточно крошанских ведьм и легко отличала их маленькие опрятные лагеря от всех прочих. И костры они складывали совсем не так, как дикари. Это знали все ведьмы отряда Тринадцати. Что же касается дикарей, их по приказу Эравана ведьмы истребили достаточно, и было это не давным-давно, а в начале нынешнего года. Да и повадки этих звероподобных людей они тоже знали.

– Мы найдем крошанок, – сказала Астерина, обращая взгляд своих черных, с золотистыми крапинками глаз к размытой линии горизонта.

И как можно скорее. Нужно найти хотя бы горстку крошанок. Манона знала: при всей их разрозненности эти ведьмы постоянно общались между собой и приходили друг другу на помощь.

Помимо Эравана, у Маноны и ведьм отряда Тринадцати был еще один противник – время. С момента морского сражения и страшных событий на побережье Эйлуэ прошло почти

два месяца. Тогда Манона узнала, какую чудовищную цену должна заплатить террасенская королева, дабы положить конец этому безумию. Если не она, то другой потомок Мэлы.

Манона подавила желание еще раз взглянуть на собравшихся ведьм. Вместе с ними стоял и адарланский король. Сейчас он развлекал Васту, сотворив у себя на ладони три вихря: огненный, водный и ледяной. Небольшой показ удивительной и очень опасной магии. Вихри лениво кружились на его ладони, а Васта восхищенно таращила глаза. Манона не раз замечала, какие взгляды бросает рыжеволосая на короля. Но видела она и другое: Васта благоразумно не поддавалась желанию познакомиться с ним поближе.

Правда, Манона ничего ей не приказывала и не объясняла отряду Тринадцати, кем является для нее этот человеческий король.

«Никем», – хотелось ей сказать. Он всего лишь был таким же неприкаянным, как она. Умеющим, как она, скрывать свою злость. И, так же как она, испытывающим острую нехватку времени. Поиски третьего и последнего Ключа Вэрда оказались бесплодными. Два других, которые король таскал в кармане, не давали никаких подсказок. Только странно и довольно противно пахли. Где Эраван прятал третий Ключ, эти два не знали. Соваться в Морат или любую другую его крепость было равносильно самоубийству.

Потратив несколько недель на безуспешные поиски Ключа, ведьмы обратились к другой цели: к поиску крошанок. Король поначалу возражал, но затем согласился. Для его друзей и союзников на севере никакой отряд воинов не был лишним. И потому теперь ведьмы искали крошанок... Манона твердо решила сдержать обещание.

Пусть она больше не являлась наследницей клана Черноклювых и командующей воздушной армией, это не мешало ей оставаться верной данному слову.

Она разыщет крошанок. Убедит их примкнуть к отряду Тринадцати. Соединиться с нею – их последней живой крошанской королевой. Даже если эти действия приведут их всех в объятия тьмы.

Солнце поднялось выше, загло снега ослепительным блеском.

Задерживаться на одном месте было неразумно. Все эти недели их выручали сила и смекалка. Пока они разыскивали крошанок, их самих тоже искали. В основном Желтоногие и Синекровные. И естественно, все отряды разведчиц.

Манона приказала в стычки не вступать и никого не убивать. Исчезнувший отряд Железнодорожных дозорных сразу бы показал, где искать Манону и ее отступниц. Хотя Дорин мог бы свернуть противницам шеи, даже не пошевелив пальцем.

Манона охотно приняла такого грозного союзника. Остальные ведьмы ее отряда – тоже. Жаль он не родился ведьмаком.

– А когда мы найдем крошанок, что ты им скажешь? – задумчиво спросила Астерина.

Манона постоянно думала об этом. Крошанки не знали, кем была Лотиана Черноклювая, полюбившая отца Маноны – крошанского принца. (Мальчики у крошанок рождались очень редко.) Родители Маноны мечтали... нет, они верили, что ребенок, родившийся от их любви, сумеет сломать проклятие Железнодорожных и объединит всех ведьм.

Дитя мира, а не войны.

Слова, столь непривычные для языка Маноны. Любовь. Мир.

Манона дотронулась до красной ленты, вплетенной в косу. Это был лоскут от плаща ее сводной сестры Рианноны, названной в честь последней королевы-ведьмы. Иногда лицо Маноны становилось похожим на лицо той королевы.

– Прежде всего я попрошу не стрелять, – сказала Манона.

– Я не об этом, – улыбнулась Астерина. – Как ты им расскажешь, кто ты?

Манону редко что-либо ставило в тупик или пугало. Но разговаривать с крошанскими ведьмами, которых ее приучили считать заклятыми врагами...

– Сама не знаю, – пробормотала Манона. – Давай вначале их найдем, а там... видно будет.

Белая Демонесса – так звали ее крошанки. Она тоже числилась у них среди самых заклятых врагов. Каждой крошанке было приказано убить ее на месте, без всякого разбирательства. Получается, они не знали, кто она такая.

А вот ее сводная сестра догадалась. Но Манона, не зная, кем ей доводится Рианнона, перерезала крошанке горло.

Манона – Убийца Соплеменниц. Так назвала ее бабушка в минуты их поединка. До этого верховная ведьма клана Железозубых с гордостью принимала сердце каждой убитой Маноной крошанки. И так продолжалось более ста лет.

Манона закрыла глаза, слушая унылую песню ветра.

У нее за спиной жалобно заскулил голодный Аброхас. Они все голодали в эти дни.

– Манона, мы последуем за тобой, – тихо сказала Астерина.

– Неужели я заслуживаю такой чести? – Манона повернулась к двоюродной сестре.

Астерина плотно сжала губы. Солнце делало заметнее небольшую горбинку у нее на носу. Эту отметину она заработала от Маноны за то, что в трапезной подземелья Омаги подралась с болтливой и крикливой ведьмой клана Желтоногих. Астерина ни разу не посетовала на наказание и носила горбинку как знак отличия.

– Это тебе самой решать, – помолчав, ответил Астерина.

Ответ постепенно укладывался в сознании Маноны. Ведьма снова повернулась к западной стороне горизонта. Быть может, она и заслужит эту честь, если приведет ведьм на родину, о которой они знали так много, но все понаслышке.

Конечно, если они уцелеют в ужасах разгорающейся войны.

Ускользнуть незамеченным от тринадцати спящих ведьм и их драконов – задача не из простых.

Но Дорин Хавильяр готовился к этому заранее. Изучал, кто как несет караул, кто спит крепче других, кто сразу доложит, что он удалился от их костерка, а кто промолчит. Готовиться он начал больше месяца назад, как только у него возник этот замысел.

Нынче привал устроили на неширокой каменной площадке, где обнаружили давнишние следы лагеря крошанских ведьм. Нависающая скала преграждала путь холодному ветру. Драконы разлеглись полукругом, создав теплую чешуйчатую стену.

Дорин знал: отлучиться надолго он не сможет. Неделями он упражнялся, разыгрывая сонного человека, рассерженного тем, что телесные потребности вынудили его встать и, ежась от холода и ветра, брести справлять нужду. Нужно, чтобы ведьмы привыкли к его ночным отлучкам. И чтобы к ним привыкла Манона.

Ни он, ни ведьма не делали никаких признаний, однако на всех привалах укладывались спать рядом. Об остальном не могло быть и речи, когда вокруг – дюжина ведьм. Остальное происходило у них в безлистных лесах и на заснеженных перевалах. Тогда их руки неистово двигались по телу друг друга. Точнее, по тем частям тела, что они решались обнажить на холодном ветру.

Их слияния были короткими и неистовыми. Зубы, ногти, рычание. И не только со стороны Маноны.

Ведьмы упрямо искали следы исчезнувших крошанок. Дорин порою ощущал себя игрушечным солдатиком, оказавшимся среди реальных опасностей. Ведьмы изворачивались, чтобы не попасться на глаза соплеменницам, воюющим на вражеской стороне. Друзья Дорина проливали кровь, спасая родные края. Только он... После очередного дня бесплодных поисков он не меньше, чем Манона, ощущал потребность сбросить накопившееся напряжение. Они никогда не говорили на такие темы, чему он был только рад.

Дорин вообще не представлял, в кого он нынче превратился.

Если не лукавить, чаще всего он ощущал себя маленьким, никчемным человечком. Это ощущение длилось не первый месяц, прерываемое лишь краткими моментами близости с Маной и его упражнениями с ведьмами отряда Тринадцати. В последнем случае тупая ярость заставляла его уставшую руку размахивать мечом, а его самого – упрямо подниматься, будучи в очередной раз сбитым с ног.

Сражение на мечах, стрельба из лука, метание ножей, искусство выслеживания – ведьмы учили его всему, о чем бы он ни просил. Вместе с тяжелым Дамарисом на оружейном поясе Дорина висел ведьмин нож. Нож ему подарила Соррель – вторая заместительница Маноны, когда пару недель назад ему впервые удалось выиграть поединок у этой ведьмы с каменным лицом.

Но когда заканчивались уроки, когда все рассаживались возле костерка (больших костров разводить не отваживались), Дорин мысленно спрашивал себя: чуют ли ведьмы беспокойство, кусающее его за пятки?

Может, и сейчас они учуяли, что встал он совсем не ради малой нужды на холодном ветру? Дорин бесшумно пробрался между подстилками, затем протиснулся в узкую щель между Нареной – небесно-голубой драконихой Астерины – и Аброхасом. Кивнул Васте, несущей караул. Рыжеволосая ведьма, невзирая на пронизывающий холод, лукаво улыбнулась ему и провожала взглядом, пока он не завернул за выступ скалы и не исчез из виду.

Дорин намеренно выбрал время ее смены. Иные ведьмы отряда Тринадцати вообще не улыбались. Линна до сих пор поглядывала на него так, словно намеревалась расплосковать ему кожу и посмотреть, как он устроен внутри. Эмогия держалась замкнуто и не улыбалась даже соратникам. Тейя и Кайя обменивались улыбками исключительно между собой. А если улыбались зеленоглазые Фалина и Фаллона (близняшки-демоняшки, как их называли) – это предвещало ад кромешный.

Всех их насторожило бы его затянувшееся отсутствие. Но Васта, беззастенчиво кокетничающая с ним, не будет считать минуты. Возможно, из страха, что Манона истолкует это по-своему и ей же достанется.

Порою Дорину делалось стыдно. Получалось, ведьмы – не более чем пешки в его игре. Он наблюдал за ними, изучал их повадки, забывая, что поиски крошанок – рискованное, смертельно опасное занятие.

Но какая разница, заботит ли его судьба ведьм и своя собственная? Прежде он был очень заботливым и внимательным. И что? Это не спасло ни его, ни Соршу.

Он решил пожертвовать всем, чтобы запечатать Врата Вэрда. Остальное не имело значения.

Дамарис оттягивал бок, но древний меч не шел ни в какое сравнение с двумя другими предметами, засунутыми во внутренний карман плотного камзола. К счастью, Дорин быстро научился заглушать их шептания и не откликаться на их диковинные посулы. Это удавалось ему почти всегда.

Ни одна из ведьм не спросила, почему Дорин так легко согласился прекратить поиски третьего Ключа Вэрда. Он не желал понапрасну тратить время на споры. Замысел созрел в его мозгу уже тогда, и он повел себя так, что Манона и остальные ведьмы поверили: Дорина вполне устраивает роль стража, прикрывающего их своей магией.

Это место он присмотрел еще днем. Со стороны казалось, что он бесцельно бродит по окрестностям бывшего лагеря крошанок. Придя сюда ночью, Дорин быстро занялся приготовлениями.

Он помнил все движения рук Аэлины, когда в Бухте Черепов, на полу комнаты в «Океанской розе», она чертила своей кровью Знаки Вэрда. Но Дорин намеревался призвать на разговор не древнюю королеву Элиану.

Когда снег покраснел от Знаков Вэрда, нарисованных кровью Дорина, когда он удостоверился, что ветер по-прежнему дует со стороны лагеря, а не наоборот, он вытащил из ножен Дамарис и вонзил меч в середину круга.

Оставалось ждать.

Дорин чувствовал легкое гудение своей магии. Небольшое пламя согревало его, иначе за долгие минуты ожидания он бы окоченел на пронизывающем ветру.

Лед был первым проявлением его магии. Дорин рассчитывал, что это даст ему некоторые преимущества или хотя бы защиту от нестерпимого холода здешних мест. Ничего подобного. И тогда он решил: если они доживут до изнуряющего летнего зноя, он больше никогда не посетует на жару.

Все недели, пока ведьмы вели неустанные и бесполезные поиски, Дорин оттачивал магические способности. Ведьмы магией не обладали, если не считать особого ритуала, называемого Выплеском. Но совершить этот ритуал ведьма могла лишь однажды, поскольку разрушительная сила Выплеска лишала ее жизни. Меж тем отряду Тринадцати были интересны уроки Рована, которые Дорин усердно повторял. Лед. Вода. Исцеление. Ветер. Все попытки зажечь огонь на промерзшей, заснеженной земле кончались неудачей, но он их продолжал.

Единственной магией, всегда откликавшейся на призыв Дорина, была невидимая сила, способная ломать кости. Эта магия нравилась ведьмам больше всего, поскольку делала адарланского короля их мощной линией защиты от врагов. Да, смерть была его даром. Единственное, что он мог предложить своим спутникам. В этом смысле он мало чем отличался от отца.

Дорина окутало невидимое ровное пламя.

За все время их странствий они не получали никаких вестей о судьбе Аэлины, Рована и спутников фэйского принца. Неужели Аэлина до сих пор оставалась пленницей Маэвы? Дорин часто вопрошал свою магию, но не получал ответов.

Аэлина с готовностью пожертвовала всем ради спасения Террасена и тех, кто ей дорог. Не в пример Дорину, ей было что терять. Любящего мужа, ее истинную пару. Двор, готовый последовать за нею в ад. Королевство, заждавшееся ее возвращения.

А ему? Безымянная могила целительницы, о которой никто не вспомнит, разрушенная империя и развалины замка – вот и все, что оставалось у Дорина Хавильяра.

Рушащийся стеклянный замок... Отец, протягивающий к нему руки и умоляющий о прощении... Дорин закрыл глаза, прогоняя жуткие картины. Его отец был чудовищем во всем. Он и Дорина зачал, будучи одержимым валгским демоном.

Кем вырос он сам? Этот вопрос Дорин тоже часто себе задавал. Его кровь оставалась красной, а валгский демон, поселившийся у него внутри, питался им. Более того, валг заставлял Дорина наслаждаться ужасами, которые он творил, плененный каменным ошейником. Тот демон уничтожен. На шее – лишь белая полоска на месте ошейника. Но мог ли Дорин считать себя человеком в полном смысле этого слова?

Он шумно выдохнул и открыл глаза.

Перед ним на снегу стоял некто.

– Приветствую тебя, Гавин, – низко поклонившись, произнес Дорин.

Глаза первого адарланского короля были того же цвета, как у Дорина.

Впрочем, учитывая тысячелетний разрыв, это у Дорина были глаза его далекого предка. В остальном древний король ничем не напоминал его. Длинные темно-каштановые волосы, резкие черты лица, суровый рот с плотно сжатыми губами.

– Ты изучил Знаки Вэрда.

– Я быстро учусь, – ответил Дорин, выпрямляя спину.

Гавин не улыбнулся.

– Вызывание умерших – отнюдь не забава. Призывая меня сюда, ты немало рисковал, молодой король. Особенно если помнить, что ты носишь при себе.

Дорин похлопал по камзолу, в кармане которого лежали Ключи Вэрда. Он и сейчас не отозвался на их странную, ужасающую силу, которая сразу же забурлила в ответ.

– Нынче любое действие рискованно. А вызвал я тебя потому, что нуждаюсь в твоей помощи.

Гавин не ответил. Взгляд древнего короля упал на воткнутый в снег Дамарис, окруженный начертанными Знаками Вэрда. Меч обладал связью с Гавином. Такой же связью обладал Глаз Элианы, амулет, с помощью которого Аэлина тогда вызвала королеву.

– Приятно видеть, что ты бережно обращаешься с моим мечом. – Гавин поднял глаза на молодого короля. Взгляд их был столь же острым, как лезвие Дамариса. – Увы, я не могу сказать того же о моем королевстве.

– Я унаследовал его от отца не в лучшем состоянии, – стиснув зубы, ответил Дорин.

– Прежде чем стать адарланским королем, ты долгое время был наследным принцем Адарлана.

Магия Дорина превратилась в лед, жестче и холоднее окружающего.

– Тогда будем считать, что сейчас я стремлюсь искупить свое дурное поведение в прошлые годы.

Гавин приковал его своим взглядом. Дорину показалось, что это будет длиться вечность. Гавин был настоящим королем, не только по титулу, но и по духу. С тех пор как он отправился на вечный покой в подземелье им же построенного замка, не многие выказывали такую же стойкость духа.

Дорин выдержал взгляд Гавина. Пусть видит, что осталось от прежнего наследного принца. И пусть обратит внимание на белесый след от каменного ошейника.

Затем Гавин моргнул, выражая позволение говорить дальше.

– Где находится третий Ключ? – глотая вязкую слюну, спросил Дорин.

Гавин стал похож на каменную статую:

– Об этом мне запрещено говорить.

– Запрещено или ты не хочешь?

С Гавином ему надлежало бы говорить, стоя на коленях, уважительным тоном. Разве мало легенд о Гавине читал он в детстве? Или забыл, как бегал по замку, воображая себя древним королем?

Дорин вытащил из кармана амулет Оринфа. Цепочка закачалась на обжигающем ветру. Из золотого медальона, куда был вставлен голубой камень, послышалась призрачная песнь на давно исчезнувшем языке.

– Брэннон Галатиний пошел против богов, поместив Ключ Вэрда в этот амулет вместе с предостережением Аэлине. Хотя бы подскажи направление поисков. Разве я многого прошу?

Очертания фигуры Гавина размылись, но сам он не исчез. Время подгоняло обоих.

– Брэннон Галатиний был самоуверенным хвастуном. Я видел, к чему приводит вмешательство в замыслы богов. Это добром не кончается.

– Но всему причиной тогда были не боги, а твоя жена.

Гавин оскалил зубы. И хотя древнего короля давно не было в живых, магия Дорина снова вспыхнула, готовая нанести удар.

– Цена всего этого – моя истинная пара, – прорычал Гавин. – Если все Ключи отыщутся, она исчезнет навсегда. Знаешь ли ты, каково это чувствовать, молодой король? Держать в руках вечность, которую у тебя вдруг отнимают?

Дорин не считал нужным отвечать на его вопросы.

– Я понял. Ты не хочешь, чтобы я нашел третий Ключ, ибо это оборвет существование Элианы.

Гавин молчал.

– Если Ключи не будут возвращены Вратам Вэрда, погибнут сотни тысяч людей, и не только на Эрилее. – Дорин запихнул амулет Оринфа обратно в карман, не поддаваясь на его потусторонние нашептывания и не обращая внимания на странную силу, заструившуюся по телу. – Нельзя быть таким безжалостным.

Гавин молчал. Ветер трепал его темные волосы. Но его глаза едва заметно вспыхнули.

– Скажи, куда нам отправиться за третьим Ключом, – шепотом продолжал Дорин. Он знал: у него остались считанные минуты. Даже Васта может не выдержать и отправиться его искать. – Скажи, где третий Ключ.

– Твоя жизнь тоже оборвется. Если ты соберешь Ключи и изобразишь Замок, тебе придется расплатиться собственной душой. От тебя не останется даже пылинки. Ни в какой посмертный мир ты не попадешь.

– Сейчас никого особо и не заботит посмертное существование.

Дорина оно точно не заботило. Учítывая, сколько ошибок он наделал в прежние годы, такой конец был для него вполне заслуженным.

Гавин вновь устремил на него долгий пристальный взгляд. Дорин не дрогнул, напоминая себе, что выжил в двух войнах, затеянных Эраваном.

– Элиана помогла Аэлине, – напирал Дорин, и его дыхание клубилось в морозном воздухе.

Она не отступила, хотя знала, какая судьба ее ждет, если Ключи отыщутся. И Аэлина не отступила, понимая, что лишается долгой жизни со своей истинной парой и последующей вечности с ним.

«Чего мне тоже не видать», – мысленно добавил Дорин. У него заколотилось сердце. Магическая сила внутри стала нарастать.

– А вот у тебя получилось. Ты предпочел убежать от судьбы.

– Эравана можно победить, не запечатывая Врат Вэрда, – вдруг сказал Гавин, сверкнув зубами.

– Расскажи, как это сделать, и я найду способ это осуществить.

Гавин опять замолчал и замер, стиснув кулаки.

Дорин негромко фыркнул:

– Если бы ты действительно это знал, все кончилось бы уже давным-давно. – Гавин покачал головой, но Дорин продолжал: – Твои друзья гибли, сражаясь с ордами Эравана. Помоги моим друзьям избежать той же участи. Возможно, для кого-то это слишком поздно.

От произнесенных слов Дорину скрутило живот. Сумел ли Шаол добраться до Южного континента? Лучше бы он оттуда не возвращался, оставаясь в безопасной Антике. Хотя Шаол, конечно же, не станет прятаться от битв.

Дорин оглянулся на лагерь ведьм, скрытый за уступом. Времени почти не осталось.

– А что будет с Адарланом? – спросил Гавин. – Ты бы решился оставить его без короля?

Вопрос показывал, какого мнения Гавин о Холлине – младшем брате Дорина.

– Это так ты искупаешь ошибки своего повесничанья в бытность наследным принцем?

Дорин принял словесный удар. Это была правда, брошенная ему тем, кто верно служил своему безымянному богу.

– Неужели это так важно, когда Адарлан лежит в развалинах?

– Адарлан был моей гордостью.

– Нечем там гордиться! – огрызнулся Дорин. – Не только сейчас. Уже давно. Возможно, Адарлан заслужил такую участь.

– Это слова беспечного, высокомерного мальчишки, – склонив голову набок, бросил ему Гавин. – Думаешь, ты – единственный, кто познал горечь потерь?

– Между прочим, твой страх потери заставляет тебя предпочесть женщину и пожертвовать судьбой мира.

– А если бы перед тобой стоял выбор: твоя женщина или Эрилея, неужто ты бы поступил по-иному?

Сорша или остальной мир? Вопрос показался Дорину неискренним. Огонь внутри притух. И все же он решился сказать Гавину:

– Сейчас ты обманываешься насчет пути, что лежит впереди, а когда-то ты служил богу правды.

Дорин узнал об этом от Шаола. Весной, бродя по катакомбам, находящимся глубже рафт-хольских сточных каналов, Шаол с Рованом, Аэлиной и Эдионом набрали на забытый храм костей, где обнаружили признание Гавина, сделанное на смертном одре.

– Интересно, что сказал бы твой бог о роли Элианы во всем этом?

– Всевидящий не признаёт родства с этими бесхребетными существами, – прорычал Гавин.

Дорину показалось, что вокруг пахнуло пыльным сухим ветром.

– Тогда кто он?

– А может ли быть много богов из многих мест? Могут ли одни принадлежать этому миру, другие – иным мирам?

– Подобные споры оставим для более подходящих времен! – резко бросил ему Дорин. – Война – неподходящая пора.

Дорин втянул в себя морозный воздух. Потом еще раз.

– Прошу тебя, помоги мне спасти моих друзей. Помоги справиться с этой задачей.

С единственной оставшейся у него задачей.

И опять Гавин смотрел на молодого короля, оценивал его. Дорин это выдержал. Пусть читает всю правду, что написана у него в душе.

На лице Гавина появилось болезненное выражение, к которому примешивалось сожаление.

– Третий Ключ находится в Морате, – наконец сказал он.

– В какой части Мората? – пересохшими губами спросил Дорин.

– Не знаю.

Дорин ему поверил. Неподдельный ужас в глазах Гавина подтверждал: древний король не врет. Кивком Гавин указал на Дамарис:

– Этот меч выкован не для красоты. Если не доверяешь себе, пусть он ведет тебя.

– А что, Дамарис действительно говорит правду?

– Сам Всевидящий благословил Дамарис, когда я принес ему клятву служения. – Гавин как-то странно передернул плечами. На мгновение Дорин увидел прежнего Гавина, который воспитывался в адарланской глуши и из обычного полководца поднялся до короля. – Ты все еще не научился отличать правду от лжи. Придется устранить этот пробел.

– Значит, Дамарис поможет мне найти в Морате третий Ключ?

Вторгнуться в оплот Эравана, туда, где изготавливают эти каменные ошейники...

– Этого я сказать не могу, – поджал губы Гавин. – Но дам тебе совет: не торопись отправляться в Морат. Дождись, когда будешь готов.

– Я уже готов.

Вранье малолетнего дурня. Гавин это тоже знал. Дорин едва удержался, чтобы не дотронуться до шрама на шее.

– Морат – не просто крепость, – сказал Гавин. – Это сущий ад, который жестоко наказывает беспечных юнцов. – Дорин поежился, но Гавин продолжал: – Когда будешь готов по настоящему, ты сам это поймешь. Лучше остаться в этом лагере... если сумеешь убедить своих спутниц. Здесь путь тебя и найдет.

Очертания Гавина размылись еще сильнее. Лицо подернулось дымкой.

– Скажи, я – человек? – спросил Дорин, рискнув шагнуть к нему.

Сапфировые глаза Гавина чуть потеплели.

– Не мне отвечать на твой вопрос.

Король исчез.

Глава 5

Командир, выслеженный Рованом, утверждал, что последние распоряжения поступали к нему из Доранеллы.

Фэйцы и Элида не знали, верить ли ему.

Вечер застал их в пыльном поле, на окраине заштатного городишки. Они сидели у костра. Лоркан Сальватир, давным-давно отмывший руки от крови того командира, продолжал вслух размышлять об услышанном.

Неужто они упустили из виду самый простой вариант? Что, если Маэва все это время находилась в Доранелле, прячась от своих подданных?

Но тот командир мог быть и отъявленным вруном. Перед смертью он успел плюнуть Лоркану в лицо.

Сегодня они нашли еще одного. За ним охотились целую неделю в ближайшей гавани. Этот утверждал, что к нему приказы приходят из далекого королевства, где они уже побывали три недели назад. Оно находилось в противоположной стороне от Доранеллы.

Лоркан ковырял землю носком сапога.

Его спутников не тянуло на разговор, особенно после слов их сегодняшней жертвы. Кто же из двух командиров врал?

– Доранелла – оплот Маэвы. – Спокойный голос Элиды оборвал молчание, становящееся все более тягостным. – Это ведь так просто – не прятать Аэлину по далеким землям, а привезти прямо туда. Думаю, фэйская королева не особо ломала голову.

Рован Боярышник продолжал смотреть на огонь. Он так и не отмыл кровь со своего темно-серого камзола.

– Удерживать Аэлину в Доранелле, чтобы об этом никто не знал? Такое невозможно даже для Маэвы, – возразил Лоркан. – Мы бы наверняка услышали.

Он не помнил, когда в последний раз заговаривал с Элидой.

Его жестокое обращение с фэйскими командирами пугало ее, но не настолько, чтобы отойти подальше, отвернуться и закрыть уши. Пусть в самые жуткие моменты Элида и сжималась, но внимательно ловила каждое слово, выбиваемое Рованом и Лорканом из пленных. Должно быть, в Морате она видела сцены и похуже. Это добавляло Лоркану ненависти к Морату и к ее дяде – чудовищу, продолжавшему безнаказанно творить злодеяния.

Но с Варноном Лошэном он разберется потом. После того, как они найдут Аэлину... или то, что от нее осталось.

Глаза Элиды похолодели. Даже слишком.

– В Бухте Черепов Маэва успешно прятала Гареля и Фенриса от Рована. Ей вообще удалось спрятать целый флот. – Лоркан не ответил. Элида продолжала, глядя все так же пристально и холодно: – Маэва знала: Доранелла – самый простой вариант, который мы отвергнем как раз из-за его простоты. Нам куда легче поверить, что она спрятала Аэлину не у себя дома, а в далеких неведомых краях. Это Маэва тоже предвидела.

– Маэве ничего не стоит собрать армию, что затрудняет нам спасение, – напомнил Гарель.

Лоркан смотрел, как вздрагивают узоры татуировки на шее Гареля. Надо бы сказать ему, чтоб заткнулся, однако Лоркан промолчал. Он не раз замечал, сколь часто Гарель, изменяя былым привычкам, пускался в разговоры с Элидой. Отчасти Лоркан был даже благодарен, поскольку от него Элида сейчас не желала принимать никакой помощи.

Пусть покарает его Хеллас, когда у нее начались месячные, он разрезал свою рубашку, но был вынужден передать лоскуты через Рована и Гареля. Соратникам он пригрозил содрать с них кожу, если проговорятся. Элида, не обладавшая фэйским обонянием, не учуяла на ткани его запаха.

Лоркан и сам не понимал, зачем это делает. Он до сих пор помнил ее слова, сказанные на эйлуэйском берегу: «Надеюсь, остаток своей жалкой бессмертной жизни ты проведешь в страданиях и одиночестве. И еще надеюсь, что раскаяние и чувство вины будут постоянно глотать твое сердце, став незаживающей раной, которую не исцелит никакая магия».

Клятва это или проклятие – Лоркан не знал. Но слова Элиды в точности исполнялись. Он сломал нечто безмерно драгоценное, о чем и не догадывался, пока это не случилось.

Оборванная клятва на крови до сих пор оставалась зияющей раной в душе Лоркана, однако она и близко не напоминала дыру в груди, ощущавшуюся всякий раз, когда он смотрел на Элиду.

Зная, что на родине его ждет бесчестие, а то и смерть, Элида предложила ему дом в Перранте. Дом, где они жили бы вместе. Теперь этому не суждено сбыться, и причина вовсе не в Маэве. В его предательстве, настолько чудовищном, что Лоркан не представлял, можно ли хоть как-то все исправить.

«Где Аэлина? Где моя жена?»

Жена Рована Боярышника. Его истинная пара. Только нескончаемые поиски Аэлины удерживали Лоркана от прыжка в яму, из которой он никогда бы не выбрался. Это он знал.

Если они найдут Аэлину, если после зверств Кэрна это будет женщина с руками и ногами, а не жуткий обрубок, он найдет способ жить дальше. Научится выносить себя такого, каким стал. Быть может, ему на это понадобится еще пятьсот лет.

Лоркан запретил себе думать о том, что через несколько столетий от Элиды останется лишь прах. Но проклятая мысль все же мелькнула, отчего скудная трапеза, состоявшая из черствого хлеба и отвердевшего сыра, камнем легла на желудок.

Дурак – вот он кто. Бессмертный глупец, вступивший на тропу любви к смертной девочке. Он забыл главную ее особенность. Даже если Элида его и простит, годы все равно возьмут свое.

– Может, сегодняшний командир и не врал, – наконец заговорил Лоркан. – Маэва могла отправиться и к аккадианцам. Она давно поддерживает отношения с их королевством.

Об этом Лоркан знал по собственному опыту. Ему, Ровану и Гарелю пришлось повоевать в тех краях, где ветры свистят над песчаными барханами. Он не жаждал туда возвращаться.

– Аэлина вполне может находиться под присмотром аккадской армии.

Лоркан не преувеличивал: чтобы не дать Ровану прорваться к своей истинной паре, понадобится целая армия.

Он повернулся к принцу, не зная, слышал ли тот его слова. В голову Лоркана залетела другая противная мысль: не пришлось бы Боярышнику вскоре добавлять новый узор татуировки на другой стороне лица.

Они не один век сражались вместе. Прежде Рован отличался жестокосердием. Таким же был и Лоркан вплоть до нынешней весны.

– Сегодняшний командир оказался на редкость говорливым, – продолжал Лоркан. – Ты ему едва пригрозил, как он начал заливаться соловьем. Прежний, утверждавший, что Маэва находится в Доранелле, был покрепче. Ухмылялся до самого конца.

– Я тоже думаю, что она в Доранелле, – вмешалась Элида. – В тот день Аннеит велела мне слушать. В прежние разы богиня молчала.

– Об этом стоит задуматься, – сказал Лоркан, и даже сердитый взгляд Элиды не помешал ему договорить: – Только я сомневаюсь в ясности высказываний богов. Им привычнее туманные фразы.

– И это говорит фэец, утверждающий, что его бог подсказывает ему, когда сражаться, а когда спастись бегством, – огрызнулась Элида.

Лоркан пропустил ее слова мимо ушей. Присутствия Хелласа он не ощущал с самых Каменных болот. Похоже, что даже бог смерти от него отвернулся.

– Отсюда до границ Аккадии три дня езды, – сказал Лоркан. – До их столицы – еще три дня. А Доранелла находится более чем в двух неделях пути в другую сторону, если ехать с короткими остановками.

Он мог и не добавлять, что время не на их стороне. На Эрилее уже вовсю полыхала война. Элида боялась даже думать, в чьих руках находятся сейчас Ключи Вэрда и какие чудовищные действия успел предпринять Эраван. Каждый день промедления стоил очень дорого, не говоря уже о том, чем оборачивался он для террасенской королевы.

Элида открыла было рот, но Лоркан не дал ей говорить.

– Ну доберемся мы до Маэвиной твердыни. Изможденные, голодные... Как мы будем сражаться? А при умении Маэвы набрасывать магический покров мы можем ходить рядом с местом, где томится Аэлина, и даже не подозревать об этом.

Элида сердито раздула ноздри.

– Принц, решение за тобой, – сказала она, повернувшись к Ровану.

Он теперь был не просто принцем. Он был супругом королевы Террасена.

Наконец Рован поднял голову. Зеленые глаза вперились в Лоркана. Лоркан выдержал их повелительный взгляд. Он ждал, что Рован наконец-то соберется ему отомстить. Ждал удара. Даже надеялся. Но не дождался.

– Мы забрались далеко на юг, – наконец заговорил Рован. – Уж лучше отправиться в Аккадию, чем проделать долгий путь в Доранеллу и обнаружить, что мы ошиблись.

Никто ему не возразил.

Элида наградила Лоркана сердитым взглядом и встала, торопливо сообщив, что ей нужно отлучиться перед сном. Благодаря магии Гареля увечная нога не болела и не мешала быстро идти по сухой траве.

Должно быть, его магия помогала ей и во всем остальном.

Шаги Элиды звучали все тише и почти смолкли. Она всегда стремилась отойти подальше, чтобы ее спутники ничего не слышали. Через несколько минут Лоркан двинулся следом и быстро скрылся в темноте.

Элида встретила его уже на обратном пути, остановившись на вершине холма, больше похожего на крупную кочку.

– Что тебе надо?

– Аккадия – более разумный выбор, – сказал Лоркан, подходя к подножию холма.

– Рован того же мнения. Можешь радоваться.

Элида спустилась с холма, намереваясь пройти мимо, но Лоркан загородил ей путь. Чтобы увидеть его лицо, Элида была вынуждена задрать голову. Сам Лоркан рядом с нею чувствовал себя ничтожным карликом.

– Я ратовал за Аккадию не из желания тебе досадить.

– Мне нет дела до твоих желаний.

Элида попыталась его обойти. Лоркан попятился.

– Я не... – с трудом выдавил он, – я не хотел, чтобы все так вышло.

– Конечно не хотел, – тихо и язвительно рассмеялась Элида. – С чего тебе злить твою расчудесную королеву и рвать кровные узы клятвы?

– Плевать мне на эти узы!

Сказано было не в запале. Лоркан еще никогда не произносил более правдивых слов.

– Я лишь хочу исправить случившееся.

Элида презрительно скривила губы:

– Может, я бы и поверила в искренность твоих намерений, если бы не видела, как ты полз за Маэвой по берегу.

Лоркан заморгал. Ненависть в словах Элиды вынудила его остановиться. Она прошла мимо и даже не обернулась... пока Лоркан не сказал:

– Я полз не за Маэвой.

Элида остановилась, коса ее качнулась. Потом обернулась. Величественная и холодная, как звезды в небе.

– Я полз... – У Лоркана дрожал голос. – Я полз за Аэлиной.

Перед мысленным взором Лоркана замелькали картины: залитый кровью песок, крики Аэлины. Он услышал слова ее последней мольбы, обращенные к Элиде.

– Когда Маэва со своей стороны оборвала узы кровной клятвы, я не мог шевельнуться. Я едва дышал.

Освобождение от кровной клятвы и ее разрыв были несопоставимы по ощущениям. В первом случае возникала преимущественно душевная боль. Во втором – телесная, которую не подавить никакими волевыми усилиями.

Узы клятвы на крови могли растягиваться и ослабевать. Ваган – последний из посланных на поимку Лоркана – до сих пор бродил где-то на севере Эрилеи, охотясь на беглеца. Чем не доказательство, что необязательно рубить по живому? Но разорвать узы по собственной воле... такое нередко означало обречь себя на смерть.

Нужно было это сделать там, на берегу. За месяцы поисков подобные мысли не раз посещали Лоркана.

– Я пытался добраться до нее, – тяжело сглатывая, продолжал Лоркан. – До Аэлины. До того ящика... Клянусь, – совсем тихо добавил он.

Слово было его опорой. Единственным, чем он дорожил. Во время их с Элидой странствий Лоркан рассказал ей об этом. Сейчас в ее взгляде не отражалось никаких воспоминаний.

Элида молча пошла дальше. Лоркан остался на месте.

Все, что выпало на долю Элиды и его соратников, случилось по его вине.

Элида подошла к костру, и только тогда Лоркан пошевелился. Он видел, как она села рядом с Гарелем. Губы ее были плотно сжаты.

– Ты же знаешь... он тебе не соврал, – прошептал ей лев.

Лоркан стиснул зубы. Он намеренно не маскировал своих шагов. Если острый слух позволил Гарелю слышать их разговор, лев прекрасно понимал, что Лоркан вернется вслед за Элидой, и не должен был соваться не в свое дело.

И все равно Лоркан следил за ее лицом, ожидая ответа. Когда Элида не ответила ни ему, ни льву, Лоркан пожалел, что вообще затеял этот разговор с нею.

Принц Рован Боярышник, он же Рован Галатиний – супруг королевы Террасена и ее истинная пара, – знал, что спит. Видеть ее он мог только во сне.

Вокруг была лишь тьма и ветер. Их разделяла громадная пропасть.

Эта пропасть, эта трещина в мире не имела дна. Но откуда-то долетали едва слышимые голоса.

Она стояла к нему спиной. Ветер шевелил золотистую пелену ее волос. Они стали длиннее, чем когда он видел ее в прошлый раз.

Он попытался обернуться ястребом и перелететь через пропасть. Внутренняя магия тела не откликалась. Он был заперт в своем фэйском облике. Фэйцы прыгают гораздо дальше смертных, но преодолеть пропасть ему было не под силу. И потому он мог лишь смотреть на нее и вдыхать ее ароматы, приносимые ветром: жасмина, лимона, вербены и потрескивающих углей. Ветер не рассказывал ему никаких тайн и не приносил песен.

Это был ветер смерти, холода; ветер «ничто».

«Аэлина!»

Здесь он не имел голоса, но все равно произнес ее имя. Отправил против ветра на другой край пропасти.

Она медленно повернулась к нему.

Это было ее лицо. Или таким оно станет через несколько лет, когда она совершит Преображение и обретет бессмертие наравне с фэйцами. Но его поразили не повзрослевшие черты ее лица.

Рука Аэлины покоилась на сильно округлившемся животе.

Она смотрела в его сторону, а ветер все так же развеивал ей волосы. За ее спиной появилось еще четыре фигурки.

Рован упал на колени.

Самой высокой была золотоволосая девочка с изумрудными глазами, серьезная и горделивая, как мать. Рядом стоял мальчик почти одного с нею роста. Он тепло и открыто улыбался Ровану. У мальчишки были бирюзовые глаза Ашериров под гривой серебристых волос. Его брат, ростом пониже, вполне мог бы сойти за Рована в детстве: те же волосы и глаза. Последней была совсем маленькая девочка, цепляющаяся за материнские ноги... Почти младенец с мелкими чертами лица, серебристыми волосами и сапфировыми глазами незнакомой Ровану династии.

Дети. Его дети. Их дети.

А через несколько недель родится пятый ребенок.

Его семья.

Семья и будущее, которые могли бы у него быть. Самое прекрасное зрелище, какое ему когда-либо доводилось видеть.

«Аэлина!»

Дети крепче прижались к матери. Старшая девочка предостерегающе подняла голову, глядя на мать.

И тогда Рован почувствовал... Могущественный, смертельно опасный черный ветер, несущийся к ним.

Он попытался закричать. Попытался встать с колен и добраться до своей семьи.

Но черный ветер несся к ним, сметая все на своем пути. Аэлина и дети продолжали смотреть на него, пока ветер не закружил и не унес их.

Пока не осталось ничего, кроме праха и теней.

Рована вытолкнуло из сна. Сердце бешено колотилось. Тело кричало, требуя нестись вперед и сражаться.

Но ему было не с кем сражаться на пыльном поле, освещенном звездами.

Сон. Опять тот же сон.

Рован потер лицо, усаживаясь на подстилке. Лошади тоже спали. Кругом все спокойно. Гарель нес караул в нескольких шагах от костра, обернувшись горным львом. Его глаза сверкали в темноте. Элида и Лоркан крепко спали.

Рован посмотрел на положение звезд. Через несколько часов рассветет. И тогда – в путь. В Аккадию, страну песка и колючих кустарников.

Пока Элида с Лорканом спорили, куда отправиться, Рован делал то же самое, но внутри. Мелькала мысль обернуться ястребом и одному полететь в Доранеллу. Разум твердил свое: «Ты напрасно потеряешь драгоценные дни».

Эх, будь с ними Ваган и будь он свободен от уз кровной клятвы, Рован отправил бы его в обличье скопы на север, а они продолжили бы путь в Аккадию.

Рован вновь задумался о путешествии в Доранеллу. Если собрать всю имеющуюся у него магическую силу и запрячь ветры, две недели пути сократятся до нескольких дней. Но если он не найдет Аэлину... Рован прошел достаточно войн и понимал: одному, без помощи Гареля и Лоркана, ему не справиться. Попытки самостоятельно освободить Аэлину могут лишь усугубить ее страдания. И что дальше? Он убедится в невыполнимости задачи, вернется к своим спутникам, и все четверо они ужасающе медленно поползут на север.

До Аккадии значительно ближе, а потому разумнее вначале поискать там. Допустим, вчерашний командир сказал правду. Если же то, что они узнают в Аккадии, поведет их в Доранеллу, туда они и отправятся. Все вместе.

Рован лучше, чем кто-либо, создавал, каково сейчас Аэлине. Каждый день, каждый час, проведенный в когтях Маэвы, приносил ей такие страдания, о которых он боялся даже думать. Инстинкты твердили ему свое, а разум – свое. Фэйское чутье Рована молчало.

Итак, они отправятся в Аккадию. Через несколько дней достигнут плоских равнин, за которыми потянется цепь выжженных холмов. С началом зимних дождей равнины расцветали, покрываясь обильной зеленью, но затем приходило знойное лето, зеленый цвет сменялся пшенично-желтым и коричневым, а вода становилась драгоценностью.

Он позаботится, чтобы на ближайшей реке они запаслись водой для себя и лошадей. С пропитанием в тех краях туго, но на равнинах водятся тощие кролики и пушистые зверьки, устраивающие глубокие норы. Аэлину явно передернуло бы от такой пищи.

Заметив движение, Гарель беззвучно приблизился на своих львиных лапах, не хрустнув ни одной травинкой. Желто-карие глаза вопросительно уставились на Рована.

Рован покачал головой:

– Ложись поспи. Я посторожу.

Гарель наклонил голову. Жест, хорошо знакомый Ровану, означал вопрос: «У тебя все в порядке?»

Лев и Лоркан занимались поисками по доброй воле, без принуждения Маэвы, без уз кровных клятв. Это был их собственный выбор. Ровану и сейчас такое казалось странным. Какая сила сейчас заставляла их помогать ему, он не знал.

Молчаливый вопрос Гареля Рован оставил без ответа.

– Поспи, пока есть время, – сказал он льву, поглядывая на догорающий костер.

Гарель не спорил. Вздохнул по-кошачьи и растянулся на своей подстилке.

Рован подавил кольнувшее чувство вины. Он выжимал из спутников все силы. Те не жаловались, не просили сбавить установленную им бешеную скорость.

Связующая нить молчала со дня похищения Аэлины. Радовало то, что не исчезла. Значит, Аэлина по-прежнему жива. Но нить молчит.

Рован постоянно раздумывал об этом в долгие часы дневных переходов и когда нес караул по ночам. Порою догадки о причинах молчания связующей нити напрочь отбивали сон.

Удивительно, но тогда, в Эйлуэ, он не почувствовал через связующую нить никакой боли. А какой болью обожгло его, когда Аэлина сражалась с Дорином Хавильяром в стеклянном замке. Дорин, еще находившийся под властью валгского демона, ранил ее. В те мгновения Рован почувствовал: нить, которую он по глупости считал «карранам» – узами, позволяющими обмениваться магической силой, – была готова вот-вот порваться. Аэлина находилась на волоске от смерти.

Однако в тот день, на берегу, когда Маэва напала на Аэлину, а затем по ее спине заходила плетка Кэрна...

Рован до боли стиснул зубы. Его живот сердито заурчал. Он взглянул на лежащий рядом Злати́нец. Рован придвинул древний меч поближе. В эфес был вделан крупный рубин, слабо мерцающий в свете почти догоревшего костра.

Ему вспомнилось сражение между Аэлиной и Маноной в полуразрушенном храме Темизии. Его тогда ранило ведьминой стрелой, и Аэлина сразу ощутила боль. А удар, почувствованный ею в тот момент, когда они стали истинной парой?

Но в страшный день пленения Аэлины он совсем ничего не чувствовал.

Рован подозревал, что знает ответ. Скорее всего, причиной была все та же Маэва. Оборвать нить фэйская королева не могла, зато могла придавить своей магией. Когда-то Маэва сумела проникнуть в его разум и заставила поверить, что Лирия является его истинной парой.

Вся его фэйская мужская интуиция спасовала. Вот и сейчас Маэва поставила заслон между ним и Аэлиной, и потому он не знает, каким опасностям подвергается его истинная пара и где именно ее искать.

Мысли Рована вновь вернулись к страшному дню похищения Аэлины. Но ведь должен же он был заранее почувствовать грозящую ей опасность и полететь на берег, не дожидаясь ведьминых драконов. Забыть про морское сражение, про все и всех и мчаться к ней, не трата драгоценных минут.

Пара. Его истинная пара.

И это он должен был бы понять гораздо раньше. Даже если горе и гнев превратили его в жалкого придурка, нужно было сразу догадаться, кто перед ним. С того самого момента, когда в крепости Страж Тумана он укусил Аэлину, не в силах побороть искушение признать ее своей. Едва оказавшись у него на языке, ее кровь сказала ему все. И потом, когда вкус ее крови оставался с ним несколько месяцев подряд.

Вместо этого они устраивали нескончаемые стычки. Его гнев, его лед попустительствовали стычкам. Гнева хватало и в Аэлине. Однажды в запале ненависти она наговорила ему таких слов, что он поступил с нею, как поступал с теми, кто служил под его началом и позволял себе огрызаться на командира. Разницы между мужчинами и женщинами он не делал. Но если бы потом он хоть словом намекнул, что ему стыдно за свое поведение, Аэлина наверняка обозвала бы его дураком.

Рован не знал, как ему быть с татуировками на лице, шее и руке. С ложью, повествующей о его потере, и правдой, которая свидетельствовала о его слепоте.

Да, он искренне полюбил Лирию. Всякий раз, думая об этом, он испытывал грызущее чувство вины. Теперь он хотя бы понимал почему. Понимал страх Лирии перед ним в первые месяцы их отношений, трудность ухода за нею, невзирая на связующую нить. Правды не знали они оба. Лирия была нежной, тихой и доброй. Да, она обладала силой иного рода, но не такой, какая требовалась Ровану.

Он ненавидел себя за подобные мысли.

Маэва покорежила ему жизнь. И не только ему. Лирии тоже. Стоило Ровану вспомнить об этом, как его захлестывала ярость. Аэлина принадлежала ему, а он – ей. С самого начала. С незапамятных времен. Маэва задумала сломать им жизнь, сломать Аэлину, чтобы добиться от нее желаемого.

Рован поклялся: он не оставит это безнаказанным. Маэва ответит не только за издевательства над Аэлиной. Какими бы ни были его отношения с Лирией, та носила их ребенка. Маэва уснула его на очередную войну. Лирия осталась одна в горном доме. Маэва отправила туда вражеских солдат. Сколько бы веков ни прошло, Рован не собирался об этом забывать. Такое не прощается «за давностью лет».

Маэва имела наглость хвастливо рассказывать Аэлине, как помыкала им, как сокрушила его дух и уничтожила Лирию. «Я убью тебя», – пообещала фэйской королеве Аэлина. Элида была свидетельницей разговора, который потом многократно повторяла Ровану. «Я убью тебя».

Рован смотрел в пылающее сердце рубина на эфесе Златинца.

Он молил богов, чтобы этот огонь и гнев не угасли. Он помнил, сколько дней длется страдания Аэлины и кому Маэва поручила истязать его истинную пару. Знал, чем это чревато. Он сам побывал в плену, проведя две недели на вражеском пыточном столе, и вдоволь насмотрелся на хитроумные приспособления для пыток. От одной такой «игрушки» у него навсегда остался шрам на руке.

Спешить. Им нужно спешить.

Наклонившись, Рован уперся лбом в эфес Златинца. Металл был теплым, словно там еще оставалась искорка пламени создателя древнего меча.

После той жуткой войны он не бывал в Аккадии. Он командовал объединенными силами фэйцев и смертных людей и одержал победу, но не испытывал желания когда-либо снова увидеть те края.

Однако их завтрашний путь лежал в Аккадию.

Если он найдет Аэлину, если освободит ее... Рован не позволял себе думать о том, что будет дальше.

А дальше... его и остальных ждала неумолимая правда, запечатленная в прощальных словах Аэлины: «Скажи Ровану... я прошу у него прощения за ложь. Но скажи, что в любом случае это было время, взятое взаймы. Я узнала об этом намного раньше сегодняшнего дня, и все равно мне жаль, что судьба не подарила нам больше дней».

Рован отказывался принимать эти слова. Он не желал соглашаться, что необходимой платой за прекращение хаоса злодеяний и спасение мира должна стать жизнь его истинной пары.

Рован поднял голову к звездам. Все созвездия двигались, и только Повелитель Севера стоял неподвижно. Бессмертная звезда между его рогами указывала путь домой. В Террасен.

«Скажи Ровану: он должен сражаться. Он должен спасти Террасен и помнить клятвы, принесенные мне».

В отличие от Маэвы, которая никуда не спешила, и Эравана, развязавшего войну на Эрилее, Рована и его спутников отчаянно подгоняло время. Но Рован намеревался вернуться только с Аэлиной, невзирая на прощальные слова и данные им брачные клятвы защищать Террасен и управлять ее родным королевством.

«И скажи: я... благодарю его за путь, который он прошел вместе со мной и вывел меня к свету».

Рован с самого начала считал это за честь. То было величайшее достижение его бессмертной жизни. Когда-нибудь они вместе наслаются бессмертной жизнью. И только так.

Рован мысленно поклялся в этом звездам. И мог присягнуть, что Повелитель Севера мигнул ему в ответ.

Глава 6

Над вздымающимися волнами дули свирепые зимние ветры. Едва поднявшись на палубу из каюты, Шаол Эстфол успел продрогнуть. На нем был теплый синий плащ, но сырой холод пробирал до костей. Шаол смотрел на воду. По всему чувствовалось: густая облачность – это надолго. Зима надвигалась на континент с той же неумолимостью, что и моратские легионы.

Рассвело, но вокруг были все те же бушующие волны, мужественные солдаты и такие же матросы, благодаря которым корабль безостановочно плыл на север. Сзади и по бокам двигались корабли половины хаганского флота. Вторая половина пока находилась на Южном континенте. Если ветры не переменятся, через несколько недель снимется с якорей и она.

Шаол вознес молитву холодному соленому ветру, прося не менять направления. С палуб кораблей вспархивали и отправлялись на утреннюю охоту могучие рукки – смышленные боевые птицы Южного континента. В седлах сидели руккины. Кораблей сотни, а руккинов тысячи, но этих сил может не хватить для сражения против Мората.

Досаднее всего будет, если они запоздают и не сумеют повлиять на ход войны.

За три недели плавания Шаол не получал никаких известий о своих друзьях и не знал, удалось ли им собрать в Террасене достаточную армию. До сих пор корабли с Южного континента старались двигаться подальше от берегов Эрилеи, дабы избежать столкновения с вражескими кораблями и ведьмами, несущими воздушный дозор на драконах. Но сегодня все изменится.

Руки Шаола коснулась теплая изящная рука, а к его плечу прильнула голова с каштаново-золотистыми волосами.

– Ну и холодрыга сегодня, – пробормотала Ириана, хмуро поглядывая на то, как ветер сдувает пену с волн.

– Холод закаляет характер, – ответил Шаол, поцеловав ее в макушку.

Она засмеялась, окутавшись облачком пара, которое тут же улетело.

– Ты говоришь как уроженец Террасена.

Шаол обнял Ириану за плечи, притянул к себе:

– Неужто, женушка, я плохо согреваю тебя все дни нашего плавания?

Покрасневшая Ириана пихнула его локтем под ребра:

– Нахал!

Прошло больше месяца, а он до сих пор изумлялся, называя ее женой. Изумлялся, что рядом с ним эта женщина, исцелившая его раздробленную, усталую душу.

Исцеление его позвоночника не было главным. Пока плыли на Эрилею, Шаол неустанно упражнялся, осваивая навыки сражения верхом, опираясь на трость или сидя в кресле на колесах. Последнее – на тот случай, если магическая сила Ирианы истощится, связующая нить между ними станет совсем тонкой и увечье не позволит ему передвигаться на своих ногах.

Позвоночник Шаола удалось исцелить лишь отчасти. Полностью он не восстановится никогда. Такова была плата за спасение его жизни после атаки валгской принцессы. Шаол тогда находился на пороге смерти. Сам он не считал эту плату чрезмерной.

Увечье, передвижение в кресле и прежде не казались ему особым несчастьем. Как и сейчас.

Но у его спасения имелась и другая сторона. Вот она-то не переставала пугать Шаола. Спасая Шаола, Ириана заключила договор с богиней, которая с ранних лет наблюдала за нею и вела по жизни. В свое время богиня направила ее в Антику, где она обучилась многим целебным премудростям и теперь возвращалась на родной континент, чтобы помочь соплеменникам. Договор связывал жизни Шаола и Ирианы воедино.

Иными словами, если он погибнет, Ириана тут же умрет.

Богиня соединила их жизни, чтобы Ириана могла вливать в Шаола свою целительную магию. Это позволяло ему ходить. Если целительная сила тратилась на помощь больным, Шаол был вынужден передвигаться, опираясь на палку. Когда Ириана сильно уставала, исчерпав запас магической силы, ноги его не держали.

Словом, если он падет в битве с моратскими легионами, мир лишится непревзойденной целительницы.

– Опять весь ушел в раздумья, – нахмурилась Ириана. – О чем думаешь сейчас?

Шаол кивнул в сторону корабля, плившего поблизости. На корме томились две большие птицы: рука с золотистыми перьями и рука с красно-коричневыми. Оба были оседланы. Вот только всадники Кадары и Сальхи (так звали птиц) не появлялись.

– Не могу понять, то ли ты мерзнувшим птичкам сочувствуешь, то ли восхищаешься смышленностью Несарины и Сартака, – язвительно сказала Ириана. – Им хватило ума остаться в постели.

«Где надо было остаться и нам», – лукаво добавили ее золотисто-карие глаза.

Теперь уже Шаол легонько пихнул жену локтем.

– Между прочим, это ты меня разбудила, – напомнил он, расцеловав Ириане всю шею (именно так она и будила мужа).

А потом они провели замечательный час, пока не рассвело.

Ириана издала едва слышимый звук, от которого рукам Шаола отчаянно захотелось пуститься в путешествие по ее телу, пусть и закутанному в несколько слоев одежды. Время нещадно гнало их на север, но Шаол по-прежнему с удовольствием изучал все звуки, издаваемые Ирианой. Каждый был ответом на его прикосновение или ласку.

Шаол оторвался от ее шеи и вновь кивнул на оседланных птиц:

– Вскоре они полетят на разведку.

Он мог побиться об заклад, что сейчас Несарина и принц, которого хаган недавно объявил своим наследником, находились отнюдь не в постели. Оба надевали доспехи и проверяли оружие.

– Мы достаточно продвинулись на север, и теперь нужно определить, где бросать якоря.

Вопрос очень серьезный. Армада должна встать в надежном месте, чтобы солдаты и руки поскорее устремились вглубь суши.

Если силы Эравана и легионы Железнодорожных ведьм по-прежнему удерживают Рафтхол, подниматься вверх по Авери и двигаться к Террасену было бы опрометчиво. Однако силы валгского короля могут поджидать их где угодно. Не стоило сбрасывать со счетов и флот королевы Маэвы. После ее сражения с Аэлиной флот исчез, но столь же неожиданно он мог и появиться.

По расчетам капитана их корабля, они приближались к границе между Фенхару и Адарланом. Нужно было решать, причем как можно быстрее, где приставать к берегу.

Они и так потеряли драгоценное время, оглядя Мертвые острова, хотя и знали из донесений, что архипелаг снова принадлежал капитану Рульффу. Весть об их путешествии наверняка уже достигла Мората, но осторожность не помешает. Врагам незачем знать об их точном местонахождении.

Увы, соблюдение тайны оборачивалось для них полным неведением о событиях на Эрилее. Шаол мог лишь гадать, в какой части континента сейчас находится Дорин. Сумел ли он отправиться на север с Аэлиной и объединенным флотом кораблей нескольких королевств. Шаол молил богов, чтобы с его королем ничего не случилось.

Ириана разглядывала гордых боевых птиц на корме соседнего корабля.

– Сколько руккинов полетят на разведку?

– Они вдвоем.

В глазах Ирианы мелькнула тревога.

– Чем меньше разведчиков, тем легче оставаться незаметными. – Шаол махнул вверх. – Густая облачность. Лучших условий для разведки не придумаешь. – Его слова не успокоили Ириану, и тогда он добавил: – Ириана, рано или поздно мы все равно вступим в битву.

Сколько жизней погубит Эраван за каждый день их промедления?

– Знаю.

Ее пальцы сжали серебряный медальон на шее. Этот медальон Шаол подарил ей в Антике. Искусный ювелир выгравировал на поверхности горы и моря. Внутри лежала записочка Аэлины Галатинии, написанная почти три года назад. Тогда его будущая жена работала подавальщицей в грязной таверне портового городишки, а у террасенской королевы было другое имя и другой род занятий. Жизненные обстоятельства заставили ее вначале освоить ремесло ассасина.

– Я... Конечно, это звучит глупо, но я почему-то не задумывалась о скоротечности нашего плавания.

Шаол вряд ли назвал бы трехнедельное плавание скоротечным, но он хорошо понял смысл слов жены.

– Последние дни обычно бывают самыми длинными.

Ириана прильнула к мужу, обняв его за талию:

– Нужно еще раз проверить запасы лекарств, мазей, бинтов и всего прочего. Попрошу Борту, пусть свозит меня на корабль Хасары.

Аркаса – маленькая, но свирепая рукка Борты, по-прежнему дремала на корме.

– Тебе придется подождать, – сказал Шаол.

За недели плавания Шаол с Ирианой научились не будить раньше времени руккинов и их крылатых коней. Если когда-нибудь Борту и Аэлина встретятся, даже богам станет жарко.

Ириана улыбнулась, обхватила лицо мужа, своими ясными глазами заглянула в его глаза.

– Я люблю тебя, – тихо сказала она.

Опустив голову, Шаол прижался лбом к ее лбу:

– Скажи мне это, когда мы окажемся по колено в стылой глине. Скажешь?

Ириана фыркнула, но не попыталась отстраниться. Шаол тоже.

Вот так, голова к голове, душа к душе, они стояли на пронизывающем ветру, окруженные неистовыми волнами, и ждали вестей от разведчиков.

Она успела забыть, насколько холодны эрилейские зимы.

В Таванских горах, где Несарина Фелак летала с руккинами, тоже дули далеко не жаркие ветры, но там она никогда не промерзала насквозь.

А ведь зима еще даже не началась.

Зато ее рукк Сальхи не выказывал ни малейших признаков, что ему холодно. Он неугомонно махал крыльями, неся всадницу сквозь пелену облаков. Внизу сердито ревело море. Правда, стойкость Сальхи могла иметь другую причину: он видел, что золотоперая Кадара не поддается холоду, и старался не опозориться перед нею.

Рукк Несарины питал нежные чувства к рукке Сартака. Он восхищенно взирал на Кадару. Наверное, то же можно было сказать и о самой Несарине по отношению к принцу.

Несарина оторвалась от разглядывания серых облаков и повернула голову влево. Волосы на голове Сартака успели отрасти. Прежней длины они еще не достигли, но на ветру трепетала тонкая косица.

Почувствовав ее внимание, наследник хаганата подал сигнал: «Все в порядке?» Даже на обжигающем ветру Несарина покраснела и онемевшими пальцами неуклюже просигналила ответ: «Все в порядке».

Краснеющая девчонка-школьница. Рядом с принцем она всегда становилась такой, хотя они спали в одной постели и Сартак рисовал картины их будущего. А предлагал он Несарине ни

много ни мало вместе с ним управлять хаганатом – обширной империей на Южном континенте. Стать хаганой. На Эрилее этот титул означал даже не королеву. Императрицу.

Нелепица, да и только. Несарине не удавалось представить себя одетой, как мать Сартака: все эти длинные роскошные платья со множеством складок, замысловатые прически... Нет, она гораздо привычнее чувствовала себя в доспехах руккинов, а тяжесть оружия на поясе нравилась ей больше, нежели ожерелья, серьги и прочие драгоценности. Она так и говорила Сартаку, причем неоднократно.

Принц лишь отшучивался. Уверял, что она может разгуливать по дворцу в чем угодно. Хоть голой, если пожелает. А что надето или не надето на ней, его не волновало.

Эти слова Несарина не воспринимала всерьез. Меж тем Сартак мыслил свое будущее только с нею. Он даже был готов пожертвовать короной. Принц так и сказал отцу: если ради короны потребуется отказаться от Несарины, он предпочтет отказаться от короны. После этого хаган объявил Сартака своим наследником.

Самое удивительное – решение хагана не вызвало всплеска злости среди братьев и сестер принца. А ведь они много лет ожесточенно сражались между собой за этот титул. Даже Хасара, плывшая вместе с первой половиной армады, воздерживалась от язвительных замечаний. Кашан, Аргун и беременная Дува остались в Антике. Кашан обещал отправиться следом. Сохранилось ли у братьев и сестры Сартака прежнее отношение к воле отца, Несарина не знала. Многовековые традиции родственного соперничества были слишком сильны.

Справа от Несарины что-то мелькнуло. Сальхи устремился вдогонку.

То был Фалкан Эннар, адарланский оборотень. В прошлом торговец, он стал шпионом руккинов. Сегодня он обернулся соколом и летел с быстротой, присущей этим птицам. Должно быть, Фалкан что-то заметил. Пронесясь между Несариной и Сартаком, он вновь полетел в сторону суши. «Следуйте за мной», – означал его сигнал.

Возможно, их плавание продолжится и армада отправится в Террасен. Все зависело от результатов разведки. А вот найдут ли они в Террасене Лисандру и жива ли она – этого никто не знал.

Судя по всему, Лисандра была племянницей Фалкана. Сам Фалкан происходил из весьма странного семейства, когда-то обитавшего в Западном крае. Потом все разбрелись кто куда. Его непутевого старшего братца занесло в Адарлан, где он зачал Лисандру и исчез, бросив ее мать. Фалкан долго разыскивал племянницу. Даже не зная, сумела ли она пережить детство и есть ли у нее семейный дар, он пообещал сделать ее наследницей всего своего имущества.

Но эти разговоры Несарина слышала от него лишь в Таванских горах. Фалкан всячески старался быть полезным руккинам. Лучше всего ему удавалась разведка. Однако очень скоро им может понадобится и другая его помощь, как было в Дагульских горах, где у них произошло сражение с харанкаями.

Южный континент отправил на помощь Эрилее не только армию. Столь же важными были добытые сведения, которые явно ошеломят их друзей и соратников. Оказалось, что Маэва – вовсе не фэйская королева, а валгская самозванка. Древняя валгская королева, которая еще в незапамятные времена проникла в Доранеллу, где правили две сестры-королевы. Ловкими ухищрениями она сумела внедриться в сознание сестер и убедить обеих, что у них есть еще одна сестра – старшая.

Возможно, эти сведения никак не повлияют на ход войны. А может, что-то изменят, показав, что враги, с которыми они воюют, – выползки из одного гнезда. Маэва сбежала в этот мир от своего мужа – валгского короля. У того было двое братьев. Втроем они вырвали Ключи из Врат Вэрда и понеслись по разным мирам, разыскивая ее.

В здешнем мире валгские короли сделали передышку. Они и подумать не могли, что беглянка теперь восседает на троне в Доранелле. Вот такой странный поворот судьбы. Оркус,

муж Маэвы, покинул здешний мир. Его брат – тоже. Остался лишь Эраван, младший из троих. Интересно, какую цену согласился бы он заплатить за сведения об истинной сущности Маэвы?

Пусть об этом думают другие. Пусть решают, когда пустить это оружие в ход.

Фалкан нырнул вниз, проталкиваясь сквозь облака. Несарина последовала за ним.

Холодный туманный ветер бил ей в лицо. Несарина пригнулась к шее рукка, продолжая спуск. Сальхи без всякого приказа летел следом за Фалканом. Минуту они мчались в гуще сплошной облачности, а затем...

Среди серых волн замелькали белые утесы. За ними потянулись самые северные из равнин Фенхару. Желтовато-серое море пожухлой травы.

Фалкан летел к берегу, стараясь не терять своих спутников из виду. Сальхи и Кадара легко выдерживали его скорость. Все летели молча. Берег становился все отчетливее.

То, что Несарина приняла за иней, было... пеплом. Траву на равнине попросту сожгли. Кое-где торчали обгорелые стволы деревьев.

А на горизонте в зимнее небо поднимались клубы дыма. Слишком густые и многочисленные, чтобы поверить, будто это крестьяне удобряют землю, сжигая на полях оставшуюся солому.

«Хочу взглянуть поближе», – просигналила Сартаку Несарина.

«Лети на самой границе облаков, – ответил принц. – Ниже не опускайся».

Несарина кивнула и вместе с рукком скрылась за тонкой завесой облаков. Их разрывы позволяли видеть куски местности.

Деревни и хутора исчезли. Казалось, из моря выплеснулась некая злая сила и двинулась вглубь суши, уничтожая все на своем пути. Но возле берега не было ни одного корабля. Нет, злая сила явилась сюда с суши.

Прячась за облаками, Несарина и Сартак летели дальше.

С каждой лигой ее сердце колотилось все быстрее. Внизу – сплошь выжженная земля без признаков жизни. Не было и противоборствующей армии, битва не бушевала вдали.

Моратские выродки жгли и уничтожали просто так, для своего извращенного удовольствия.

Несарина запоминала ориентиры. Судя по всему, они пересекли границу Фенхару. К северу уже были земли Адарлана.

А дальше, делаясь все ближе, двигалась громадная армия. Черная извивающаяся змея, растянувшаяся на целые лиги.

Мощь Мората. Или ничтожная часть его мощи, отправленная посеять ужас и разрушения, перед тем как нахлынет основная волна.

«Отряд солдат под нами», – просигналил Сартак.

Несарина свесилась в седле. Между деревьями брели солдаты в черных доспехах. Ударный отряд, посланный вперед, чтобы расправиться с теми, кто каким-то чудом уцелел.

«Полетели», – стиснув зубы, просигналила принцу Несарина.

Не в обратный путь на корабли. Навстречу шестерым солдатам, возвращавшимся к своей черной армии.

Сальхи с Несариной камнем упали с неба. Слева таким же камнем упала Кадара с Сартак.

Расправа была быстрой и короткой. Вражеские солдаты не успели даже закричать.

Госпожа Ириана Эстфол (в прошлом Ириана Торас) в шестой раз проверяла содержимое корабельного склада. Несколько кораблей были нагружены всем, что может понадобиться целительницам, но самые важные и ценные лекарства сосредоточили в трюме личного корабля принцессы Хасары, на котором плыла верховная целительница. Много было изготовлено еще

до отплытия из Антики, но и во время плавания Ириана и другие целительницы, решившие сопровождать армию, неустанно пополняли запасы.

В тускло освещенном корабельном трюме качка была ничуть не меньше, чем на палубе. Встав поудобнее, Ириана закрыла крышку ящика с мазями и пометила количество склянок на принесенном с собой листке пергамента.

– Их количество за два дня не изменилось, – слышался насмешливый старческий голос.

Верховная целительница Хазифа устроилась на ступеньках. Ее руки покоились на тощих коленях, прикрытых тяжелой шерстяной юбкой.

– Ириана, ну сколько можно их пересчитывать? Что могло случиться с ними за эти дни?

– Хотела еще раз убедиться, что сосчитала правильно, – ответила Ириана, закидывая косу за плечо.

– Опять.

Ириана спрятала листок в карман и взяла с соседнего ящика свой плащ, отороченный мехом.

– Когда мы окажемся на поле сражения, проверять, как расходуются запасы лекарств и снадобий...

– ...станет невозможным, – договорила за нее Хазифа. – Девочка моя, когда мы окажемся на поле сражения, ты будешь рада, если в том хаосе найдешь хоть какую-то склянку.

– Это я и стараюсь предусмотреть.

Верховная целительница сочувственно вздохнула:

– Ириана, мы не знаем, сколько наших погибнет на этой войне, но люди будут гибнуть. Кого ждет быстрая смерть, кого – долгая и мучительная. Как бы мы с тобой ни старались, нам их не спасти.

– Знаю, – тихо отозвалась Ириана.

Высадку нельзя затягивать. Если они замешкаются, если не сразу решат, куда именно двинется армия хагана, сколько еще погибнет в рядах тех, кто уже сражается с Эраваном?

Старуха с пониманием смотрела на нее. С момента их первой встречи, стоило Ириане взглянуть на Хазифу, она чувствовала спокойствие и уверенность, распространяемые этой немолодой хрупкой женщиной. Но это там, в далекой безопасной Антике. При мысли, что верховная целительница окажется на полях, залитых кровью, Ириану начинало мутить, хотя умом она понимала: Хазифа и другие целительницы сами вызвались отправиться в путь. Затем они и учились, чтобы спасти чьи-то жизни.

Целительницы и раньше участвовали в войнах на Южном континенте. Правда, это было давно. И тогда им не противостояли валгские демоны, внедрившиеся в человеческие тела. Узнай валги, что задумали целительницы, уничтожили бы их на месте.

Всех, и прежде всего – Ириану, поскольку замысел принадлежал ей.

Кряхтя, Хазифа встала, разгладила лацканы теплой шерстяной кофты дарганского покроя, с вышитыми дарганскими узорами. Кофту ей подарили, когда они с Ирианой ездили в степи.

– Ириана, нам больше не из чего делать лекарства. Отдохни и дождись, когда высадимся на берег. Может, там разыщем нужные травы.

– Я не могу без дела, – призналась Ириана, запахивая плащ. – Мне надо чем-то себя занимать.

– Потерпи. Недолго осталось. Скоро у тебя будет столько занятий, что не продохнуть.

Хазифа поднялась наверх, оставив Ириану наедине с ящиками.

Но долго ли она сможет помогать раненым воинам? Ириана пока не поделилась своей тайной с верховной целительницей. Даже Шаолу ничего еще не сказала.

Рука Ирианы опустилась к животу и там застыла.

Глава 7

Значит, Морат. Последний Ключ Вэрда надо искать там.

Всю ночь Дорин пролежал без сна, обдумывая услышанное от Гавина. Под утро задремал, но вскоре проснулся, ощутив у себя на шее руку, которая хваталась за несуществующий ошейник.

Нужно каким-то образом попасть в Морат. Дотянуться до последнего Ключа.

Заикнись он об этом Маноне, ведьма наверняка откажется туда лететь. А ведь когда-то сама предлагала ему занять место Аэлины и изготовить Замок.

Отряд Тринадцати только чудом вырвался из Мората. Ведьмы не жаждали туда возвращаться. Особенно сейчас, когда все их устремления были направлены на поиски крошанок. И потом, Эраван почуял бы их появление еще на дальних подступах к моратской крепости.

По утверждению Гавина, путь сам его найдет, причем в этом лагере. Но попробуй убедить тринадцать ведьм в необходимости задержаться тут, когда поиски и опасность преследования гнали их с места на место... Задача столь же невыполнимая, как отыскание третьего Ключа Вэрда.

Стылый серый рассвет пробудил лагерь. Дорин давно уже не спал. Встав, он обнаружил, что спальная подстилка Маноны свернута, а сама она вместе с Астериной и Соррелью стоит возле своих драконов. Три главные ведьмы, которых ему неизвестно каким образом нужно убедить задержаться здесь.

Остальные драконы тоже переминались на лапах, готовясь взлететь в пронизывающе холодное небо.

Еще один день поиска клана ведьм, не желавших, чтобы их нашли. Насчет желания крошанок примкнуть к войне Дорин очень сомневался.

– Через пять минут вылетаем! – камнепадом прозвучал над лагерем голос Соррели.

Дорин понял: бесполезно убеждать их остаться. Это подождет. Реальнее было задержать вылет.

За считанные минуты ведьмы успели загасить костер, обвеситься оружием, прикрепить спальные подстилки к седлам и даже прогуляться по нужде. Последнее было отнюдь не пустяком, учитывая долгие часы полета.

Пристегивая на ходу ножны с Дамарисом, Дорин шел к Маноне. От ведьмы веяло сверхъестественным спокойствием. Даже здесь, среди ветра и снегов, она была удивительно красивой. Обветшалая накидка из козьего меха на плечах Маноны выглядела королевской мантией. Ведьма повернула голову и встретила его взгляд. Ее глаза цвета расплавленного золота сверкнули.

– Доброе утро, ваше величество, – ехидно улыбнувшись, приветствовала его Астерина.

В ответ Дорин наклонил голову и спросил:

– И куда мы отправимся сегодня?

Непринужденный тон плохо вязался с напряженным выражением его глаз.

– Мы как раз совещались по этому поводу, – ответила Соррель.

Лицо второй заместительницы Маноны было хоть и каменным, но вполне открытым.

У них за спиной чертыхалась Васта: седельная пряжка упрямо не желала застегиваться. Дорин не решился взглянуть в ее сторону. Он и так убедился: невидимые руки его магии принялись за дело.

– Северную часть Белоклычьих гор мы обшарили вдоль и поперек, – сказала Астерина. – Попробуем двигаться на юг до конца горной цепи, а там уже будем решать, куда дальше.

– Может, мы вообще напрасно ищем их в горах, – возразила Соррель. – В прошлые десятилетия мы охотились на крошанок среди равнин.

Манона молча слушала все с тем же неподвижным лицом. Так она делала всегда: взвешивала мнения заместительниц, а затем прислушивалась к пению ветра.

У Эмогии вдруг развязались кожаные ремни, удерживающие седельную сумку. Шипя от досады, ведьма выбралась из седла, чтобы снова их затянуть. Дорин не знал, сколько времени он выиграет, с помощью магии устроив эти проволоочки. В лучшем случае час-другой, не больше.

– Покинув горы, мы станем уязвимее, – возразила Астерина. – Крошанки заметят нас раньше, чем мы их найдем. Я уже не говорю о наших врагах.

– Там теплее, – проворчала Соррель. – Чем ближе к Эйлуэ, тем теплее.

Дорин скрыл усмешку. Оказывается, даже бессмертные ведьмы, у которых стальные жилы, способны уставать от пронизывающего холода.

Но отправляться далеко на юг, в Эйлуэ, когда они по-прежнему находятся не так уж далеко от Мората... Чувствовалось, Манона тоже думает об этом. Взгляд ведьмы уперся в его камзол, где лежали Ключи, словно она чувствовала их шепот, соперничающий с магической силой адарланского короля. Два Ключа Вэрда – единственные вожжи, удерживающие Эравана от захвата Эрилеи, а потом и других континентов. Нет, Манона не допустит, чтобы Ключи оказались так близко от Мората.

Дорин сохранял учтиво-равнодушное выражение лица. Рука лежала на эфесе Дамариса. Формой своей эфес напоминал глаз.

– Лагерь так и не дал никаких подсказок насчет дальнейшего пути крошанок? – спросил он.

Дорин и сам прекрасно знал: ни подсказок, ни даже слабых намеков. Но он хотел услышать ответ Маноны.

– Нет, – буркнула ведьма, и в ее голосе послышалось рычание.

Дамарис не давал ответа, не считая слабого тепла, исходящего от металла. А какого ответа он ждал от древнего меча? Гудения магической силы? Голоса внутри, подтверждающего слова Маноны?

Если тепло означало правду, тогда холод должен означать ложь. Но Гавин не соврал насчет свойств меча. В этом Дорин мог не сомневаться, учитывая, что древний король по-прежнему почитал своего бога.

Манона выдерживала его взгляд с неослабевающим вниманием хищницы. Затем отдала приказ взлетать и двигаться в северном направлении.

Подальше от Мората. Дорин открыл рот, лихорадочно придумывая, какими словами, каким действием отсрочить вылет. На ум приходили только варварские способы, вроде сломанного драконьего крыла...

Ведьмы направились к драконам. Дорин пока не знал, с кем пролетит еще один этап этих бесконечных поисков. Но Аброхас вдруг взревел, щелкнул зубами и бросился к Маноне.

Манона стремительно повернулась. Магия Дорина инстинктивно вырвалась наружу, ударив по невидимому врагу... Скоро он обнаружился: за сугробом прятался громадный белый медведь.

Сверкая зубами, зверь замахнулся сильной лапой. Пригнувшись, Манона отскочила в сторону. Дорин метнул в медведя стену своей магии – ветер и лед.

Медведя теснило назад. Он тяжело топал по снегу. Быстро оправившись, зверь снова помчался к Маноне, встав на задние лапы. Его целью почему-то была она, и только она.

И снова навстречу зверю протянулись невидимые руки магии Дорина. Едва тот наткнулся на его магию, снег полетел во все стороны. Медведь пропал во вспышке яркого света.

Дорин знал, что означает этот свет. Перед ними был оборотень.

Но под обликом медведя пряталась вовсе не Лисандра. Появившееся существо было гораздо страшнее и противнее медведя. Казалось, оно явилось сюда из кошмарного сна.

Паук. Точнее, паучиха. Огромная стигианская паучиха, величиной с лошадь и черная как ночь.

Десятки паучьих глаз сощурились на Манону.

– Здравствуй, Черноклювая, – шелкая клешнями, прошипела паучиха.

Стигианская паучиха все же разыскала ее. Уму непостижимо! После стольких месяцев, после тысяч лиг, проделанных Маноной по воздуху, земле и даже морю... Паучиха, у которой она украла шелк для упрочения поврежденных крыльев Аброхаса, ухитрилась ее найти.

Но паучиха не предвидела, что столкнется с отрядом Тринадцати и магией адарланского короля.

Манона выхватила свой меч, звавшийся Рассекателем Ветра. Магическая сила Дорина пригвоздила паучиху к месту. При этом король почти не напрягался. С каждым днем его магия становилась все могущественнее.

Ведьмы отряда Тринадцати сомкнули ряды. Их мечи ослепительно блеснули на фоне снега, залитого утренним солнцем. За спинами ведьм драконы составили еще одну цепь из чешуйчатых тел и когтей.

Манона на несколько шагов приблизилась к дергающимся клешням:

– Далеко же тебя занесло от Рунских гор, сестричка.

– А тебя было не так уж трудно отыскать, – прошипела в ответ паучиха.

Губы Маноны скривились в жестокой усмешке.

– Когда-то она отдала мне паучий шелк для крыльев Аброхаса.

– Ты украла мой шелк, – зарычала паучиха, – а потом сбросила меня и моих ткачих со скалы.

– Откуда у тебя способности оборотня? – спросил Дорин.

Удерживая паучиху на прежнем месте, он подошел к Маноне с другого бока. Рука сжимала эфес древнего меча.

– В легендах ничего об этом не говорится.

Лицо короля сияло от любопытства. Паучиха сразу заметила белую полосу на золотистой коже его шеи. Похоже, он видел чудовищ пострашнее. Она не понимала, каким образом смертный оказался среди ведьм. Но чувствовалось: он не слишком-то боится боли и даже смерти.

Хорошая черта характера для ведьмы. Но для смертного? Скорее всего, кончится тем, что ведьмы его убьют.

Возможно, причина его смелости крылась даже не в отсутствии страха, а в отсутствии... чего-то такого, что смертные считают необычайно важным для своей души. Это было отнято у него отцом и валгским демоном.

– В обмен на мой шелк я взяла двадцать лет жизни у одного молодого торговца. Через его жизненную силу ко мне частично перешли способности оборотня, – злобно произнесла паучиха, шурясь на Манону. – Он охотно заплатил эту цену.

– Убей ее, и дело с концом, – пробормотала Астерина.

Паучиха отпрянула, насколько позволял невидимый поводок короля:

– Вот уж не думала, что наши сестры сделались столь трусливыми. Теперь вам требуется магия, чтобы убить нас, как свиней.

Манона подняла Рассекатель Ветра, раздумывая, между какой парой глаз паучихи вогнать лезвие.

– Я тебя убью без всякой магии. Вот и послушаем, будешь ли ты при этом визжать по-пороссячи.

– Трусиха! – бросила ей паучиха. – Освободи меня, и мы кончим это по-старому.

Манона задумалась, затем пожала плечами:

– Я убью тебя, не причинив боли. Считаю это выплатой моего долга.

Затаив дыхание, Манона приготовилась нанести удар.

– Постой! – выдохнула паучиха. – Погоди...

– От оскорблений к мольбам, – язвительно усмехнулась Астерина. – И кто теперь трусиха?

Паучиха даже не взглянула на нее. Бездонные глаза паучихи пожирали Манону и Дорина.

– А вы знаете, какая сила движется на юге? Какие ужасы там собираются?

– Позавчерашние новости, – фыркнула Васта.

– Хотите знать, как мне удалось вас найти? – спросила паучиха; Манона замерла. – В Морате осталось слишком много вашего имущества. На нем – запахи всех вас.

Если паучиха так легко отыскала их, надо без промедления убираться подальше.

– Теперь, Черноклювая, весть для тебя. Желаете знать, кого я заметила в каких-то пятидесяти лигах к югу отсюда?

Манона снова замерла.

– Крошанок, – объявила паучиха и вздохнула.

Вздох был глубоким и голодным.

Манона моргнула. Один раз. Дюжина ведьм ее отряда тоже замерла.

– Ты видела крошанок? – спросила Астерина.

Крупная голова паучихи качнулась. Она снова вздохнула:

– Крошанские ведьмы на вкус... Почему-то таким я представляла вкус летнего вина.

Такой же вкус имеет лакомство, называемое у вас шоколадом.

– Где? – отрывисто спросила Манона.

Паучиха назвала местность. Такое название Манона слышала впервые и не очень представляла, где это.

– Я провожу вас туда, – пообещала паучиха.

– Прямо в ловушку, – добавила Соррель.

– Там нет ловушки, – возразил Дорин, рука которого по-прежнему лежала на эфесе меча.

Манона вглядывалась в его ясные, уверенные глаза. Дорин стоял, широко расправив плечи. На лице – ни тени жалости, только любопытство.

– Давайте вначале проверим правдивость ее сведений, а потом уже решим ее судьбу, – предложил он.

– Что? – вырвалось у Маноны.

Предложение отсрочить убийство паучихи явно не понравилось ведьмам.

– Не убивайте ее, – продолжал принц, кивая в сторону дрожащей паучихи. – По крайней мере, сейчас. Кроме местонахождения крошанок, она может знать еще что-то полезное.

– Мне не нужно милосердие мальчишки, – прошипела паучиха.

– Это милосердие короля, – холодно поправил ее Дорин. – И чтобы его получить, советую вести себя тихо.

Редко, очень редко Манона слышала, чтобы Дорин говорил таким тоном. Ее, не привыкшую бояться, пробирало насквозь. Это был голос короля.

Но Дорин не был ее королем. И не он командовал отрядом Тринадцати.

– Мы сохраним ей жизнь, а она продаст нас тому, кто заплатит подороже, – сказала Манона.

Сапфировые глаза Дорина вспыхнули. Рука плотно сжала эфес меча. Манона невольно напряглась, поймав этот холодный, задумчивый взгляд. Под обаятельным лицом короля прятался расчетливый хищник.

– Похоже, ты всего за несколько месяцев освоила искусство оборотня, – бросил он паучихе.

Гавин сказал, что путь найдет их здесь, в брошенном лагере крошанок.

Путь в Морат. Не дорога в ее привычном понимании, не направление движения, а вот это.

Помолчав, жуткое создание произнесло:

– Наши дарования странны. Нам ведомо чувство голода. Мы кормимся не только вашей жизнью, но и магическими силами, если они у вас есть. Едва на Эрилею вернулась магия, я научилась пользоваться способностями оборотня, перешедшими ко мне с его двадцатью годами.

Эфес Дамариса потеплел. Правда. Все, что до сих пор сказала паучиха, было правдой. И это... Путь в Морат в чужом обличье. В чужой шкуре.

Возможно, в обличье смертной рабыни вроде Элиды Лошэн. Человека, чье появление пройдет незамеченным.

Изначальная магическая сила Дорина перетекала в разные виды магии. Она была способна вызывать огонь, создавать лед и исцелять. Может, он сумеет научиться и... искусству оборотня?

– Как тебя зовут? – спросил он паучиху.

– Король без короны спрашивает имя у непримечательной паучихи, – пробормотала она, устремив на него все свои глаза. – Произнести мое имя на вашем языке ты все равно не сможешь. Если хочешь, зови меня Киреной.

– Как бы мы тебя ни называли, тебе все равно скоро конец, – скрипнула зубами Манона.

Дорин наградил ее косым взглядом:

– Руннские горы – часть моего королевства. Следовательно, Кирена – одна из моих подданных. Думаю, это обстоятельство оставляет за мной право решать, жить ей или умереть.

– Вы оба находитесь во власти моего шабаша, – прорычала Манона. – Отойди.

– Да неужели? А я и не знал.

Над лагерем пронесся необычайно холодный ветер. Обычно такой дул только в небе, и то если забраться слишком высоко.

Дорин вдруг подумал, что мог бы убить их всех. Лишить воздуха или сломать шеи. Всех тринадцать вместе с их драконами. От этой мысли в его душе появилось еще одно пустое место. Интересно, как его отец выдерживал подобную силу? Как с нею справлялась Аэлина?

– Возьмем ее с собой и на следующей стоянке расспросим подробнее.

Манона оторопела:

– Ты мыслишь взять с собой вот это существо?

В ответ паучиха обернулась бледной темноволосой женщиной. Невысокого роста, неприметной, если оставить без внимания эти будоражающие черные глаза. Отнюдь не красавица, но не без странного обаяния: древнего и очень опасного, которое было невозможно скрыть даже под таким обличьем. Новоявленная женщина оказалась совершенно голой и загоразивалась от ветра, обхватив тонкими руками худенькие плечи.

– Такой облик тебя устроит? – спросила она Манону.

– А ночью она вернет себе истинный облик и порвет нам глотки? – спросила ведьма у Дорина, не ответив на вопрос паучихи.

Дорин лишь наклонил голову. На кончиках пальцев поблескивали льдинки.

– Можешь ее не опасаться, – ответил он ведьме.

Кирена затаила дыхание.

– Редкий магический дар, – сказала она, и ее взгляд сделался голодным. – И редкий король, обладающий им.

Услышав столь грубую лесть, Дорин нахмурился.

Манона оглянулась на Астерину. Губы ее заместительницы были плотно сжаты. В глазах – настороженность. Соррель, стоявшая поблизости, сердито смотрела на преобразившуюся паучиху, но руку с эфеса меча убрала.

Подчиняясь молчаливому сигналу, ведьмы отряда Тринадцати разошлись, готовые оседлать драконов. Кирена следила за ними. Ее жуткие, бездушные глаза постоянно моргали. Потом у нее застучали зубы.

– А ты сегодня... другой, – бросила Дорину Манона.

Он невозмутимо пожал плечами:

– Если хочешь, чтобы твою постель согревал тот, кто робеет от каждого твоего слова и подчиняется каждому приказу, поищи в другом месте.

Взгляд Маноны зацепился за шрам на горле Дорина.

– Я так еще и не убедилась, короленок, что тебя самого стоит оставлять в живых, – прошипела она.

– И чем, ведьмочка, я могу тебя убедить?

Он даже не пытался скрывать чувственное обещание, звучавшее в его словах, и их резкость.

На виске Маноны дрогнула жилка. Дорина окружали существа из легенд. Ведьмы, паучиха... Возможно, и сам он был персонажем одной из книг, которые еще давно, в бытность стеклянного замка, приносил читать Аэлине. Тогда она звалась по-другому и в замке находилась не по своей воле. Но никто из них не выдержал бы разверзшейся ямы, что была у него внутри.

Хмуро поглядывая на босые ноги, Кирена растирала озябшие бока. Движения ее подозрительно напоминали шевеление клешней.

Когда он узнает от этой твари все, что нужно, проникновение в Морат... все равно останется сродни самоубийству.

Дорин вновь почувствовал на себе тяжелый взгляд Маноны, но не отвел глаз и не пожегся, даже когда она сказала:

– Если тебе настолько не дорога своя жизнь, что ты готов поверить этой твари, изволь, бери ее с собой.

Это звучало как вызов. Как призыв смотреть не в сторону Мората и не на паучиху, а заглянуть вглубь себя. Ведьма ясно увидела, что гложет ему грудь, словно такое же чудовище обитало и в ее душе.

– Довольно скоро мы убедимся, правду ли она сказала о крошанских ведьмах.

Кирена сказала правду. Во время ее речи эфес Дамариса потеплел. У Дорина был свой расчет. Встреча с крошанками отвлечет Манону и остальных ведьм ее отряда. Вот тогда-то он и вытащит из Кирены все необходимые сведения.

Манона повернулась к отряду Тринадцати. Ведьмы нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

– Вылетаем. К вечеру доберемся до крошанского лагеря.

– И что потом? – спросила Астерина.

Только она была вправе задавать подобные вопросы.

Манона направилась к Аброхасу. Дорин пошел следом, бросив Кирене плащ, который хранил про запас. Его магия тащила паучиху за собой.

– А потом мы осуществим наш маневр, – уклончиво ответила Манона.

Она смотрела не на соратниц, а куда-то на юг.

Что ж, у ведьмы были свои тайны. Может, такие же мрачные, как его собственные?

Глава 8

Аэлина очнулась в полной темноте. В черноте тесного пространства.

Стоило немного раздвинуть локти, и они уперлись в боковые стенки ящика, заставив лязгнуть цепи. Если чуть пошевелить босыми ногами, тоже упрешься в нижнюю стенку.

Аэлина подняла связанные руки к крепкой железной крышке, находящейся почти у самого лица. Провела пальцем по вихрям и солнцам, вычеканенным на внутренней поверхности крышки. Таков был приказ Маэвы. Пусть Аэлина никогда не забывает: этот ящик был сделан для нее, задолго до ее рождения.

Почувствовав холод и шершавость металла, Аэлина сообразила: на ее руках нет железных рукавиц.

Кэрн снял с нее рукавицы или забыл надеть. В прошлый раз он держал ее руки в рукавицах над жаровней, пока металл не раскалился докрасна и она не стала кричать. Долго она тогда кричала...

Аэлина уперлась ладонями в крышку и надавила, пытаясь ее поднять.

Она же знала: одна рука у нее сломана. Оттуда торчали обломки кости. Теперь рука была цела. Может, ей намеренно внушали мысли о покалеченной руке? Сейчас она не чувствовала в руке никаких повреждений, она была здоровой, как до плена.

Ей внушали не только мысли, но и воспоминания. Навязывали их реальность, требовали принять как часть событий ее жизни.

Аэлина что есть силы надавила на крышку. Та чуть поддалась, но тут же опустилась снова. Аэлина сделала вторую попытку. У нее бы давно не осталось никаких сил, если бы не целители Маэвы. Те не давали ее мускулам усохнуть от постоянной неподвижности.

Снаружи донеслось тихое поскуливание – предупреждение от Фенриса.

Аэлина опустила руки. Через мгновение щелкнул замок и дверь с отвратительным скрипом открылась.

Судя по звуку шагов, Кэрн торопился. На то должна быть причина.

– Справь нужду в коридоре и жди у двери, – приказал он Фенрису.

Кэрн подошел к ящику. Остановился. Аэлина сжалась. Заскрежетала снимаемая крышка. В глаза ударил свет жаровен. Аэлина заморгала, но не шевельнулась.

Ее цепи крепились внутри ящика. Эту особенность Аэлина прочувствовала на себе.

Кэрн молча отстегнул цепи от железного ушка. Вытаскивая Аэлину из ящика и перемещая на алтарь, где имелось такое же ушко, истязатель находился в наибольшей опасности. Пусть Аэлина и связана по рукам и ногам, он предпочитал не рисковать.

Так поступил он и сегодня, хотя рукавицы надевать не стал.

Возможно, он недоглядел и они расплавились на жаровне вместе с лоскутами ее кожи, приставшими изнутри.

Кэрн рывком поставил ее на ноги. В дверях неслышно появилось с полдюжины караульных. Судя по лицам, их ничуть не ужасали зверства, творимые с Аэлиной.

Этих фэйцев она уже видела. Там, на залитом кровью берегу.

– Варик, – произнес Кэрн.

Караульный вошел. Фенрис находился у двери – волк величиной с пони. Возле его шеи замер меч Варика.

Кэрн дернул цепь и потащил Аэлину за собой к двери, где изваяниями стояли караульные и послушно лежал волк.

– Одно твое движение – и он сдохнет, – предупредил Аэлину Кэрн.

Ей каждое движение давалось с трудом. В таком состоянии нечего и думать о побеге. Но Кэрну она ничего не ответила.

Ее окутало тяжестью.

Аэлина не сопротивлялась, когда ей на голову надели черный мешок и повели к выходу. Идя по коридору, она не пыталась сбросить колпак, хотя считала ступеньки и повороты.

Плевать, если Кэрн намеренно удлинит путь, дабы ее запутать. Аэлина все равно продолжала считать. Она вслушивалась в шум реки. С каждым поворотом он становился громче. Открытые части тела ощущали туман. О том же говорили ступни, скользящие по каменным плитам.

Ее вывели наружу. Она не видела окружающего пространства, но влажными пальцами чертила узоры на своей коже. Мир манил открытостью.

«Беги. Беги немедленно», – прошептал далекий-далекий голос.

Аэлина не сомневалась: меч Варика по-прежнему упирался в горло Фенриса. Если она дернется, прольется кровь. Волка сдерживал не только меч, но и приказ Маэвы ни во что не вмешиваться. Фэйская королева знала о его даре переноситься на короткие расстояния так же легко, как человек переходит из комнаты в комнату.

Аэлина давно утратила надежду, что Фенрис все же сумеет применить свой дар и вызволит ее и себя из плена. Даже если караульный замахнет на него мечом, он вряд ли посмеет спастись.

Но если послушаться шепота, если попытаться сбежать... вправе ли она спасти свою жизнь ценой жизни Фенриса?

– Ты ведь наверняка раздумываешь, не попытаться ли дать деру, – услышала она сквозь ткань мешка шипение Кэрна.

Аэлина ощущала его улыбку. Кэрн продолжал – вкрадчиво, словно обращался к любимой женщине:

– Ты вопрошаешь совесть, позволит ли она расплатиться волчьей шкурой за спасение твоей? Ну так попробуй. Посмотрим, далеко ли ты сумеешь убежать. Кстати, нам осталось идти совсем недолго.

Аэлина не ответила. А голос внутри не унимался: «Беги, беги, беги». Она старалась не слушать.

Они шли дальше, шаг за шагом. Уставшие от ходьбы ноги начали дрожать. Слишком давно находясь в плену, она не имела сил для долгой ходьбы, хотя усилия целителей и не давали ее мышцам усохнуть совсем.

Кэрн вел ее вверх по винтовой лестнице. У Аэлины сбивалось дыхание, и она глотала воздух ртом. Туман исчез. Что-то подсказывало ей: сейчас поздний вечер или даже ночь. Она чувала сладковатые, почти забытые запахи. Цветы.

Цветы еще существовали. Они ухитрились благоухать даже здесь, в этом аду.

Гул воды постепенно затих и сменился веселым журчанием. Фонтаны. Ноги Аэлины ступали по холодным гладким плиткам. Золотистые отсветы пробивались даже сквозь ткань колпака. Фонари.

Воздух стал плотнее. Ветер исчез. Должно быть, они шли по внутреннему двору.

Бедра, ноги, ступни жгло пульсирующим огнем. Тело требовало идти медленнее, а еще лучше – остановиться и передохнуть.

Потом они снова вышли на открытое пространство. Шум реки усилился.

Кэрн остановился и подтянул Аэлину к себе. Ножны нескольких его кинжалов ударили ее по цепям и коленям. Где-то поблизости царапнули камень когти Фенриса – волк посылал ей сигнал.

И через несколько секунд Аэлина поняла, что Фенрис имел в виду. Она услышала женский голос – одновременно молодой и старый, удивленный и равнодушный.

– Кэрн, сними с нее мешок, – промурлыкал голос.

Мешок исчез. Аэлина почти сразу узнала это место.

Да, она уже бывала на этой широкой веранде с видом на быструю реку и водопады. Она ходила по древнему каменному городу, который сейчас находился у нее за спиной.

И на этом месте она когда-то уже стояла, глядя на темноволосую королеву. Как и в прошлый раз, та сидела на каменном троне, к которому вели ступени подиума. Вокруг королевы клубился туман. На спинке трона устроилась белая сова.

Сейчас возле ног королевы лежал только один волк. Черный как ночь, как глаза его госпожи. Они смотрели на Аэлину, прищуренные от удовольствия.

Маэва позволила пленнице оглядеться и понять, куда она попала.

Темно-пурпурное платье королевы блестело, как полосы тумана. Длинный шлейф покрывал несколько ступеней подиума и ненароком указывал на основание.

Едва взглянув на то, что сверкало у основания, Аэлина замерла.

Красные губы Маэвы скривились в улыбке. Махнув Кэрну изящной, цвета слоновой кости рукой, она сказала:

– Если желаешь, начинай.

Кэрн тут же потащил Аэлину к битому стеклу, уложенному правильным кругом. Он остановился на самом краю. Босые ступни Аэлины отделяло от первых осколков расстояние с палец длиной. Даже меньше.

Маэва подала знак черному волку. Тот поднялся, зубами подхватил с широкого подлокотника трона какой-то предмет и поспешил к Кэрну.

– Я подумала о необходимости выказать уважение к твоему титулу, – сказала Маэва, с лица которой не сходила паучья улыбка.

Аэлина увидела, что за предмет волк отдал караульному, стоявшему рядом с Кэрном.

– Надень ей на голову, – велела Маэва.

В руках караульного сверкала древняя серебряная корона, усыпанная жемчугом. Она была сделана в виде двух изогнутых крыльев, смыкающихся вверху, где их окружали бриллианты редкой чистоты. Корона светилась, словно внутри нее был пленен лунный свет. Равнодушные руки караульного опустили корону на голову Аэлины.

Корона оказалось на удивление тяжелой. Холодное серебро давило Аэлине на череп. Казалось, корону лишь посеребрили, а внутри она была железной.

Аэлина подавила желание тряхнуть головой и сбросить корону.

– Корона Мэбы, – пояснила Маэва. – Твоя корона, по праву крови и рождения. Ты – ее законная наследница.

Аэлина не обращала внимания на слова Маэвы. Она смотрела на круг битого стекла.

– А-а, это, – усмехнулась Маэва, заметив, куда устремлен взгляд Аэлины. – Думаю, тебе известно, как осколки действуют на тело. Ты ведь сокрушила целый стеклянный замок, Аэлина, прозванная Неистовым Огнем.

Аэлина молчала.

Маэва кивнула.

Кэрн толкнул Аэлину на стекло.

Осколки мгновенно порезали ей ноги, надорвав кожу, едва успевшую зажить после истязаний. Аэлина резко вдохнула сквозь сжатые зубы, подавляя крик. Кэрн заставил ее опуститься на колени.

Аэлина столь же резко выдохнула. Осколки глубоко впились ей в колени.

Дышать. Правильное дыхание было сейчас важнее всего.

Аэлина приглушила разум, сосредоточившись только на вдохах и выдохах. Волна откатывалась от берега, затем возвращалась.

Под коленями, икрами и лодыжками стало тепло. Медный запах ее крови перемешивался с туманом.

Невзирая на усилия, дыхание у нее сбилось. Аэлину затрясло. Внутри нарастал крик. Аэлина до крови закусил губу. Она не закричит. Во всяком случае, сейчас.

Дышать. Нужно дышать.

Она еще сильнее вонзила зубы в мякоть губы. Рот наполнился привкусом крови.

– Жаль, что у нас так мало зрителей, – сказала Маэва, голос которой звучал откуда-то издали и в то же время – совсем рядом. – Наконец-то Аэлина Огненица надела свою настоящую корону фэйской королевы и оказалась на коленях передо мною.

Аэлину пробрала дрожь. Она качнулась, и новые осколки впились ей в кожу.

Она продолжала дышать, уносясь все дальше в море. Каждый вдох увлекал ее в простор, где слова, чувства и боль – лишь тонкая, едва видимая полоска берега.

– Фенрис, подойди! – щелкнула пальцами Маэва.

Волк обогнул круг осколков и уселся возле трона. Но прежде чем сесть, он успел взглянуть на черного волка.

Черный волк тоже на него посмотрел: равнодушно и холодно. Маэве этого было достаточно.

– Коннал, у тебя наконец-то есть возможность высказать своему брату-близнецу все, что пожелаешь.

Воздух разорвала вспышка света.

Аэлина вдыхала носом, выдыхая ртом. Она думала только о дыхании и едва заметила красивого темноволосого фэйца, стоявшего на месте черного волка. Кожа у него была с бронзовым отливом, как и у Фенриса, но в его облике не ощущалось необузданности. На лице Коннала вряд ли когда-либо появлялась озорная улыбка. Доспехи на нем были не серые, а черные. По бокам висели парные кинжалы.

Белый волк смотрел на брата-близнеца, пригвожденный к месту невидимыми нитями.

– Говори, Коннал, не стесняйся, – все с той же легкой улыбкой продолжала Маэва.

Сова-сипуха, застывшая на спинке трона, взирала на происходящее своими умными немигающими глазами.

– Пусть брат знает: это твои слова и ты произносишь их по собственному желанию, а не по моему приказу.

Нога, обутая в сапог, толкнула Аэлину в спину. Несильно, но вполне достаточно, чтобы умножить число порезов.

Никакое дыхание не могло увести ее достаточно далеко и уберечь от сдавленных стонов.

Аэлина ненавидела этот звук, как ненавидела королеву на троне и изувера у себя за спиной. Однако стон все равно вырывался наружу, едва слышимый за грохотом водопада.

Темные глаза Фенриса были устремлены на нее. Он моргнул четыре раза. Аэлине было никак не заставить себя моргнуть в ответ. Ее пальцы сжимались и разжимались.

– Ты сам во всем виноват, – заговорил Коннал, вынуждая Фенриса повернуть голову к нему. Голос у него был таким же ледяным, как у Маэвы. – Твое высокомерие, твое безудержное безрассудство... ты этого хотел?

Фенрис молчал.

– Поменяйся мы местами, ты бы мне никогда не позволил так себя вести. Ты принес клятву на крови не ради служения нашей королеве, а чтобы я даже в этом не превзошел тебя.

Фенрис оскалил зубы. В волчьих глазах мелькнуло выражение горя.

Новая волна боли обожгла Аэлине колени и бедра. Девушка закрыла глаза. Она это выдержит. Преодолеет свою слабость.

Ее соплеменники страдали более десяти лет. Возможно, продолжают страдать и сейчас. Ради них она вытерпит все, что бы ни выпало здесь на ее долю.

Коннал продолжал говорить. Видимо, наболело, раз в голосе появились эмоции.

– Ты – позор нашей семьи! Позор нашего королевства! Помню, как ты увивался за чужеземной королевой. Спрашивается, ради чего? А когда тебя отправили на поимку Лоркана? Я тогда чуть ли не умолял тебя: держи себя в руках. Проявляй благоразумие. Ты смеялся. Хорошо, что не плюнул мне в лицо.

Фенрис зарычал. Должно быть, рычание что-то значило на тайном языке братьев, поскольку Коннал презрительно фыркнул:

– Уходить? С какой стати я должен уходить? И ради чего? Ради этого?

Даже с закрытыми глазами Аэлина знала: Коннал сейчас указывает на нее.

– Нет, Фенрис. Я не уйду. И ты тоже никуда не уйдешь.

Во влажном воздухе прозвучало тихое поскуливание.

– Ты сказал достаточно, Коннал, – заявила Маэва.

Последовала новая вспышка света, который проник даже под плотно сомкнутые веки Аэлины.

Она дышала, стараясь не сбиваться с ритма.

– Ты ведь знаешь, Аэлина, как быстро это может кончиться, – сказала Маэва.

Аэлина не открывала глаз.

– Скажи, где спрятала Ключи Вэрда, принеси мне клятву на крови... Последовательность значения не имеет.

Аэлина открыла глаза, подняла связанные руки на уровень груди и показала Маэве неприличный жест. Такие она видела лишь в рафтхольских притонах, появляться в которых ее иногда вынуждало прежнее ремесло.

Улыбка Маэвы слегка изменилась.

– Кэрн, займись.

Аэлина не успела внутренне собраться. Руки Кэрна нажали ей на плечи.

Больше не было сил сдерживать крик. Кэрн толкал ее в пылающую яму нестерпимой боли; та уже охватила ноги и стремительно поднималась по спине.

Боги... боги...

Откуда-то издалека сквозь ее крики прорвалось рычание Фенриса.

– Отлично, Кэрн! – послышалось следом. – Пока хватит.

Давление на плечи ослабло.

Аэлина попыталась разогнуться. Нужно поскорее восстановить глубокое дыхание.

У нее не получалось вдохнуть – она лишь судорожно глотала воздух.

В глазах стоял туман. Осколки возле коленей были густо залиты кровью.

Выдержать... вытерпеть...

– У меня есть глаза повсюду, и нынче утром я получила любопытные сведения, – вновь заговорила Маэва. – Оказывается, нынче ты находишься в Террасене и готовишь к сражению небольшую армию, которую тебе удалось собрать вместе с принцем Рованом и двумя моими опозорившимися воинами. Там же обретаются и твои прежние сподвижники.

Аэлина только сейчас поняла: все это время она цеплялась за соломинку надежды. Тонкую, ломкую. Надеялась, что Рован отправится ее искать.

Она же сама говорила ему: не надо этого делать. Просила и даже приказывала защищать Террасен. Подготовила все, чтобы он сумел выстоять против Мората.

– Полезно иметь в свите оборотня. Когда понадобится, она сыграет твою роль, – рассуждала вслух Маэва. – Вот только долго ли продержится эта уловка? Внешнее сходство не передаст оборотню твоих способностей заживо сжигать моратские легионы. И долго ли осталось ждать, когда собранные тобой союзники начнут спрашивать, почему это Огненосица не в состоянии ничего сжечь?

Маэва не лгала. Аэлина помнила все подробности своего замысла, все разговоры с Лисандрой... Маэве донесли о том, что на самом деле происходит в Террасене. А может, фэй-ская королева удачно соврала? Что ж, может быть и такое. Вполне может быть. Однако...

Рован отправился с ними. Все ее друзья и союзники отправились на север и достигли Террасена.

Хоть в этом какой-то просвет. Но...

Осколки вокруг нее переливались в свете луны. Вокруг плавали облачка тумана. И среди этого стеклянного блеска темнело пятно. Ее засыхающая кровь.

– В отличие от Эравана, я не хочу уничтожить этот мир, – сказала Маэва.

Можно подумать, они сейчас мирно беседовали в одном из лучших чайных заведений Рафтхола. Того, прежнего Рафтхола, а не груды развалин, оставленных легионами Железнодорожных ведьм.

– Я люблю Вендалин. Люблю Эрилею и все прочие континенты. И всегда любила.

Осколки, кровь, веранда, пятна лунного света... Все кружилось перед глазами Аэлины.

– Я повидала много войн. Отправляла моих воинов, дабы прекращать войны. Я прекрасно знаю, насколько разрушительна любая война. Между прочим, стекло, на котором ты так уютно устроилась, – память об одной из таких войн. Оно из Стеклянных гор на юге. Когда-то там были песчаные дюны. А потом... ты даже не представляешь, как давно это было... в тех местах вспыхнула кровавая война. Драконы сожгли песок, превратив его в стекло.

Маэва ненадолго приумолкла, что-то бормоча себе под нос.

– Это стекло считается самым прочным в мире. Оно почти не бьется. Учитывая твоё огненное наследие, мне подумалось: ты по достоинству оценишь его происхождение.

Маэва цокнула языком, и Кэрн тут же вновь обхватил плечи Аэлины. С каждой секундой он давил все сильнее. Боги... боги... боги!

Но никто из богов не спешил ей на подмогу. Ни один.

Крики Аэлины ударялись о камень и воду, возвращаясь пронзительным эхом.

Одна. Помощников у нее здесь нет. К белому волку взывать бесполезно.

Кэрн убрал руки с ее плеч. Горло и рот Аэлины наполнились жгучей желчью. Она вновь стояла на коленях, наклонившись вперед.

Выдержать... вытерпеть.

– А драконы в той войне не уцелели. Их порода исчезла и никогда уже не появится.

По скривленным губам Маэвы Аэлина поняла: фэйская королева позаботилась об уничтожении огнедышащих драконов. Таких же огненосцев.

Аэлина не понимала, почему ее охватила печаль. Ведь огнедышащие драконы исчезли многие сотни лет назад. Да, они никогда не появятся снова. Но почему ей от этого вдруг стало так невыразимо грустно? Почему ее вообще волнует судьба истребленных драконов, когда ее израненное осколками тело кричит от боли?

Коннал не вернулся в обличье волка. Он стоял возле трона Маэвы, гневно поглядывая на брата.

– Я проголодалась, – бросила ему Маэва.

Стоя на окровавленных коленях, Аэлина смотрела на принесенные яства и вина. Маэва угощалась сыром и виноградом, постоянно улыбаясь пленнице.

Аэлине было не справиться с дрожью. Боль сменилась жутким оцепенением.

Усилив волю она погружала себя глубже, еще глубже. Пусть Рован и не явился ее вызывать. Главное, он и другие выполняли ее волю: сражались за Террасен. Сейчас она тоже спасала родное королевство, и будет спасать, пока хватит сил. Она изрядно задолжала Террасену и вряд ли когда-нибудь выплатит этот долг.

Из глубин ее памяти появились слова и воспоминания. Аэлина ухватила за них, и они унесли ее за пределы израненного тела.

Вместе с отцом она сидела на немногочисленных ступенях, спускающихся к открытой арене для состязаний и поединков. Арена находилась во дворе замка и напоминала скорее храм, нежели ристалище. Вокруг – светло-серые выщербленные колонны. За века ее существования здесь состязались величайшие воины Террасена. Сейчас арена пустовала, залитая золотистыми лучами предвечернего солнца.

Роэс Галатиний провел ладонью по круглому щиту. Темную металлическую поверхность щита покрывали щербины и вмятины – свидетельства былых ужасов. К счастью, с теми ужасами давно покончено, и память о них осталась лишь в легендах.

– Когда-нибудь этот щит перейдет к тебе, – говорил отец, ведя пальцем вдоль длинных борозд. – В свое время я получил его от твоего двоюродного дедушки, а он...

Отец назвал имя их предка.

Аэлина все еще успокаивала дыхание после упражнений с отцом. Как он и обещал, на арене были только они вдвоем. Среди множества дел и обязанностей отец выкраивал час в неделю для обучения ее премудростям сражения.

– Когда вырастешь, щит тебе очень пригодится, – продолжал отец. – Подобно многим мужчинам и женщинам нашего королевского дома, ты будешь защищать королевство Террасен.

Аэлина устремила взгляд на отца, на его прекрасное лицо без морщин – величественное, поистине королевское.

– Это твое ремесло, твоя единственная обязанность. – Отец постучал по кромке щита, подкрепляя сказанное. – Обязанность защищать, оберегать. Помни об этом, Аэлина.

Она кивнула, хотя не поняла отцовских слов. А отец поцеловал ее в лоб, отчасти надеясь, что вне пределов этой арены дочери не придется брать в руки щит.

Кэрн снова вдавил ее в осколки. В горле Аэлины не осталось звуков, чтобы кричать.

– Мне это начинает надоедать, – заявила Маэва.

Серебряный поднос был отодвинут в сторону. Фэйская королева подалась вперед. Потроженная сова захлопала крыльями.

– Аэлина Галатиния, неужто ты думаешь, что ради нужных мне сведений я не пойду на жертвы?

Аэлина не произнесла ни слова. Казалось, она вообще разучилась говорить.

– Изволь убедиться, – продолжала Маэва, выпрямляясь на троне.

Глаза Фенриса предостерегающе вспыхнули.

Рука цвета слоновой кости подала знак Конналу, застывшему рядом с тронном. Он стоял там с тех пор, как принес королеве угощение.

– Начинай.

Коннал выхватил кинжал и шагнул к Фенрису.

Нет!

Ее «нет» отозвалось холодным лязгом по всему телу. Губы даже прошептали это слово. Аэлина дернулась, качнув цепи, и ее ноги сейчас же покрылись новыми порезами, откуда хлынула кровь, похожая на жидкий огонь.

Коннал сделал еще шаг.

Под Аэлиной хрустели и трескались осколки. Нет... нет!

Коннал остановился возле Фенриса. Рука с кинжалом тряслась. Фенрис лишь рычал, поглядывая на брата.

Коннал взмахнул кинжалом.

Аэлина не могла вскочить на ноги. Цепь и осколки мешали ей подняться. Она ничем, абсолютно ничем не могла помочь Фенрису.

Кэрн схватил ее за шею, остервенело вцепившись ногтями в кожу, и вновь толкнул на окровавленные осколки. С губ Аэлины сорвался хриплый крик.

Фенрис. Единственная ниточка, связывающая ее с жизнью и окружающей реальностью.

Лунный свет блеснул на лезвии кинжала. Аэлине вспомнилось, как Коннал явился к ним на помощь в крепость Страж Тумана. Тогда он послушался повеления Маэвы. Быть может, слушается и сейчас, а гневные слова, обращенные к брату, – не более чем обманный маневр.

Рука с кинжалом стремительно упала, и лезвие вонзилось... не в Фенриса. В сердце самого Коннала.

Фенрис шевельнулся. Вернее, попытался. Пасть раскрылась. Возможно, он даже закричал, но Аэлина не слышала его крика. Невидимые узы держали Фенриса, а он рвался и рвался к брату. Коннал корчился на полу веранды, куда струилась кровь из-под кинжала.

Сова на спинке трона Маэвы хлопнула крыльями, напуганная случившимся. Кэрн лишь негромко усмехнулся, но в голове Аэлины его смех прозвучал раскатами грома.

Это не обман. Случившееся было реальностью. Наверняка.

Аэлина почувствовала, как сквозь ее тело проползло что-то холодное и маслянистое. Свет уходил из темных глаз Коннала. Черные волосы разметались по полу, оказавшись в зеркале крови из раны.

Фенриса трясло. Аэлину, наверное, тоже.

– Аэлина Галатиния, ты запачкала принадлежащее мне, – сказала Маэва. – Это нужно очистить.

Фенрис скулил, по-прежнему пытаясь поползти до неподвижно лежащего брата. Человек от такого удара был бы мертв, но тела фэйцев гораздо крепче человеческих. Возможно, сердце Коннала еще удастся залатать.

Грудь Коннала судорожно поднялась и... замерла.

Ночной воздух прорезал вой Фенриса.

Кэрн отпустил цепь, и Аэлина рухнула на осколки, раня себе ладони и запястья. Она не делала попыток встать, оставаясь полураспластанной на осколках. Корона упала с ее головы и запрыгала по полу, разбрасывая осколки драконьего стекла. Никто не нагнулся и не подхватил корону; набирая скорость, она пересекла веранду и оказалась возле каменных перил.

А потом вылетела между столбов и упала в злобно ревущую реку.

– Тебе здесь никто не поможет. – Голос Маэвы был холодным и пустым, словно пространство между звездами. – И никто сюда не придет за тобой.

Аэлина сжала кулаки, не думая о новых порезах.

– Подумай об этом. Хорошенько подумай над событиями сегодняшней ночи, Аэлина.

Маэва щелкнула пальцами:

– На сегодня достаточно.

Кэрн дернул за цепи.

У Аэлины подгибались ноги. На ступнях сразу же добавилось ран. Но она едва чувствовала боль, заглушаемую яростью и морем огня, что бушевал глубоко внизу.

Пока руки Кэрна грубо натягивали цепь, заставляя Аэлину встать, она нанесла два удара.

Один осколок вонзился Кэрну в шею. Тот с руганью попятился, вытирая брызнувшую кровь.

Аэлина повернулась и, не чувствуя, как осколки рвут ей кожу на стопах, бросила вторым осколком в Маэву.

Она промахнулась совсем чуть-чуть. Осколок оцарапал белую щеку Маэвы и упал на пол за тронем. Сова тревожно заверещала.

Грубые руки схватили Аэлину.

– Ах ты, ничтожная сука! – вопил разгневанный Кэрн, но Аэлина не слышала его воплей.

Она смотрела на струйку крови, ползущую по щеке Маэвы. Крови черной как ночь. Такой же черной, как глаза королевы, устремленные на нее.

Маэва поднесла руку к щеке.

Силы оставили Аэлину. Она не сопротивлялась караульным, утаскивающим ее с веранды. Любопытство заставило ее снова посмотреть на щеку Маэвы. Там текла красная кровь, которая пахла медью, как и ее собственная. Что же это было? Игра света? Иллюзия, где опять смешались сон и реальность?

Маэва смотрела на пальцы, красные от крови.

Волна черного, будто оникс, ветра метнулась к Аэлине, сомкнувшись вокруг шеи. Потом ей сдавило шею, и она провалилась в темноту.

Глава 9

Кэрн оставил ее привязанной к алтарю. Фенрис не появлялся. Из ран на ногах, где застряли осколки, продолжала капать кровь. Когда же Фенрис наконец пришел, он был в своем фэйском обличе.

Его шаги уже многое сказали Аэлине. Затем она увидела помертвевшие глаза и бледное лицо. От золотистого оттенка кожи не осталось и следа. Даже остановившись перед алтарем, Фенрис смотрел не на Аэлину, а в пустоту.

Не надеясь на органы речи, Аэлина трижды моргнула. «У тебя все в порядке?»

Он моргнул дважды. «Нет».

На щеках белели соляные дорожки. Цепи Аэлины лязгнули. Ее трясущийся палец потянулся к Фенрису. Он молча протянул ей руку, которую она зажала в своих.

Аэлина все же попыталась произнести слова, сомневаясь, что они прорвутся сквозь ротовую щель железной маски.

– Соболезную тебе.

Он еще крепче сжал ее руку.

Серый камзол Фенриса был полурасстегнут, открывая мускулистую грудь. Видно, он собирался второпях, дорожа каждой минутой.

При этой мысли у Аэлины свело живот. Он поспешил к ней, хотя его наверняка ожидало погребение брата, чье тело осталось лежать на полу веранды.

– Я и не знал, как сильно он меня ненавидит, – прохрипел Фенрис.

Аэлина стинула его пальцы.

Фенрис закрыл глаза, успокаивая дыхание.

– Фэйское обличе – это ненадолго, только чтобы вытащить осколки из твоих ног. А когда закончу, она велела возвращаться туда.

Он кивнул в сторону стены, где всегда сидел белый волк. Фенрис нагнулся к ее ногам, но Аэлина вновь сжала ему руку и дважды моргнула. «Нет».

Пусть еще немного побудет в своем фэйском обличе. Пусть его скорбь по брату будет фэйской, а не волчьей. И она послушает голос друга, ощутит его заботливое прикосновение.

Аэлина заплакала. Она ненавидела каждую слезинку, ненавидела всхлипывания, судорожные движения тела, отзывавшиеся острой болью в ногах, но не могла унять потока.

– Я вытащу их все до одного, – пообещал Фенрис.

Аэлина не могла и не пыталась ему объяснить, что ее слезы вызваны не осколками, застрявшими в ногах и добравшимися чуть ли не до костей.

Сознанием, что Рован не придет. Не ворвется сюда и не освободит ее.

Казалось бы, она должна радоваться. Должна испытывать облегчение. Она и испытывала облегчение, и все же...

На столе возле алтаря Кэрн оставил шкатулку с инструментами. Фенрис достал оттуда длинные тонкие щипцы.

– Потерпи, я быстро.

До крови закусив губу, Аэлина отвернулась. Первый осколок Фенрис вытащил из ее колена, снова задев кожу и сухожилия.

Запах соли перебивал запах ее крови. Аэлина догадывалась: он тоже плачет. Скоро тесное помещение пропахло слезами.

За все время никто из них не произнес ни слова.

Глава 10

Окружающий мир весь состоял из мерзлой грязи, из луж красной и черной крови. Крики умирающих наполняли морозный воздух.

За эти месяцы Лисандра узнала: как бы тщательно ни обдумывались планы, реальность битвы многое перечеркнет. Не бывает красивых битв и героических поединков. Вместо этого – хаос и боль. Ее когти и зубы должны успеть первыми вонзиться и вгрызться во врага, пока солдаты машут окровавленными мечами и закрываются измятыми щитами. Доспехи, различные среди лагерных шатров, на поле быстро покрываются пятнами и сгустками крови. Если бы не черный цвет вражеских доспехов, Лисандре было бы трудно отличать союзников от врагов.

Их цепи выдержали вражеский натиск. Пусть и небольшое, но достижение.

Щитом к щиту, плечом к плечу они встретили на заснеженном поле (теперь оно стало грязной ямой) легион Эравана, двигавшийся из Элдриса.

Место, время и направление удара выбирал Эдион. Многие ратовали за мгновенную атаку, но он позволил моратским солдатам отойти подальше. Туда, где он рассчитывал дать им бой. В ответ на возражения военачальников он кратко ответил, что место боя столь же важно, как численность армии.

С Лисандрой он такие дела не обсуждал. За все дни он едва удостоил ее несколькими словами. Впрочем, сейчас не время об этом думать, а тем более обижаться.

Террасенские солдаты и союзники пребывали в уверенности, что Аэлина Галатиния благополучно выбралась из Элдриса и сейчас направляется к ним. Это позволяло Лисандре сражаться в обличье призрачного леопарда. Рен Ручейник снабдил ее пластинчатыми доспехами, прикрывающими грудь, бока и спину. Пластины были очень легкими и не мешали двигаться, но отличались прочностью. Вскоре Лисандра сумела оценить их полезность. Если бы не они, ее бы ранили стрелой в бок и дважды полоснули бы мечом.

Однако доспехи не делали ее полностью неуязвимой. Мелких ран на леопардовом теле Лисандры хватало. мех на лапах потускнел от вражеской крови. Лисандра сражалась в передовых рядах, неумоимо убивая врагов. Иногда, случалось, ранила себе лапы о валяющиеся мечи и обломанные стрелы.

Но она упрямо сражалась вместе с легионом Беспощадных, выдерживая вражеский напор.

Посланцев Мората было всего лишь пять тысяч.

Слова «всего лишь» звучали смешно, но именно так говорили Эдион и остальные.

Учитывая полную мощь Мората, их и армией назвать нельзя. Однако для террасенцев и союзников эти пять тысяч представляли угрозу.

Такие мысли крутились сейчас в мозгу Лисандры. Она проскочила между двумя солдатами из легиона Беспощадных и набросилась на ближайшего валгского пехотинца.

Тот намеревался расправиться еще с одним легионером и уже замахнулся мечом. Внимание вражеского солдата было целиком сосредоточено на противнике, а голова повернута так, что валгское отродье не заметило приближающейся смерти. Когда леопардовые челюсти Лисандры сомкнулись на его шее, было поздно.

За несколько часов сражения она приноровилась убивать врагов, не особо задумываясь, больше подчиняясь звериным инстинктам. Солдат с перекушенным горлом еще не успел упасть, а Лисандра понеслась дальше, выплевывая куски его мяса. Кто-то из наступающих за нею отсечет ему голову. Ее прежняя жизнь рафтольхой куртизанки казалась невероятно далекой. Там на каждом шагу были интриги, здесь – смерть, однако Лисандра еще ни разу не затосковала по прежним временам.

Позади слышался зычный голос Эдиона, отдававшего приказы левому флангу. Учитывая малочисленность сил противника (по меркам Эдиона), он решил дать отдых части легиона Беспощадных, заменив их солдатами из отрядов террасенских герцогов и солдатами принца Галана Ашерира и королевы Ансели из Западного края. Радовало то, что дополнительные силы Галана и Ансели были на подходе к Террасену.

Врагам пока незачем знать о нахождении в Террасене небольшого отряда фэйских воинов, отправленных сюда стараниями принца Эндимиона и принцессы Селианы из клана Боярышника. И о Молчаливых ассасинах из Красной пустыни им тоже незачем знать. Настанет время, когда внезапность действия упомянутых сил окажется очень и очень важной. Эдион спорил об этом на кратком военном совете, который устроил по возвращении в лагерь. Лисандре пришлось обернуться драконихой и тащить на себе его, Рена и Муртага из замка Ручейников почти до Оринфа. Она сильно устала и не прислушивалась к спорам. Мнение Эдиона одержало верх.

Он всегда одерживал верх благодаря железной воле и самоуверенности.

Лисандра не решилась обернуться и посмотреть, каково сейчас приходится Эдиону, сражавшемуся бок о бок с Беспощадными. Она находилась на правом фланге, которым командовал Рен. Левый удерживали Галан и Ансель. Вместе с ними бились Равэн и Соэл – братья из богатой террасенской семьи, жившие в Сурии.

Она старалась не смотреть, чье оружие еще мелькает в воздухе. Своих погибших они посчитают, когда закончится сражение.

Врагов осталось совсем немного. От силы тысяча. Солдат за ее спиной было гораздо больше.

И потому Лисандра продолжала косить врагов. Их кровь, попадавшая к ней на язык, имела привкус заплесневелого вина.

Они победили, хотя Эдион не особо торжествовал по этому поводу. Мимолетный успех, если учесть общую численность сил Мората, которые непременно вторгнутся в Террасен.

Все они еще не успели остыть от битвы. Спустя час после того, как был убит последний валгский солдат, Эдион вернулся в свой шатер и сейчас стоял возле стола, заваленного картами. Здесь же находились Рен Ручейник и Равэн с Соэлом.

Куда делась Лисандра, он не знал. Осталась в живых, и на том спасибо.

Шлемы и доспехи всех четверых густо покрывала корка запекшейся крови и засохшей грязи. Оружие свалили у входа в шатер. Отмываться и чистить свои мечи и щиты они будут потом.

– Какие потери с вашей стороны? – спросил Эдион у Равэна и Соэла.

Правителем их родного города Сурии официально считался Соэл, но, по сути, светло-волосые братья управляли городом вместе. Почти ровесники Эдиона, прежде они никогда не участвовали в войнах, однако сегодня держались стойко. Их солдаты – тоже.

Отца братьев казнили более десяти лет назад, во время адарланского вторжения. Мать пережила и вторжение, и годы адарланского владычества благодаря своему уму и способности лавировать. Было и еще одно обстоятельство: процветающий портовый город играл важную роль в торговле Адарланской империи. Зачем же его разрушать?

Соэл унаследовал характер их умной, уравновешенной матери. Дерзкий, порывистый Равэн пошел в отца. Но оба глубоко ненавидели Адарлан, и эта ненависть безошибочно читалась в их голубых глазах.

Услышав вопрос, Соэл выдохнул. Его вытянутое лицо и нос были забрызганы глиной. В детстве Эдион считал нос Соэла аристократическим. Науки влекли Соэла больше, нежели ратное ремесло, однако десять мрачных лет заставили его кое-чему научиться.

– Хвала богам, потери невелики, – ответил Соэл. – От силы человек двести.

Мягкость его голоса была обманчивой. За последние недели Эдион убедился в этом не раз. Возможно, такой голос был для Созла своеобразным оружием. Пусть думают, что он мягкосердечен и слаб. Так ему легче маскировать свой острый ум и крепкую интуицию.

– А на твоём фланге? – спросил Эдион, поворачиваясь к Рену.

Рен провел по темным волосам, стряхивая приставшую глину.

– Думаю, сотни полторы.

Эдион кивнул. Намного лучше, чем он предполагал. Отряды выдержали натиск благодаря горсткам Беспощадных, рассеянных им по обоим флангам. Валги попытались было сохранять порядок строя, но, едва почуяли запах пролившейся человеческой крови, впали в неистовство и стали неуправляемы. Напрасно командиры надрывали глотки, пытаясь их обуздать.

Разбитая армия состояла из валгской швали. Принцев среди них не оказалось, а жаль.

Получалось, что пять тысяч солдат Эравана, устроивших близ Илиума засаду на корабли Галана Ашерира и затем высадившихся в Элдрисе, были расходным материалом. Проверкой на прочность. Видно, Эраван не считал сопротивление террасенцев серьезным, раз не отправил на бой с ними илков, Железозубых ведьм и гончих Вэрда.

Но даже таких солдат, одержимых низшими валгами, убивать было труднее, чем обычных людей.

– Каковы наши дальнейшие действия? – спросил Равэн, вглядываясь в карту. – Возвращаемся в Оринф? Или двинемся к границе?

– Дарро приказывал: если уцелеем, возвращаться в Оринф, – возразил Созл, хмуро посмотрев на брата.

Блеск в глазах Равэна красноречиво свидетельствовал, куда он хочет отправиться.

Дарро был слишком стар, чтобы сражаться. Он находился в лагере второй линии, в двадцати лигах отсюда. Если бы пяти тысячам врагов удалось истребить одну из лучших армий, какие видел Террасен, та линия стала бы передовым рубежом обороны Оринфа. Узнав о победе, Дарро наверняка предпочтет возвращение в столицу.

Эдион повернулся к Рену:

– Как думаешь, твой дед сумеет убедить Дарро и остальных оринфских шишек двинуться на юг?

Война, где чувствуешь себя мальчишкой, вынужденным на все спрашивать разрешение взрослых, – это абсурд какой-то. Эдиону приходилось отстаивать каждое свое решение. Убеждать нынешних правителей Террасена, что места сражения он выбирает, опираясь на свой боевой опыт.

Можно подумать, его Беспощадные не откликнулись на призыв Аэлины и вообще служили не своей королеве, а неведомо кому.

Рен выдохнул. Пар от его дыхания поднялся к потолку шатра. Шатер был просторным, но пустым. Не было у них ни времени, ни возможностей, чтобы обустроить штабной шатер как надо. Ограничились койкой, несколькими жаровнями, столом и медной лоханью за занавеской. Когда окончится собрание, нужно распорядиться, чтобы Эдиону согрели воды.

Будь с ними Аэлина, ее магия согрела бы воду за несколько мгновений.

Усилием воли Эдион прогнал тяжесть в груди.

Будь с ними Аэлина, не понадобилось бы сегодня напрягаться и терять людей. Пять тысяч посланцев Мората превратились бы в пепел еще на дальних подступах.

Никто из союзников Аэлины и младших командиров не спрашивал, где она и почему ее сегодня не было на поле сражения. Возможно, не осмеливались спрашивать.

– Если мы без согласия Дарро и остальных двинем войска к югу, нас объявят государственными изменниками.

– Спасение нашего королевства – государственная измена? – раздраженно спросил Равэн.

– Дарро и остальные помнят прошлую войну, на которой сражались, – заметил брату Соэл.

– И которую проиграли, – парировал Равэн. – Разгромно... Ты ведь был тогда на Фералийской равнине, – обратился он к Эдиону. – Собственными глазами видел ту бойню.

Братья терпеть не могли Дарро и тогдашних военачальников, которые повели террасенские силы в последнее, заранее обреченное сражение. Оно действительно было больше похоже на бойню. Ошибки командования погубили многих придворных, многих друзей Эдиона. Братья словно упускали из виду громадное численное превосходство войск Адарлана. Можно было лишь оттянуть разгром.

– Нужно идти на юг, наращивать силы и не давать Морату даже близко подползать к Оринфу.

– Мы и союзникам облегчим задачу, – подхватил Рен. – Им не понадобится далеко идти на соединение с нами.

– Галан Ашерир и Ансель из Западного края пойдут туда, куда мы скажем. Фэйцы с Молчаливыми ассасинами – тоже, – напирал Равэн. – Другая часть армии Ансели уже движется на север. Мы объединимся с ними. Возможно, убедим их ударить с запада, пока мы наносим удар с севера.

Замысел был вполне здравым. Эдион и сам думал об этом. Но уломать Дарро... Надо завтра отправиться в тот лагерь. Возможно, он успеет до отъезда Дарро в столицу. Естественно, сначала надо проведать раненных в сегодняшнем бою.

Похоже, Дарро не захотел ждать до утра.

– Господин Ашерир! – послышался снаружи чей-то молодой спокойный голос.

Эдион что-то буркнул в ответ. Естественно, в шатер вошел не Дарро, а высокий, темно-волосый и сероглазый человек без доспехов. Явно не воин, хотя под забрызганной одеждой угадывалось сильное, гибкое тело. Гонец подошел к столу и, поклонившись Эдиону, вручил ему письмо.

Эдион взял письмо. Его имя было написано рукой Дарро.

– Господин Дарро велит вам прибыть к нему завтра, – сообщил гонец, указывая на запечатанное письмо. – Вам и всей армии.

– Какой смысл в письме, если ты уже сообщил Эдиону его содержание? – пробормотал Равэн.

Гонец с любопытством посмотрел на него:

– Я задал такой же вопрос.

– Тогда странно, что он не прогнал тебя взащей со службы, – сказал Эдион.

– Я не нахожусь на службе, – пояснил гонец. – Просто... помогаю.

Эдион вскрыл письмо. Гонец не соврал: Дарро приказывал ему и армии завтра явиться в лагерь.

– Быстро же ты добрался, – сказал гонцу Эдион. – Будто на крыльях летел. Впрочем, сдается мне, письмо было написано раньше, чем началось сражение. Возможно, вчера.

– Мне вручили два письма, – усмехнулся гонец. – Одно на случай победы, другое – если бы армия потерпела поражение.

Смельчак, однако. Этот гонец держался не только смело, но и с нагловатой уверенностью. Таких Дарро возле себя не терпит.

– Как тебя зовут?

– Нокс Оэн. – Гонец отвесил глубокий поклон. – Из Перранта.

– Слышал о тебе, – проговорил Рен, снова вглядываясь в Нокса. – Вор, если не ошибаюсь.

– Бывший вор, – поправил Ручейника Нокс и озорно подмигнул. – Нынче – повстанец и самый надежный гонец господина Дарро.

Что ж, опытному вору было нетрудно превратиться в расторопного гонца. Видно, ему здорово пригодились умение незаметно появляться и столь же незаметно исчезать.

Но Эдиона не интересовали прежние занятия Нокса.

– Думаю, сегодня ты уже никуда не поедешь.

Нокс покачал головой. Эдион вздохнул:

– А понимает ли Дарро, что солдаты крайне устали? Пусть мы и победили, победа далась нам нелегко. Это он способен понять?

– Уверен, что способен, – ответил Нокс, выгибая темные брови, словно удивляясь столь очевидным вещам.

– Тогда передай Дарро, что он сам может к нам приехать, – вмешался в разговор Равэн. – Незачем гнать армию ради встречи с ним.

– Совещание не более чем предлог, – тихо сказал Соэл.

Эдион кивнул. Слова старшего брата не убедили Равэна. Видя его наморщенный лоб, Соэл пояснил:

– Дарро хочет убедиться, что мы не...

Соэл оборвал фразу, сообразив, что бывший перрантский вор по-прежнему находится в шатре и все слышит. Нокс лишь улыбнулся. Похоже, он и так догадался.

Дарро требовалось убедиться, что отсюда Эдион не двинется на юг. Старый лис заранее перекрыл им дорогу своим приказом.

Равэн сердито заворчал. Смысл слов брата наконец дошел и до него.

Эдион и Рен переглянулись. Ручейник-младший хмуро кивнул.

– А ты, Нокс Оэн, выбирай себе место у костра и отдыхай, – сказал гонцу Эдион. – Завтра на рассвете мы отправимся выполнять приказ Дарро.

Эдион вышел. Нужно было разыскать Киллиана и передать ему приказ. Беспорядочно разбросанные шатры были набиты усталыми солдатами. Там же находились и раненые. Многие стонали.

Эдион пожимал им руки, похлопывал по плечу, произносил ободряющие слова. Кто-то из раненых переживет эту ночь. Увы, тех, кто не увидит рассвета, было больше.

Остановливался он и у костров. Хвалил солдат за мужество и умение, не разбирая, где свои, а где воины Вендалина и Западного края. С несколькими он даже пригубил эля и разделил трапезу.

Когда-то Роэс научил его искусству так располагать к себе солдат, чтобы те пошли за ним куда угодно, чтобы были готовы умереть за него. Отец Аэлины учил Эдиона видеть в солдатах не безропотных подчиненных, а людей, у которых тоже есть родные и друзья и кто не меньше, чем он, рискует на поле сражения. Преодолевая усталость, он ходил между кострами, не устая благодарить победителей, – этой обязанностью Эдион никогда не тяготился.

Но времени на это он потратил достаточно. Когда Эдион подходил к шатру Киллиана, солнце успело зайти и на грязный, перемешанный с землей снег легли густые тени.

По пути его успел заметить и похлопать по плечу Эльгар – один из командиров легиона Беспощадных.

– Ну что, щенок, для первого дня недурно, – заявил Эльгар с мрачноватой улыбкой на сером от грязи лице.

Щенком он прозвал Эдиона с первых дней, едва тот появился в легионе Беспощадных. Эдион тогда чувствовал себя принцем, лишившимся королевства. Эльгар сразу отнесся к нему по-иному: как к воину, защищающему это королевство. Многим из своего боевого опыта Эдион был обязан Эльгару. И не только опытом. Не счесть моментов, когда смекалка и быстрый меч Эльгара спасали жизнь Эдиону Ашеру.

– Для деда ты сражался отлично, – улыбнулся пожилому воину Эдион.

В начале года дочь Эльгара родила сына.

– Хотел бы я посмотреть, парень, как ты будешь махать мечом, когда достигнешь моего возраста.

Сказав это, Эльгар направился к костру, где собрались такие же бывалые командиры. Заметив, что Эдион смотрит на них, они помахали кружками.

Надо бы к ним подойти, однако Эдиона подпирало время. Он ограничился приветственным кивком и пошел дальше.

– Эдион, стой!

Этот голос он слышал бы среди любого гула.

Из-за шатра вышла Лисандра. Как и все, она была в забрызганной грязью одежде, но успела вымыть лицо.

Эдион остановился, представив, как выглядит сам:

– Чего тебе?

– Я могу слетать к Дарро, – предложила Лисандра, не обращая внимания на его угрюмый тон. – Передам ему твое послание.

– Дарро требует вернуть армию в его лагерь, а затем двигаться к Оринфу. Завтра же, – нехотя бросил ей Эдион, продолжая идти к шатру Киллиана.

Лисандра пошла рядом.

– Говорю тебе, я могу отправиться к Дарро. Расскажу ему, каким тяжелым было сражение. Объясню, что армия нуждается в отдыхе.

– Пытаешься вернуть мое расположение?

Эдион слишком устал, просто дико устал, чтобы облекать правду в более учтивые фразы.

Холод в изумрудных глазах Лисандры был под стать зимнему вечеру.

– Меня не заботит твое расположение. Меня заботит состояние армии, которая еще сильнее устанет от этого бессмысленного перехода.

– Откуда тебе вообще известно, о чем говорилось в штабном шатре?

Мог бы и не спрашивать. Эдион сам догадался: обернулась мышью или другой мелкой зверюшкой и незаметно пробралась в шатер. Потому-то оборотней выслеживали и убивали почти во всех королевствах. Из оборотней получались непревзойденные шпионы и ассасины.

– Если хочешь, чтобы меня не было на твоих военных советах, так и скажи.

Лицо Лисандры было усталым, как и походка. Золотистая кожа побледнела. Глаза смотрели не на него, а мимо. Эдион не знал, какое место ей отвели в лагере и есть ли у нее отдельный шатер.

На мгновение ему стало совестно.

– Когда именно наша королева должна вернуться в Оринф?

Губы Лисандры были плотно сжаты. Эдион ждал ответа.

– Нынче вечером, если ты считаешь это разумным.

– Пропустить сражение и появиться лишь затем, чтобы погреться в лучах победы? Такое поведение едва ли воодушевит войска.

– Тогда скажи – где и когда, и я это устрою.

– Никак ты готова столь же слепо повиноваться мне, как повиновалась нашей королеве?

– Я не повинуюсь никому из мужчин, – прорычала Лисандра. – Но я не настолько глупа, чтобы думать, будто знаю о войне и солдатах больше, чем ты. Мою гордость не так-то легко задеть.

– А мою, значит, легко? – спросил Эдион, намереваясь идти дальше.

– Все, что я делала, делалось для Аэлины и Террасена. Посмотри на своих солдат и командиров, на союзников, примкнувших к нам, и скажи: если бы они знали правду, они сражались бы с тем же рвением?

– Легион Беспощадных сражался, даже когда мы считали Аэлину погибшей. Едва ли что-нибудь изменилось бы.

– Это для воинов легиона. А для наших союзников? Для жителей Террасена? Давай, наказывай меня до конца своей жизни. Тысячу лет подряд, если сумеешь пройти Преображение.

Учитывая, что его отцом был Гарель, Преображение выглядело вполне реальным. Но Эдион старался не думать об этом. С фэйской знатью и фэйскими солдатами он общался лишь по необходимости. Да и они не искали его общества. Он знал: фэйцы презирают полукровок. Но на него никто не смотрел с презрением. Похоже, союзников не волновало, какая кровь течет в его жилах, пока его стараниями они сами были живы.

– Нам и так хватает врагов, – продолжала Лисандра. – Но если ты всерьез решил добавить к их числу и меня, изволь. Я не жалею и никогда не буду жалеть о том, что сделала.

– Отлично, – буркнул Эдион, не придумав другого ответа.

Лисандра смерила его цепким взглядом, словно оценивая мужчину внутри созданного им панциря.

– Эдион, это было настоящим, – сказала она. – Всё. Меня не волнует, веришь ты мне или нет. Но для меня это было настоящим.

Эдион стало невмоготу слушать ее слова.

– Меня ждет совещание, – соврал он, обходя ее. – Сделай одолжение: не пробирайся в этот шатер.

В глазах Лисандры всего на мгновение мелькнула боль, которую она тут же спрятала. Редкостный придурок, какие не встречались ей даже среди рафтхольской знати.

Эдион, не оглядываясь, направился к шатру Киллиана. Лисандра не пошла за ним.

Какая же она дура!

Надо быть конченой душой, чтобы вообще затеять с ним этот разговор, а затем остаться с болью и пустотой внутри.

Ей хватило достоинства не просить. Не смотреть, как Эдион войдет в шатер Киллиана, и не гадать, надо ли ему действительно посоветоваться или просто напомнить себе, что и после сегодняшней бойни жизнь продолжается. Возможно, он просто убежал от ее пылающих глаз.

Лисандра побрела к прекрасному шатру, который ей великодушно предложил Соэл из Сурии. Шатер стоял рядом с его собственным. Добрый, на редкость умный мужчина, которого не интересовали женщины. А вот его младший брат Равэн смотрел на нее во все глаза. Многие мужчины смотрели на нее так. Но и он держался на почтительном расстоянии и, говоря с нею, смотрел в лицо, а не на грудь. Поэтому Равэн ей тоже понравился, и она не возражала соседствовать с братьями.

Ее уважали. Когда-то ей приходилось заползать в постели аристократов, с улыбкой выполнять их прихоти. Теперь она сражалась бок о бок с террасенской знатью. Она стала одной из них. Ровней Рену Ручейнику и братьям из Сурии. А Дарро может плевать на нее сколько угодно.

В иное время эти мысли обрадовали бы Лисандру, согрели бы ей душу. Но сегодня она чудовищно устала, и путь до своего шатра казался бесконечным. Да и Эдион, чего греха таить, умел погладить против шерсти.

Каждый шаг давался ей с трудом. Под сапогами хлюпала взбаламученная глина.

Лисандра свернула в подобие переулочка, по обе стороны которого стояли шатры. Над ними развевались знамена. Белый олень на изумрудном фоне – символ легиона Беспощадных. Две серебристые рыбы над бирюзовыми волнами принадлежали Сурианскому герцогству. Протопать еще с полсотни локтей – и она плюхнет на койку. Солдаты знали, кто она такая и на что способна. Многие, завидев ее, отводили взгляд. Иные провожали ее глазами. Но никто не смел окликнуть ее так, как те мужчины в Рафтхоле.

Лисандра ввалилась в шатер, облегченно вздохнула и задернула полог. Последние шаги до койки она шла с закрытыми глазами.

Она провалилась в холодный, пустой сон, даже не вспомнив, что нужно снять сапоги.

Глава 11

Сердце Шаола колотилось. Он оперся о стол в корабельной каюте, все эти недели служившей домом ему и Ириане. На столе лежала карта, принесенная Сартакком и Несариной.

– Вы уверены? – спросил он обоих.

– Допрошенные солдаты выдали нам место встречи, – ответил Сартак, стоявший по другую сторону стола. Он по-прежнему был в доспехах руккина. – Они сильно отстали от других, и потому им было сообщено, куда двигаться.

Шаол поскреб подбородок.

– Вы сумели прикинуть численность этой армии?

– Где-то тысяч десять, – ответила стоявшая у стены Несарина. – И никаких признаков Железнодорожных ведьм. Только пехотинцы и примерно тысяча конников.

– Вы оценивали их с воздуха, – возразила принцесса Хасара, теребя конец своей длинной черной косы. – Попробуй узнай, кто еще прячется среди пехотинцев?

Она имела в виду валгских демонов. Из всех детей хагана на Хасару особенно сильно подействовало то, что валгский демон завладел телом ее сестры Дувы и убил другую сестру – юную Тумелуну. Принцесса отправилась к берегам Эрилеи, намереваясь лично отомстить за сестер и сделать так, чтобы этот кошмар не повторился. Шаол был бы не прочь взглянуть, как Хасара разрывает в клочья валгских принцев и принцесс. Если, конечно, они доживут до этого зрелища.

– Никаких других сведений вытрясти из солдат мы не могли, – признался Сартак. – Только направление.

Ириана, стоявшая возле Шаола, взяла его за руку. Их пальцы переплелись, и только сейчас, почувствовав тепло руки Ирианы, он понял, насколько холодна его собственная. У него дрожали пальцы, потому что...

Потому что вражеская армия двигалась сейчас на северо-запад, а это означало... Аньель.

– Твой отец не склонился перед Моратом, – сказала Хасара, перекидывая тяжелую косу через плечо. – Должно быть, это сильно обозлило Эравана, раз он решил послать туда целую армию.

Шаол сглотнул пересохшим горлом.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Эраван уже дотла разрушил Рафтхол. – Палец Шаола уткнулся в кружок, обозначавший адарланскую столицу, и двинулся вдоль реки Авери. – Моратские силы завладели большей частью реки. Почему бы не отправить в Аньель легион ведьм? Почему бы не послать корабли вверх по Авери? Зачем гнать туда армию, которую потом придется возвращать на побережье?

– Чтобы расчистить путь остальным его силам, – ответила Ириана. – И посеять как можно больше ужаса.

– Особенно в Террасене, – выдохнул Шаол. – Эравану важно, чтобы в Террасене знали о его продвижении. Захват Аньеля – еще и послание: смотрите, сколько у меня войск, если я свободно могу отправить десять тысяч на расправу с одним только городом.

– У Аньеля есть своя армия? – спросил Сартак, продолжая рассматривать карту.

Шаол выпрямился. Пальцы сжались в кулак, словно это могло побороть ужас, грызущий его изнутри. Спешить. Им нужно спешить.

– Есть, но с десятью тысячами вражеских солдат ей не справиться. Крепость способна какое-то время выдерживать осаду, однако все население укрыться там не сможет.

Только те немногие, кого пустит его отец.

В каюте стало тихо. Шаол знал: соратники ждут, когда он вслух произнесет вопрос, вертевшийся на языке у всех.

– Стоит ли нашим войскам высаживаться здесь и идти на спасение Аньеля? – спросил он, ненавидя себя за это.

Путь по Авери для них недостижим, ибо Рафтхол находится почти у самого устья. Это вынуждало искать обходной путь по суше. Пересекать равнины, переправляться через реку Акант, углубляться в дебри Задубелого леса, а оттуда двигаться к отрогам Белоклычих гор. Если ехать туда верхом, потратишь много дней. У пехотинцев дорога отнимет еще больше времени.

– Возможно, когда мы туда доберемся, спасти уже будет нечего и некого, – сказала Хасара.

Чувствовалось, эта принцесса с суровым лицом тщательно подбирала слова. В Антике она обычно рубила сплеча. Но какими словами это ни вырази, смысл не изменится: над Аньелем нависла смертельная угроза. Шаол едва удержался, чтобы не сказать: «Потому и нужно выступить немедленно».

– Если в южной части Адарлана нам не высадиться, надо сделать это вблизи Мэа. – Хасара указала на портовый городок в северной части королевства. – Двигаться вдоль границы на перехват этой армии.

– Тогда уж лучше плыть прямо в Террасен и подняться по Флуруну до самого Оринфа, – высказал свою мысль Сартак.

– Мы даже не знаем, в чьих руках сейчас Оринф, – возразила Несарина.

Ее голос звучал спокойно, даже отстраненно. В чем-то она осталась прежней Несариной, что несколько месяцев назад приплыла с Шаолом на Южный континент, а в чем-то разительно изменилась.

– Не исключено, что Мэа тоже захвачен моратскими войсками, а Террасен осажден. Отправить туда наших воздушных разведчиков? Опять-таки мы впустую потратим драгоценные дни... если разведчики вообще вернутся.

Шаол вдохнул поглубже, приказав себе успокоиться. Где сейчас может находиться Дорин? Отправился ли король вместе с Аэлиной в Террасен? Этого солдаты, допрошенные Несариной и Сартаком, не знали. Что выбрал бы сам король, друг его детства? Шаол почти слышал, как Дорин распекает его за промедление и приказывает прекратить бесплодные вопросы о местонахождении адарланского короля и спешно двигаться на Аньель.

– Аньель находится неподалеку от Ферианской впадины, – напомнила Хасара. – Ущелье вовсю охраняется Моратом. Это гнездо Железозубых ведьм и их жутких драконов. Забравшись вглубь континента, мы рискуем столкнуться не только с моратской армией, идущей к Аньелю, но еще и с выводком ведьм.

Хасара выдержала пристальный взгляд Шаола и, уже не подбирая слов, спросила:

– Спасение Аньеля даст нам какие-то преимущества в борьбе с Эраваном?

– Это родной город Шаола, – тихо, но твердо сказала Ириана, не испытывая прежней робости в присутствии старшей дочери хагана. – По-моему, достаточное основание, чтобы отправиться на выручку Аньелю.

Шаол молча сжал ей руку, благодаря за поддержку. Дорин сказал бы то же самое.

Сартак опять уткнулся в карту.

– Интересная река эта Авери, – сказал он, водя пальцем по пергаменту. – У нее два рукава. Первый вытекает из Серебряного озера. А вот второй течет с севера. Мимо Ферианской впадины, вдоль Руннских гор. Исток второго рукава находится почти у самой границы с Террасеном.

– Я тоже умею читать карту, братец, – прорычала Хасара.

Сартак пропустил ее колкость мимо ушей. Он смотрел сейчас на Шаола, в чьих глазах мелькнула искорка надежды.

– До Аньеля мы будем держаться подальше от берегов Авери и двигаться вглубь суши. А когда отстоим город, двинемся к месту слияния и оттуда на север.

Несарина, до сих пор подпиравшая стену, подошла к принцу:

– Предлагаешь навестить Ферианскую впадину? Тогда нам не избежать встречи с ведьмами.

– У них – драконы, у нас – рукки, – улыбнулся Сартак.

Хасара склонилась над картой.

– Если мы выбьем всю нечисть из Ферианской впадины, можно будет двигаться по суше к Террасену... А наша армада? – спохватилась она.

– Корабли будут дожидаться подхода флота Кашана, – сказал Сартак. – Мы возьмем пехотинцев, дарганских конников и руккинов. Те, кто останется на кораблях, встретят вторую часть нашей армии и сообщат, где нас искать.

Шаолу немного полегчало. Надежда появилась не только в глазах, но и в сердце.

– Даже если высадиться сегодня, мы отстанем от вражеской армии на неделю, если не больше, – сказала Несарина.

Она была права. Им не опередить сил Мората, движущихся на Аньель. А любая задержка могла стоить потерянных жизней.

– Нужно предупредить Аньель, – сказал Шаол. – Они и не подозревают, что на них идет десяти тысячная армия. Предупредить и дать время подготовиться.

Сартак кивнул.

– Я долечу туда за несколько дней.

– Нет, – возразил Шаол, насторожив Ириану. – Дай мне рукка и всадника, и я полечу сам. А вы готовьте руккинов к вылету. Желательно завтра. Самое крайнее – послезавтра.

Он повернулся к Хасаре:

– Пусть корабли причаливают к здешнему берегу и войска незамедлительно готовятся к походу на Аньель. Чем быстрее они выступят, тем лучше.

Ириана не скрывала своих опасений. Она представляла, какой прием ждал Шаола в Аньеле. Возвращение в родной город вообще не входило в его замыслы, особенно при таких обстоятельствах.

– Я полечу с тобой, – заявила она мужу.

Шаол вновь стиснул ее руку, словно говоря: «Я ничуть не удивлен твоим решением».

Ириана ответила тем же. Сартак и Хасара одобрительно кивнули. Несарина вроде собралась возразить, но затем и она кивнула.

Они вылетят этим вечером, под покровом темноты. С поисками Дорина вновь придется обождать. Ириана жевала губу, раздумывая, что необходимо взять с собой и как объяснить целительницам необходимость ее спешного отлета.

Шаол молил богов, чтобы они с Ирианой долетели как можно быстрее и чтобы у него нашлись слова для отца, отношения с которым он, по сути, разорвал вместе с клятвой. А что он скажет матери и младшему брату, успевшему вырасти? Как объяснит, почему тогда отринул наследное право, выбрав Дорина?

И еще один момент: выйдя за него, Ириана стала госпожой Эстфол не только по имени, но и по принадлежности к знати. Ее полный титул был «госпожа управительница». Выдержит ли он сам, если к нему будут обращаться «господин управитель»? Шаол мысленно усмехнулся: о каких пустяках он думает, когда Аньелю грозит такая беда!

Как будто титулы и родословные могли спасти город!

Сартак опустил руку на эфес меча.

– Постарайся продержаться, господин Эстфол. Руккины явятся в Аньель через день-другой после тебя, а пехотинцы – через неделю.

– Спасибо, – ответил Шаол, пожимая руки Сартаку и Хасаре.

– Благодарить будешь, если мы спасем твой город, – съязвила Хасара.

Глава 12

Ради этого она отдала все и радовалась, что так поступила.

Аэлина лежала в темноте. Железная крышка над головой напоминала ночь без звезд. Проснувшись в железном ящике, она поняла, что лежит... уже давно. Судя по мокрой спине, тело устало ждать, когда откроют крышку, и опорожнилось внутрь ящика. Плевать.

Возможно, все ее действия были напрасными. Обетованная королева... красивая сказка.

Королева, пообещавшая умереть, отдать себя на закляние ради выплаты долга одной древней принцессы и спасения этого мира.

Она не сможет этого сделать, даже если пока ей и удастся выдерживать плен у Маэвы. Даже если ей приоткрылось то, что Маэва тщательно прячет от всех. А вдруг и это ей привиделось?

У них мало надежд победить Эравана. Победить Маэву... еще меньше.

Слезы катились по щекам, скрытым железной маской. Что толку от этих слез? Плачь не плачь, ей не вырваться из этого места. Из этого ящика.

Никогда ее волосы не ощутят ласкового теплого солнца, а щеки – прикосновения ветра, пахнущего морем.

Слезы текли безостановочно, не подчиняясь ее воле. Словно плотина прорвалась у нее внутри, когда она увидела струйку крови, стекающую по щеке Маэвы.

Пусть Кэрн видит ее слезы, пусть нюхает их.

Пусть ломает ее, пока она не превратится в окровавленный кусок мяса на полу. Пусть он снова и снова повторяет свои истязания.

Она не станет сопротивляться. Ее силы на сопротивление кончились.

Застонала открывшаяся и закрывшаяся дверь. Послышались крадущиеся шаги. Потом удар кулаком по крышке железного гроба.

– Как насчет того, чтобы полежать в темноте еще несколько дней?

Жаль, что она не могла с головой завернуться в эту темноту.

Кэрн велел Фенрису справиться нужду и возвращаться. В помещении стало тихо. Затем послышалось негромкое царапанье по крышке. Казалось, Кэрн водил по ней кинжалом.

– Я вот тут думаю, как тебе отплатить, когда открою крышку.

Аэлина заставила себя не прислушиваться к его словам. Она просто смотрела в темноту. Боги, как же она устала! Чудовищно устала.

Она делала это во имя Террасена. С радостью. Все ее сопротивление было во имя Террасена. Пришло время отдавать долг – не долг древней королевы, а ее собственный.

Она пыталась спасти родное королевство, спасти континент. Пыталась – и потерпела неудачу. И невероятно устала.

«Огненное сердце».

Эти слова прошлестели во тьме вечной ночи вспышкой света, едва слышимым звуком.

«Огненное сердце».

Слова эти произнес женский голос, нежный и любящий. Голос ее матери.

Аэлина отвернулась. Даже это движение потребовало громадных усилий.

«Огненное сердце, почему ты плачешь?»

Аэлина не могла ответить.

«Огненное сердце».

Эти звуки были похожи на нежное прикосновение к щеке. «Огненное сердце, почему ты плачешь?»

Где-то далеко отсюда, глубоко внутри, Аэлина ответила этому лучику памяти: «Потому что я заблудилась. Я не знаю дороги».

Кэрн продолжал говорить и царапать кинжалом крышку железного гроба.

Но Аэлина не слушала его. Рядом с нею лежала женщина. Лицо женщины было зеркальным отражением ее лица, каким оно станет через несколько лет... если она доживет до того возраста.

Время, взятое взаймы. Каждое мгновение было взято взаймы.

Пальцы Эвалины Ашерир провели по щеке Аэлины. По маске, под которой скрывалась щека.

Аэлина могла поклясться, что даже сквозь маску чувствует нежность материнских пальцев.

«Ты была очень храброй, – сказала мать. – Ты столько лет подряд была очень храброй».

Аэлине было не побороть беззвучных рыданий, поднимавшихся в горле.

«Тебе нужно сохранить эту храбрость еще на какое-то время. Еще немного, мое Огненное сердце».

Аэлина прижалась к матери.

«Тебе нужно сохранить эту храбрость еще на какое-то время и помнить...»

Призрачная рука матери коснулась сердца Аэлины.

«Сила твоего сердца – это главное. Не важно, где ты, пусть даже за тридевять земель... сила твоего сердца приведет тебя домой».

Аэлине удалось поднять руку и положить поверх материнской. Тонкая ткань и железо. Ее кожа чувствовала только их.

Но Эвалина Ашерир пристально смотрела в глаза дочери. Нежность материнского взгляда сменилась твердостью. Глаза матери сверкали, как расплавленная сталь. «Аэлина, сила твоего сердца – это главное».

Аэлина прижала пальцы к груди и прошептала: «Сила моего сердца».

Эвалина кивнула.

Снаружи доносились угрозы Кэрна. Его кинжал неумоимо царапал крышку.

В лице Эвалины не дрогнул ни один мускул. «Ты – моя дочь. Твое рождение соединило две могущественные династии. Их сила течет через тебя. Живет в тебе».

Лицо Эвалины пылало неукротимостью, такой же, как у их предков по женской линии вплоть до фэйской королевы, чьи глаза они обе унаследовали.

«Ты не поддашься».

Затем Эвалина исчезла, как исчезает роса на утреннем солнце.

Но ее слова остались. Они расцветали внутри Аэлины, яркие, как раздуваемый уголек.

«Ты не поддашься».

Кинжал Кэрна царапал железо прямо у нее над головой.

– Когда я снова начну тебя потрошить, сука, сделаю...

Кулак Аэлины ударил по крышке.

Кэрн умолк.

Аэлина снова ударила по железу. Потом еще.

«Ты не поддашься».

И еще.

«Ты не поддашься».

И еще. И еще.

Аэлина колотила по крышке, пока из отбитой руки на лицо не хлынула кровь, смывая слезы. Пока каждый удар кулака по железу не превратился в боевой клич.

«Ты не поддашься».

«Ты не поддашься».

«Ты не поддашься».

Кипящая ярость клокотала в ней, и Аэлина целиком растворилась в ней. Откуда-то донесся треск сломанной древесины, будто кто-то налетел на дверной косяк. Потом раздался крик.

Аэлина молотила кулаком по крышке, а песня внутри ее вздымалась и опадала, словно приливная волна, накатывающая на берег.

– Давайте сюда эту чертову глориеллу!

Эти слова ничего не значили. И Кэрн ничего не значил. Был и останется пустым местом.

Аэлина продолжала неумолимо бить по железной крышке. Снова и снова песня огня и тьмы пронизывала ее и неслась наружу, в мир.

«Ты не поддашься».

Поблизости что-то зашипело и затрещало. Внутри железного ящика через потайные отверстия повалил дым.

Но Аэлина продолжала наносить удар за ударом. Била по железу, пока не задохнулась от дыма, пока его сладковатый запах не унес ее за пределы сознания.

Очнулась она прикованной к алтарю. Повернув голову, увидела, во что превратила крышку железного гроба.

Верхняя часть крышки сильно покоробилась. Появился большой бугор. Металл в этом месте растянулся. Казалось, еще немного – и Аэлина проломила бы ее.

Рован неподвижно стоял на вершине темного холма, глядя на спящее королевство.

Его спутники уже одолели половину спуска, ведя лошадей под уздцы по склону. Холм служил границей, за которой начинались засушливые равнины Аккадии.

Поводья выскользнули из руки Рована.

Должно быть, ему почудилось.

Он вглядывался в звездное небо, в спящие пространства. Над головой сиял Повелитель Севера.

Через мгновение его слуха достиг первый звук удара – взорвал окружающую тишину и загрохотал.

Потом удары пошли чередой – словно молотом били по наковальне.

Спутники Рована стремительно повернулись к нему.

Яростная огненная песня стала ближе, пронизывая его насквозь.

Она звучала по ожившей связующей цепи, эхом отзываясь у него в душе.

Яростная, бунтарская песня.

– Рован... – хрипло позвал его снизу Лоркан.

Такое было невозможно, совершенно невозможно, и тем не менее...

– Север, – сказал Гарель, поворачивая своего гнедого жеребца. – Волна идет с севера.

Из Доранеллы.

Маяк в ночи. Сила, врывающаяся в мир, как тогда, в Бухте Черепов.

Сила наполнила Рована звуком, огнем и светом, крича ему снова и снова: «Я жива! Я жива! Я жива!»

А потом – тишина, словно песню оборвали. Погасили.

Рован отказывался думать о причинах. Их связующая нить сохранилась. Туго натянутая, но целая.

И тогда Рован отправил свое послание, в котором было столько же ярости, надежды и неослабевающей любви, что и в послании Аэлины. «Я найду тебя».

Ответа не было. Только слабый гул темноты. Над головой сверкал Повелитель Севера, указывая путь на север. К ней.

Спутники Рована ждали его распоряжений.

Он открыл рот, готовый заговорить, но помедлил. Задумался.

– Нужно куда-то выманить Маэву. Подальше от Аэлины. – Голос Рована гремел над сонным стрекотанием насекомых в траве. – Выманить на такой срок, чтобы мы сумели проникнуть в Доранеллу.

Даже если сложить его силу с силой Гареля и Лоркана, им все равно не одолеть Маэву.

– Не забывай, она способна почуять наше появление, – возразил Лоркан. – И тогда она уклонится от встречи с нами, зато перепрычет Аэлину. Что-что, а глупость Маэве не присуща.

Рован посмотрел на Элиду. Глаза уроженки Перранта были широко раскрыты.

– Знаю, – сказал он.

В его мозгу начал складываться замысел, столь же холодный и безжалостный, как магическая сила в его жилах.

– Я знаю, как мы выманю Маэву.

Глава 13

Паучиха сказала правду.

Прячась за обледелыми скалами зубчатой горной вершины, Манона и ведьмы отряда Тринадцати смотрели на узкий перевал внизу. На лагерь ведьм в красных плащах. Час назад Тени подтвердили его существование.

Обернувшись через плечо, Манона посмотрела на Дорина. Он почти сливался с окружающим снегом. Рядом с адарланским королем находилась паучиха в ее человеческом облике.

Бездонные глаза существа, назвавшегося Киреной, встретились с глазами ведьмы. В них Манона увидела нескрываемое торжество.

Прекрасно. Пока что Кирена, или как бы она там себя ни называла, останется жить. Куда это их приведет – будет видно. Возможно, прямо к ужасам Мората, о которых рассказывала паучиха.

Манона отбросила мысли о будущем. Потом. Она взглянула на темнеющее синее небо. Когда несколько часов назад она забралась в седло Аброхаса и улетела, никто из соратниц не спросил куда. Не спрашивали ее и сейчас. Все молча смотрели на лагерь своих давних заклятых врагов.

– Я насчитала семьдесят пять, – негромко сообщила Астерина, продолжая наблюдать за оживленным лагерьем. – И чего их занесло в такую дыру?

Этого Манона не знала. И ее Тени – непревзойденные разведчицы – тоже не сумели раз-
узнать.

В лагере горели костры. Небольшие, как было принято у крошанских ведьм. Вокруг стояли шатры. Не проходило минуты, чтобы кто-то из крошанок не поднимался в воздух или не приземлялся. Они по-прежнему летали на метлах. У Маноны заколотилось сердце.

Крошанки. Вторая половина ее наследия.

– Готовы двинуться по твоей команде, – сказала Соррель, слегка подтолкнув Манону локтем.

Манона глубоко вдохнула, пожелав, чтобы ветер, в котором кружились редкие снежинки, охлаждал ее пыл во время встречи. И потом, чем бы эта встреча ни кончилась.

– Ногти и зубы в ход не пускать! – приказала Манона. Она еще раз оглянулась на короля и паучиху. – Можешь оставаться здесь, – бросила она Дорину.

– И пропустить захватывающее зрелище? – лениво улыбнулся Дорин.

Манона заметила блеск в его глазах. Понимание чего-то, что было ведомо только ему. Возможно, мысли о скорой встрече не с давними врагами Маноны, а с потенциальными союзниками.

– Мы пойдем с вами, – заявил Дорин.

Манона лишь кивнула и встала. Остальные ведьмы последовали ее примеру.

Через несколько минут лагерь крошанок наполнился тревожными криками. Манона летела с поднятыми руками, не опустила их и сейчас, когда Аброхас приземлился на краю лагеря крошанок. Следом сели остальные драконы. Дорин и паучиха летели с Вастой.

Лагерь оцетинился копьями, стрелами и мечами.

Из-за возникшей линии обороны вышла темноволосая ведьма с тонким кинжалом. Ее глаза были устремлены на Манону.

Крошанки. Подданные Маноны Черноклювой.

Пора было произнести заготовленные слова. Самый подходящий момент. Высказать то, что держала в душе.

Астерина поглядела на нее. «Ну говори же!»

Однако губы Маноны оставались сомкнутыми.

Карие глаза темноволосой крошанки по-прежнему смотрели только на Манону. За ее спиной виднелся отполированный до блеска деревянный посох. Точнее, ручка метлы с позолоченными прутьями. Ветер развеивал красный плащ.

Все это говорило о высоком положении, занимаемом ведьмой в крошанской иерархии. Большинство крошанок покрывали прутья своих метел серебром и медью. Самые бедные просто связывали веревками.

– Интересную замену нашли вы своим прежним метлам из железного дерева, – сказала крошанка.

Лица ее соплеменниц были столь же каменными, как и у ведьм отряда Тринадцати. Крошанка заметила Дорина, сидящего на драконе Васты. И не только. Ее цепкий, пронизательный взгляд успел охватить всех.

– И интересные союзники у вас появились. – Крошанка улыбнулась одними губами. – Видно, Черноклювая, плохи дела у твоих соплеменниц, раз нынче даже со смертными якшались.

Астерина зарычала.

Но крошанка верно распознала их клан. Учужа она и паучиху. Карие глаза сощурились.

– И не только со смертными. М-да, диковинные у вас союзники.

– Мы не причиним вам вреда, – наконец произнесла Манона.

– Неужто от Белой Демонессы больше не исходят угрозы? – фыркнула крошанская ведьма.

Оказывается, она знала не только к какому клану принадлежат непрошеные гости, но и кто они такие, включая Манону.

– Значит, слухи оказались верными? Ты и впрямь порвала со своей бабушкой?

Ведьма смерила Манону дерзким взглядом – такой дерзости Манона не позволяла своим врагам.

– Слухи утверждали, что бабушка смертельно ранила тебя. И вдруг ты являешься сюда: живая, здоровая, готовая снова выслеживать и убивать нас. Значит, слухи оказались враньем.

– Она действительно порвала с бабушкой, – вмешался Дорин.

Он слез с драконьей спины и теперь осторожно шел к Маноне. Крошанки напряглись, но не попытались атаковать.

– Несколько месяцев назад я выловил ее в море. Тогда она была на пороге смерти. Я собственными глазами видел куски железа, которые мои друзья вытаскивали из ее живота.

Крошанка явно заметила не только внешнюю красоту и плавность речи Дорина, но и магическую силу, исходящую от него. Возможно, почужа странные предметы в его кармане.

– А ты кто такой будешь?

Дорин наградил ведьму одной из своих самых обаятельных улыбок и слегка поклонился:

– Дорин Хавильяр, к вашим услугам.

– Король, – пробормотала какая-то крошанка, стоявшая поблизости.

– Вот-вот. Король, – подмигнул ей Дорин.

Предводительница шабаша внимательно посмотрела на него. На Манону. На паучиху.

– Здесь понадобятся более пространные объяснения.

Манону так и подмывало дернуть со спины Рассекатель Ветра.

– Вот уже два месяца, как мы разыскиваем вас, – продолжал Дорин; от его слов крошанки снова напряглись. – Не скуки ради и не затем, чтобы причинить вам зло, – пояснил он.

«Ишь как складно говорит, мерзавец», – подумала Манона.

– Мы вас искали, чтобы обсудить положение дел между нашими народами.

Крошанки переминались с ноги на ногу. Наст хрустел под их сапогами.

– Между Адарланом и нами или между Черноклювыми и нами? – спросила предводительница.

Теперь и Манона покинула седло. Аброхас тревожно запыхтел, поглядывая на сверкающее оружие крошанок.

– Между всеми нами, – с заметным напряжением пояснила Манона. – Они вас не тронут, – добавила она, указав на драконов. Не тронут, пока она не отдаст приказ. А тогда откусанные головы крошанок упадут на снег раньше, чем те успеют схватиться за мечи. – Можете опустить оружие.

– Чтобы потом о нас вспоминали как о дурочках, поверивших вам? – засмеялась какая-то крошанка. – Нет уж. У нас своя голова на плечах.

Предводительница сердито посмотрела на смазливую крепенькую ведьмочку с каштановыми волосами. Та пожала плечами и нарочито громко вздохнула.

– Оружие мы опустим не раньше, чем нам прикажут, – заявила Маноне предводительница.

– Кто прикажет? – поинтересовался Дорин, разглядывая их ряды.

Пожалуй, Маноне пора объявить, кто она такая и зачем явилась сюда со своим отрядом.

– Она, – ответила королю предводительница, указывая вглубь лагеря.

Крошанки, летающие на метлах. С вершины горы они казались Дорину сказочными существами. Но сейчас, когда они были вокруг него... Это вовсе не выдумка, не миф. Перед ним были грозные воительницы, в глазах которых светилось нескрываемое желание прикончить его, паучиху и всех Черноклювых ведьм.

Повсюду мелькали кроваво-красные плащи, резко выделяясь на фоне снега и серых гор. Многие крошанки выглядели столь же молодо и привлекательно, как ведьмы отряда Маноны. Однако среди них встречались ведьмы постарше и даже старухи. Дорин не представлял, сколько сотен лет прожили ведьмы, приобретшие старческий облик. Но в том, что даже они с легкостью оборвали бы его жизнь, король не сомневался.

Предводительница указала в сторону шатров, поставленных аккуратными рядами. Ведьмы расступились. Их мечи и метлы отражали заходящее солнце.

– Ну и ну! – послышался старческий голос.

Это на нее указывала предводительница. Ведьма не была согбенной, но седые волосы говорили об очень почтенном возрасте. Зато синие глаза были прозрачными, как горное озеро.

– Охотницы превратились в загнанных зверей.

Старуха остановилась возле переднего ряда соплеменниц, разглядывая Манону. Дорина удивила не столько мудрость на ее лице, сколько непривычная для ведьм доброта. И еще что-то, похожее на печаль. Однако это не помешало королю как бы невзначай опустить руку на эфес Дамариса.

– Мы разыскивали вас, чтобы поговорить. – Холодный, спокойный голос Маноны звучал в морозном воздухе, отражаясь от скал. – У нас нет намерения причинить вам зло.

Эфес Дамариса потеплел. Манона говорила правду.

– В этот раз нет, – пробормотала та же ведьмочка с каштановыми волосами.

Предводительница пихнула ее локтем в бок, требуя замолчать.

– Кто ты такая? – спросила старуху Манона. – Ты возглавляешь здешние шабаши?

– Меня зовут Гленнис. Моя семья служила крошанской королевской династии задолго до того, как наш город пал.

Глаза древней ведьмы заметили красный лоскут, вплетенный в косу Маноны.

– Вижу, Рианнона все-таки разыскала тебя.

Дорин помнил, как Манона рассказала соратницам правду о своем наследии и о том, кем была крошанская ведьма, которую она по приказанию бабушки убила на Омаге.

Золотистые глаза Маноны вспыхнули, но в ее лице ничего не дрогнуло.

– Рианноне не удалось выбраться из Феррианской впадины.

– Сука! – прошипела одна из крошанок, и остальные вторили ей.

– Так ты знала ее? – не обращая внимания на ропот, спросила Манона у Гленнис.

Ведьмы умолкли.

Старуха наклонила голову. Ее глаза вновь наполнились печалью. Дорину не требовалось подтверждение от Дамариса. Он и так знал, что услышит правду.

– Она была моей правнучкой.

Стало еще тише. Даже ветер утомился.

– Как и ты, – добавила Гленнис.

Глава 14

По приказу Гленнис – так называемой прабабушки Маноны – крошанки опустили оружие. Манона забросала ее вопросами, желая знать эту ветвь своей родословной, но старуха лишь махнула рукой, предложив следовать за нею.

Среди белых шатров горели костры. Ведьм, следящих за ними, было дюжины две, если не больше. Все они побросали работу и молча провожали взглядами Манону. Она впервые видела крошанок, занимающихся хозяйственными делами. Кто возился с кострами, кто носил воду, а кто помешивал в тяжелых котлах, где варилось мясо горных коз, приправленное сушеными травами.

Манона смотрела в настороженные лица крошанок. Все слова, какие она собиралась сказать, куда-то исчезли. Ведьмы отряда Тринадцати тоже молчали. Но не Дорин.

Король шел рядом с нею. От него веяло приятным теплом.

– А ты знала, что среди крошанок по-прежнему живет твоя родня? – тихо спросил он.

– Нет.

Во время их поединка бабушка умолчала об этом.

Манона сомневалась, что здешний лагерь был постоянным пристанищем крошанок. Разумеется, ей они ничего не скажут. Сама Манона вряд ли нашла бы их лагерь, умело замаскированный среди гор. Но ведь Кирена каким-то образом сумела его найти.

Возможно, выслеживая Манону по запаху. Запах отчасти выдавал ее родство с крошанками.

Паучиха шагала между Астериной и Соррелью. Дорин по-прежнему связывал ее своей магией, не испытывая при этом никакого напряжения. Однако правая рука короля лежала на эфесе меча.

Поймав суровый взгляд Маноны, Дорин убрал руку.

– Какую роль ты отведешь мне в разговоре? – поинтересовался он. – Молча слушать или оказывать поддержку?

– Мне достаточно поддержки Астерины.

– В таком случае кто я?

Насмешливый вопрос сопровождался странным ощущением. Маноне показалось, что невидимые руки Дорина гладят ее по спине.

– Ты – король Адарлана.

– Значит, я тоже буду участвовать в обсуждении?

– Если пожелаешь.

Уловив его нарастающее недовольство, Манона спрятала ухмылку.

Голос Дорина превратился в тихое мурлыканье:

– А знаешь, что я сейчас подумываю сделать?

Манона недоверчиво покосилась на него. Дорин усмехался.

– Ты сейчас похожа на лошадь, которая вот-вот понесет, – сказал он, продолжая усмехаться. – Это лишь повредит переговорам.

Он пытался ее рассердить, чтобы она ослабила свою железную хватку.

– Они знают, кто ты, – продолжал Дорин. – Доказывать это незачем. Важно другое: согласятся ли они тебя признать.

На что он намекает? А-а, на то, что прабабушка может и не принадлежать к королевской ветви ее родословной.

– Они не похожи на тех, кого можно покорить жестокостью.

«Не похожи!» Он не знал и половины того, на что способны крошанки.

– Уж не собираешься ли ты давать мне советы? – раздраженно бросила Манона.

– Считай это дружеской подсказкой от короля королеве.

Хотя они были не одни и за каждым их шагом следили, Манона слегка улыbnулась.

Дальнейшие слова Дорина еще больше ее удивили.

– Еще с горы я держу их под прицелом своей магии. Одно неверное движение с их стороны, и от них даже воспоминания не останется.

Манона невольно поежилась. Голос Дорина был полон холодной жестокости.

– Нам нужен союз с ними, – шепнула она.

Все ее сегодняшние действия должны быть направлены на это.

– Тогда, ведьмочка, будем надеяться, что до крайностей не дойдет.

Манона открыла рот, собираясь ответить, но не успела. В темнеющем воздухе над лагерем резко запела труба, возвещающая об опасности. В небе, на фоне зажигающихся звезд, появились фигуры драконов. Хлопанье их могучих крыльев заглушало трубу.

Лагерь мгновенно пришел в движение. Дозорные, поднявшие тревогу, торопливо отдавали приказы. Ведьмы отряда Тринадцати окружили Манону и выхватили мечи.

Железнодорожные их нашли.

И намного быстрее, чем замышляла Манона.

Как разведывательному отряду Железнодорожных удалось их найти? Дорин мысленно перебрал возможные причины. Скорее всего, крошанок выдали костры.

Дорин приготовил свою магию к бою. Над лагерем зависли двадцать шесть драконов. Желтоногие. Два шабаша.

Старуха, назвавшаяся пробабушкой Маноны, принялась отдавать приказы. Крошанки безропотно подчинялись, взмывая на метлах в темное небо с луками и мечами в руках.

Вопросы будут потом, в том числе и о западне, подстроенной паучихой. Манона приказала соратницам занять оборону.

Быстрые, словно тени, ведьмы отряда Тринадцати бросились туда, где оставили драконов. Их железные зубы угрожающе поблескивали в отсветах костров.

Дорин подождал, когда вокруг станет свободнее, и обрушил свою магическую силу на драконов Желтоногих. Острые ледяные пики вонзались драконам в грудь и прорывали перепонки крыльев.

Подумав о Кирене, он несколько ослабил магические узы, сдерживавшие паучиху. Естественно, не настолько, чтобы она атаковала ведьм, но достаточно для возвращения в свое настоящее обличье, в каком она сможет постоять за себя. Вспышка света на другой стороне лагеря подсказала: Кирена не замедлила воспользоваться послаблением.

Допрашивать ее он будет потом.

Манона и ее соратницы, спешно поднявшись в воздух, устремились наперерез Желтоногим.

Какими же маленькими, ужасающе маленькими выглядели крошанки на фоне драконов! Их метлы казались жалкими пучками прутьев, зато отвага крошанских ведьм была несомненной. Они размахивали мечами, стреляли из луков и... мешали Дорину нанести магический удар. Крошанки так и сновали между драконами. Нескольких им удалось подбить, и те с ревом упали прямо в ущелье. Но остальные оставались в воздухе.

Гленнис подавала команды с земли. Большой лук в ее морщинистых руках был нацелен вверх.

Один дракон пролетел совсем низко. Его хвост, усеянный ядовитыми шипами, своротил несколько шатров. Гленнис выпустила в него стрелу. Дорин добавил свой удар: ледяное копье понеслось к пятнистой груди дракона.

Оба удара достигли цели. С небес хлынула черная кровь. Дракон вместе со всадницей врезался в ближайшую вершину и камнем рухнул вниз.

Гленнис улыбалась. Ее морщинистое лицо сияло.

– Я попала первой, – заявила она и потянулась за другой стрелой.

Чувствовалось, ей весело, хотя исход сражения еще не был ясен.

– Мне бы такую прабабушку, – пробормотал Дорин, приготовившись к новому удару.

Теперь придется осторожничать: снизу ведьмы отряда Тринадцати почти не отличались от Желтоногих.

Однако соратницы Маноны не нуждались в его осторожности, не говоря уже о помощи. Они вклинились в ряды Желтоногих, разрушая боевой порядок. Внезапность нападения имела свои преимущества, но недолгие. А умением сражаться отряд Тринадцати превосходил всех.

Несколько крошанок настигли шипастые хвосты драконов. Кто закувыркался вниз, а кому судьба уготовила смерть в разверзнутой драконьей пасти.

– Не путайтесь под ногами! – закричала Манона. – Держитесь у самой земли!

Приказ был обращен не к отряду Тринадцати. К крошанкам.

– Выполняйте ее приказ! – прокричала Гленнис.

Голос старухи звучал на удивление громко. Похоже, у нее имелись магические способности.

Крошанки послушно опустились, создав живой щит над шатрами. Они видели, как Аброхас перекусил горло дракону вдвое крупнее себя, а Манона выстрелила всаднице в лицо. Затаив дыхание, смотрели на сражение зеленоглазых близняшек-демонесс с тремя драконами, окончившееся падением всех троих в пропасть. Представление продолжила небесно-голубая дракониха Астерины: сначала выбросила из седла вражескую всадницу, затем выхватила клочок мяса из спины ее дракона.

Каждая ведьма отряда Тринадцати выбирала цель, наносила удар – и не промахивалась. У Желтоногих такой согласованности действий не было. Несколько ведьм, посчитав крошанок более легкой добычей, попытались опуститься ниже, но их встретил шквал стрел. Драконам стрелы не причиняли особого вреда, чего нельзя было сказать о всадниках.

Оставшись с пустыми седлами, драконы Желтоногих начали метаться. Жить им осталось недолго, и вскоре все они, исторгая фонтаны черной крови, ударились об окрестные скалы.

Страх и ярость в сердце Дорина смешивались с жалостью к этим крылатым существам. А ведь попали они к другим хозяйкам, их судьба могла бы сложиться так же, как у Аброхаса.

Ему вдруг расхотелось наносить удар по дракону, сумевшему прорваться к земле. Дракон летел прямо на Гленнис, а сзади – второй.

Дорин подарил этому дракону легкую смерть, магическим ударом сломав шею. Но сам он после выплеска тяжело дышал. Такая же смерть ждала и второго дракона, однако следом летели третий и четвертый. Их Дорин заметил только сейчас. Драконы срывали шатры, а их челюсти вгрызались во все, что встречалось на пути. Несколько крошанок с воплями упали.

Но вниз уже спешила Манона. Аброхас камнем ринулся с небес. Манона отсекала голову ближайшей всаднице. Когда голова Желтоногой разведчицы слетела с плеч, на ее лице еще сохранялось выражение ужаса.

Магия Дорина запнулась.

Отсеченная голова упала рядом с ним и закружилась на мерзлой земле... Перед глазами мелькнул громадный зал, красный каменный пол, залитый кровью, и глухой стук головы, упавшей на мраморные плиты. Единственный звук, если не считать его крика.

«Мне нельзя было в вас влюбиться».

Голова Желтоногой замерла возле его сапог. Снег и земля стали синими от крови.

Он не слышал шума крыльев и словно не видел четвертого дракона, летящего на него. Манона, надрывая легкие, звала его по имени. Крошанки стреляли по дракону.

Глаза отсеченной головы разведчицы клана Желтоногих смотрели в никуда.

Громадная пасть разверзлась перед Дорином, сверкая зубами.

Манона снова выкрикнула его имя, но он не мог пошевелиться.

Дракон скользнул вниз, и челюсти сомкнулись вокруг Дорина. Стало темно. И тогда его магия сорвалась с цепи. Мгновение назад дракон заглатывал его целиком, окутывая тошнотворным дыханием. А сейчас... дымящаяся драконья туша валялась на снегу. Прежние удары были внешними. Этот он произвел изнутри. Даже не удар. Дорин превратился в бушующее пламя, настолько жаркое, что оно прожгло драконьи челюсти и горло. Дорин выбрался оттуда с легкостью, словно из паутины.

Всадница, летевшая на четвертом драконе, уцелела. Она выхватила меч, но стрела Гленнис тут же пронзила ей горло.

Ведьмы отряда Тринадцати приземлились, густо забрызганные синей и черной кровью. Как же она отличалась от красной крови Сорши и его собственной!

Пальцы с железными ногтями сдавили ему плечи. Золотистые глаза сердито пылали.

– Ты никак ополоумел?

Дорин лишь взглянул на отсеченную голову Желтоногой, по-прежнему валявшуюся рядом. Манона поняла, куда он смотрит, плотно сжала губы и убрала руки.

– Мои Тени отправятся сейчас на разведку, – объявила Манона, поворачиваясь к старухе. – Проверят, не летит ли сюда еще кто-нибудь.

Дорин не знал, как подействовала на крошанок его магия. Возможно, удивила. Или испугала. Гленнис не сказала об этом ни слова. Другие крошанки занялись ранеными.

– Кто-нибудь из врагов уцелел? – спросила Гленнис, вглядываясь в опустевшее небо.

– Все мертвы.

К Маноне спешила темноволосая крошанка, та, что первой встретила их в лагере. И опять у нее в руках был меч.

– Это вы устроили!

Дорин сжал эфес Дамариса, но вытаскивать меч не стал. Манона даже не шелохнулась.

– Что устроили? Спасли ваши задницы? Да, это наших рук дело.

– Вы привели сюда Желтоногих!

– Бронвена! – окликнула ее Гленнис, вытирая с лица синюю кровь.

– Стоило им появиться – и нас атаковали! – взвилась Бронвена. – Думаешь, это просто совпадение?

– Черноклювые сражались вместе с нами, а не против нас, – напомнила Гленнис. – Ты можешь поклясться? – спросила она Манону.

Золотистые глаза Маноны сверкнули в пламени костра.

– Клянусь, что не приводила сюда Желтоногих!

Гленнис кивнула, но Дорин пристально смотрел на Манону. Дамарис стал холодным как лед. настолько холодным, что даже пальцы прилипли к эфесу. Однако Гленнис была вполне удовлетворена ответом Маноны и снова кивнула.

– Тогда нам есть о чем поговорить. Попозже.

Бронвена плюнула на окровавленную землю и неслышно отошла.

Манона принесла ложную клятву. Соврала крошанкам.

Она вопросительно посмотрела на Дорина, но король отвернулся. Ему требовалось время, чтобы разобраться в содеянном ею.

Затишье в лагере было недолгим. Как и после любого сражения, нужно было осмотреть раненых и убрать убитых. Дорин помогал всем, чем мог, исцеляя тех, кто острее всего нуждался в этом. Из открытых рваных ран крошанок ему на руки сочилась синяя кровь. Теплая кровь. Но его руки не ощущали тепла.

Глава 15

Она была лгуньей и убийцей. Похоже, ей еще не раз придется лгать и убивать, пока все это не кончится.

Но Манона не сожалела о содеянном. В ее душе не было места сожалению, особенно сейчас, когда время нещадно их подгоняло и слишком тяжелый груз лежал на их плечах.

Все долгие часы, пока ее ведьмы помогали крошанкам восстанавливать лагерь, Манона пристально следила за морозными небесами.

Восемь погибших. Их могло быть гораздо больше. Но и имена этих восьми крошанок она обязательно узнает и запомнит.

Ночь показалась ей необычайно длинной. Манона помогала соратницам перетаскивать тела Желтоногих и туши драконов на другой край. Хоронить их в мерзлой земле – задача невыполнимая. Сжечь тоже нельзя; огни костров заметны издалека. Оставалось одно: засыпать снегом. Манона не решалась просить Дориана, чтобы он помог своей магией.

Она помнила выражение его глаз. Он догадался о ее маневре.

Манона подтащила к обрыву окоченевшее тело разведчицы Желтоногих. Губы убитой успели посинеть, на светлых волосах искрились льдинки. Астерина волокла за ноги другую погибшую: коренастую, плотно сбитую ведьму. Остановившись у края, Астерина развернула тело и буднично, словно мешок, толкнула вниз.

Но Манона вглядывалась в мертвые лица. Она ведь и этих ведьм принесла в жертву.

Крошанки и Железнодорожные. Две стороны недавнего столкновения. Две ветви ее родословной.

Кровопролитие ждало всех. А очень многих – и гибель.

Приняла ли Гленнис ее и ведьм отряда Тринадцати? Возможно. Но остальные крошанки не торопились раскрывать им объятия. Манона считала недопустимым тратить время на убеждение крошанок. Она прибегла к единственному знакомому ей способу убеждения – битве. Минувшим днем она поднялась в воздух и отправилась туда, где часто летали разведчицы Железнодорожных. Там она намеренно подставила себя мощному северному ветру, и он понес ее запах на юг. Дальше оставалось только ждать. Правда, она думала, что все произойдет несколько позже.

– Они тебе знакомы? – спросила Астерина, удивившись, что Манона пристально всматривается в лица убитых Желтоногих.

Невдалеке драконы отряда Тринадцати неумолимо махали крыльями, заметая снегом туши погибших сородичей.

– Нет. Ни одна.

В крошанский лагерь они вернулись, когда начало светать. Местные ведьмы, еще вчера готовые испепелить их взглядами, сегодня лишь напряженно следили за ними. Тех, чьи руки потянулись к оружию, было совсем мало. Манона с Астериной шли к главному очагу лагеря – большой яме, окаймленной камнями. То был очаг Гленнис.

Старуха стояла возле самой кромки и грела морщинистые руки, с которых не успела смыть кровь. Невдалеке сидел Дорин. Его сапфировые глаза сердито блеснули, встретившись с глазами Маноны.

Не сейчас. Ее разговор с адарланским королем подождет.

Манона остановилась в нескольких шагах от Гленнис. Ведьмы отряда Тринадцати тоже остановились, не решаясь подходить ближе. Вокруг очага стояло пять шатров. На огне кипел котел. Крошанки продолжали восстанавливать лагерь и ухаживать за ранеными, успевая поглядывать на Железнодорожных.

– Поешьте, – предложила Гленнис, указывая на котел, из которого пахло вареной козлятиной.

Манона не стала возражать и послушно взяла глиняную миску из стоявших возле каменной кромки. Прекрасный способ выказать доверие: разделить с крошанками трапезу. Принять их еду.

Голод давал о себе знать. Манона быстро проглотила несколько кусков. Дорин тоже принял приглашение и потянулся за миской. Гленнис присела на камень и со вздохом сказала:

– Больше пятисот лет минуло с тех пор, как Железнодорожные вместе трапезничали с крошанками. С тех пор, как они мирно беседовали. А потом... Исключением, пожалуй, были только твои родители, Манона.

– Скорее всего, так, – осторожно ответила Манона, прекратив есть.

Удивительно, что после кровопролитного сражения и изнурительной ночи Гленнис еще могла улыбаться.

– Твой отец был моим внуком, – сообщила Гленнис. – А его отец, твой дед, – моим сыном. Он соединился с крошанской королевой. Увы, она умерла в родах, произведя на свет твоего отца.

Еще одна особенность, унаследованная ведьмами от фэйцев: редкие зачатия и частые смерти рожениц. Так Трехликая богиня поддерживала равновесие, уберегая земли от избытка бессмертных детей, способных быстро опустошить эти земли.

Манона смотрела на полуразрушенный лагерь. Прочтя в ее глазах вопрос, старуха пояснила:

– Наши мужчины остаются дома, где им ничего не угрожает. Лагерь – наше временное пристанище, пока мы занимаемся своими делами.

У крошанок всегда рождалось больше мальчиков, чем у Железнодорожных. Они переняли у фэйцев привычку подбирать себе пары. Конечно, не то, что фэйцы называли своей истинной парой, но связь по духу у крошанок ценилась. Манона всегда считала это странным, нелепым и совершенно излишним.

– Твоя мать долго не возвращалась. Мы не знали, вернется ли она вообще. И тогда твоего отца попросили зачать ребенка с другой молодой ведьмой. Пойми: он был единственным носителем крошанской королевской крови, и в случае если твоя мать умерла в родах и ты тоже не выжила, это угрожало прекращением рода. Твой отец действительно не знал, живы ли вы обе. Он согласился исполнить свой долг и помочь вымирающим соплеменникам. – Гленнис печально улыбнулась. – Трастэна любили все.

Значит, Трастэн. Интересно, бабушка хоть удосужилась спросить его имя, прежде чем убила?

– Для него выбрали достойную молодую ведьму. Но он не любил ее так, как твою мать – свою настоящую спутницу жизни, песню его души. Однако Трастэн честно исполнил долг, и на свет появилась Рианнона.

Манона напряглась. Если мать Рианноны тоже находилась в лагере... И вновь Гленнис сумела прочесть вопрос в ее глазах.

– Мать Рианноны погибла в Мелисанде, на речных равнинах. Давно. Ее убила ведьма клана Желтоногих.

Манона внутренне устыдилась своего облегчения. Получалось, вчерашнее сражение было запоздалой местью Желтоногим. А то ведь она собиралась просить прощения за случившееся.

Дорин отложил ложку. Изящно, непринужденно, словно за обедом во дворце. Маноне сразу вспомнилось, как вчера он насквозь прожег дракона.

– Как удалось сохранить королевскую линию крошанок? – спросил он. – Легенды утверждают, что их вообще истребили.

Еще одна печальная улыбка.

– За это надо благодарить мою мать, – сказала Гленнис. – Во время осады Ведьминого города младшая дочь Рианноны Крошанской родила девочку. Наши армии были разгромлены, и только городские стены еще сдерживали натиск легионов Железнодорожных. Многие дети и внуки Рианноны погибли. Железнодорожные убили ее мужа и вывесили тело на городской стене. Рианнона велела глашатаям возвестить, что ребенок родился мертвым. Пусть Железнодорожные знают, что королевский род крошанок прервался. Ночью, накануне трехдневной битвы Рианноны против верховных ведьм Железнодорожных, моя мать улетела из города на метле, забрав с собой и новорожденную принцессу.

У Гленнис дрогнуло горло.

– Рианнона была очень близкой подружкой моей матери. Можно сказать, сестрой. Моя мать хотела остаться и сражаться до конца. Но Рианнона попросила ее увезти ребенка в надежное место... ради всех нас, крошанских ведьм. До самой своей смерти мать считала, что сражение, затеянное Рианноной против верховных ведьм, было отвлекающим маневром. Железнодорожные неистовствовали, даже не подозревая, что наследница крошанок жива и находится вне их досягаемости.

Манона не представляла, можно ли выразить словами то, что творилось на душе.

– Кстати, в этом лагере есть несколько твоих родственников по отцовской линии, – добавила Гленнис.

От слов старухи Астерина мгновенно напряглась. Эдда и Бриара, сидевшие почти у самого очага, – тоже. Все трое были родственницами Маноны по линии Черноклювых и во что бы то ни стало хотели сохранить эту привилегию.

– Кстати, Бронвена тоже моя правнучка, – сказала Гленнис, махнув в сторону предводительницы шабаша. Та сидела поодаль, опираясь на свою метлу с золотыми прутьями, и внимательно следила за Маноной и остальными Железнодорожными. – Получается, ближайшая твоя родственница.

Бронвена, конечно же, слышала слова прабабушки. Ее лицо осталось каменным. Манона решила, что тоже обойдется без улыбок.

– Они с Рианноной были как сестры, – тихо произнесла Гленнис.

Манону отчаянно потянуло дотронуться до красного лоскута, вплетенного в косу. Она едва удержалась.

И тут Дорин, чтоб ему сгинуть во тьме, открыл рот и заявил:

– Мы искали вас с определенной целью.

– Догадываюсь с какой, – ответила Гленнис, снова протягивая руки к огню. – Хотели позвать нас примкнуть к этой войне.

Даже сейчас взгляд Маноны не смягчился.

– Именно так. Ваш шабаш и всех крошанок, рассеянных по пространству Эрилеи.

Кто-то из местных ведьм засмеялся:

– До чего ж заманчиво!

Остальные подхватили смех. В синих глазах Гленнис ничего не изменилось.

– Мы не собирались для войны с тех самых пор, как Железнодорожные напали на наше королевство. Созвать всех – задача не такая простая, как тебе кажется.

– А если крошанская королева позвала бы их на войну? – спросил Дорин.

Бронвена подскочила к старухе. Ее карие глаза сердито пылали.

– Гленнис, не соглашайся!

«Как она разговаривает с прабабушкой? – подумала Манона. – Будто сверстницу себе нашла».

Гневные глаза Бронвены переместились на Манону.

– Ты – не наша королева, о чем бы ни говорила твоя родословная. Твоя помощь во вчерашней стычке – не основание подчиняться тебе. И мы этого не сделаем ни сейчас, ни в будущем.

– Силы Мората вас нашли, – спокойно ответила ей Манона, предполагавшая такой отклик. – На этот раз вы сравнительно дешево отделались. Но они найдут вас снова. Через несколько месяцев или через год. И тогда вам уже будет от них не отбиться.

Руки Маноне пришлось держать прижатыми к бокам. Железные ногти так и норовили вылезти наружу.

– Нынче армии многих королевств собираются в Террасене, – сказала она, игнорируя слова Бронвены. – Присоединяйтесь к ним.

– Пятьсот лет назад Террасен не пришел нам на помощь, – послышался голос другой крошанки, шедшей к костру.

Манона узнала смазливую ведьмочку с каштановыми волосами. Похоже, она тоже была предводительницей шабаша, только рангом пониже. Прутья ее метлы были оправлены не в золото, как у Бронвены, а в серебро.

– Не понимаю, с чего нам теперь беспокоиться о судьбе Террасена.

– Я считала вашу породу исполненной праведности, – сказала Манона, придав голосу язвительно-сладкие интонации. – Думала, вы мгновенно откликнитесь.

Смазливая ведьмочка вспыхнула, но Гленнис утихомирила ее, подняв иссохшую руку.

Усмирить Бронвену было сложнее.

– Ты – не наша королева, – прорычала она, как и вчера, смерив Манону взглядом. – Мы никогда не полетим с тобой.

Обе молодые ведьмы гневно удалились, почти растолкав соплеменниц, охранявших Гленнис. Манона заметила, как старуха поморщилась.

– Скоро сама убедишься: горячность – спутница крошанок. Наша семья, увы, не исключение.

Она просто безжалостна. Оценивая вчерашний маневр Маноны, спровоцировавшей налет Желтоногих на лагерь крошанок, Дорин не находил иного слова.

Оставив Манону с прабабушкой и ведьмами ее отряда, он пошел искать паучиху. Впрочем, долго искать Кирену не потребовалось. Она все так же пряталась в тени одного из дальних шатров.

Она вернула себе человеческое обличье. Темные волосы висели спутанными клоچьями. Паучиха куталась в крошанский плащ. Видимо, кто-то из местных ведьм ее пожалел, не догадываясь, что голод в глазах Кирены вызван отнюдь не запахом похлебки с козым мясом.

– Откуда начинается твое превращение? – спросил Дорин, останавливаясь перед нею. – Изнутри?

Его рука инстинктивно легла на эфес Дамариса. Кирена заморгала, словно не поняла вопроса, затем встала. Крошанские ведьмы дали ей не только плащ, но и поношенный коричневый камзол, штаны и сапоги.

– Я восхищена твоей громадной магической силой, – сказала паучиха и улыбнулась, показав мелкие острые зубы. – Представляю, каким королем она могла бы тебя сделать. Непобедимым. Непревзойденным.

Дорин не собирался излагать паучихе свои мысли на этот счет. Да у него их и не было. Нужно еще дожить до той поры, когда он вернет себе трон. А тогда... Для начала – стать полной противоположностью всему, кем и чем был его отец.

– Откуда начинается твое превращение? – снова спросил он, сохраняя непринужденность позы, дабы не пугать Кирену.

Кирена наклонила голову, будто прислушиваясь.

– Скажу тебе, смертный король, с возвращением магии я обнаружила внутри себя новое место. Меня это удивило. Представляешь? Обнаружить, как нечто новое в тебе пустило корни.

Ее маленькая, почти детская ручка опустилась вниз и застыла над пупком.

– Там находится маленькое семя силы. Я желаю совершить превращение, думаю о том, в кого хочу превратиться, и превращение начинается. Сначала там. Оттуда всегда исходит тепло. – Паучиха пристально смотрела на него. – Если ты, король-без-короны, желаешь кем-то быть, так будь. В этом – секрет превращения. Будь тем, кем пожелаешь.

Дорин едва не выпучил глаза, хотя эфес Дамариса был теплым. «Будь тем, кем пожелаешь». Это легче сказать, чем сделать. Особенно когда корона давит тебе на голову.

Он приложил ладонь к животу. Только крепкие мышцы, которые ощущались даже сквозь несколько слоев одежды.

– Значит, вначале ты думаешь, кем хочешь стать, и это вызывает превращение?

– Есть и ограничения. У меня в мозгу должен быть четкий образ, иначе превращение вообще не произойдет.

– Получается, ты не можешь превратиться в того, кого никогда не видела.

– Кое-что я могу придумать: цвет глаз, строение тела, волосы. Но если я не видела какого-то зверя, полного сходства мне не достичь. – Паучиха ядовито улыбнулась. – Призови на помощь свою удивительную магию, – подзадорила она короля. – Попробуй изменить цвет твоих чудесных глаз.

Будь проклята его беспечность, но Дорин попробовал. Он подумал о карих глазах. Представил бронзовые глаза Шаола, возбужденно сверкающие после их учебного поединка. Когда Шаол отплывал на Южный континент, глаза его были совсем другими.

Удалось ли искусным целительницам вернуть ему способность ходить? Как повел себя хаган, слушая доводы Шаола и Несарины? Согласился отправить помощь на воюющий север? Эта война разбросала их по разным уголкам. Шаол даже не знает, где сейчас его король и друг детства.

– Ты слишком много думаешь, молодой король.

– Это лучше, чем думать слишком мало, – возразил Дорин.

Эфес Дамариса вновь потеплел. Честное слово, древний меч изумляли его ответы.

– А ты не столько думай о цвете глаз, сколько требуй, чтобы они изменили цвет на выбранный тобой, – усмехнулась Кирена.

– Как ты все это узнала, не имея учителя?

– Внутри меня есть магическая сила, – без обиняков ответила паучиха. – Я прислушиваюсь к ней.

Дорин направил на Кирену щупальце своей магии. Паучиха напряглась. Но магия короля была мягкой и любопытной, как кошка, трущаяся о ноги. Первозданная магия, готовая принять любую желаемую им форму.

Дорин захотел найти внутри Кирены то самое зерно силы и узнать, что оно собой представляет.

– Что ты делаешь? – забеспокоилась Кирена, переминаясь с ноги на ногу.

Магия Дорина обволакивала ее, и он ощущал каждый жуткий, отвратительный год существования паучихи.

Каждый...

У него пересохло во рту. Горло наполнилось желчью от запаха, обнаруженного магией. Этот запах, эту гнусность он запомнил навсегда. Подтверждение тому – отметина на шее.

Запах валга. Паучиха оказалась валгом. Она не стала такой в результате одержания. Она такой родилась.

Лицо Дорина оставалось равнодушным, словно он не нашел для себя ничего интересного. Но это было результатом его волевого усилия. Нашел! Его магия обнаружила «зерно» Кирены – сверкающую, прекрасную частицу магии.

Украденной магии. Так валги крали все, что понравится.

Уши Дорина наполнились негромким гулом пульсирующей крови.

Он смотрел на тщедушную фигуру Кирены и ее заурядное лицо.

– Желание отомстить погнало тебя чуть ли не через весь континент. А посмотришь на тебя – тише воды ниже травы.

Черные глаза Кирены превратились в бездонные ямы.

– Ошибаешься, молодой король. Я ничего не забыла. Ни одной мелочи.

Дамарис оставался теплым. Ждущим.

Невидимые руки магии Дорина коснулись семени магической силы, плененной в черном аду паучихино тела.

Он не спешил узнать, как и почему стигианские пауки оказались валгами, откуда их занесло в этот мир и ради чего они здесь остались.

Они питались мечтами, радостью, жизнью. Пировали на этом.

Семечко силы оборотня трепетало и вспыхивало в невидимых руках Дорина, словно благодарило за доброе человеческое прикосновение.

Его отец позволил этим тварям разрастись и захватить власть. Это они, их жестокость погубила Соршу.

– А ведь я могу заключить с тобой уговор, – прошептала Кирена. – Когда настанут иные времена, я позабочусь, чтобы тебе сохранили жизнь.

Дамарис стал холоднее льда.

Дорин молча смотрел на паучиху. Он убрал невидимые руки из ее тела и буквально почувствовал, как семечко магической силы неведомого оборотня потянулось за ним. Чуть ли не умоляло его не уходить.

Дорин улыбнулся паучихе. Та тоже улыбнулась.

Потом он нанес удар.

Невидимые руки обхватили и начали поворачивать ее шею. Волна магии Дорина хлынула внутрь, туда, где находилось украденное семя человеческой магии, и окутала семя защитным коконом.

Дорин держал его в руках, будто птенчика, пока паучиха умирала. Изучал каждую грань магии оборотня, пока птенчик не вздохнул с облегчением и не выпорхнул на долгожданную свободу, а потом умчался с ветром.

Кирена осела на снег. Свет жизни в ее глазах потух.

Почти не задумываясь, Дорин сжег ее тело. Никто не пришел узнать, в чем дело, хотя от пепла исходило сильное зловоние. Под пеплом чернело пятно.

Возможно, с ее помощью он попал бы в Морат. Эта мысль вяло шевельнулась в голове Дорина, когда он смотрел на пятно полуоттаявшей земли.

Он снял руку с эфеса. Меч успокаивался, но с какой-то неохотой.

Он найдет путь в Морат. Сам, когда овладеет искусством превращения.

А паучиха и вся ее порода пусть горят в аду.

Через час Дорин уже лежал в маленьком тесном шатре, где невозможно было вытянуться во весь рост. Вторая подстилка пустовала. Сердце не подчинялось его волевым приказам и продолжало бешено колотиться.

Манона появилась в шатре, когда Дорин заставил себя разуться и накрылся двумя плотными шерстяными одеялами. От них пахло лошадьми и сеном. Возможно, они были даже не

одеялами, а попонами, украденными из конюшни. Это его не волновало. Тепло – и на том спасибо.

Манона оглядела тесное пространство, подстилку и покрывала.

– Тринадцать – число нечетное, – сказала она, сочтя это объяснением. – В шатре я всегда была одна.

– Прости, что нарушил твоё уединение.

Манона сухо усмехнулась, присела на подстилку и стала развязывать тесемки сапог. Вскоре ее пальцы замерли, а ноздри раздулись.

– Что ты сделал? – спросила ведьма, медленно повернувшись в сторону Дорина.

Дорин выдержал ее взгляд.

– Вчера ты сделала то, что сочла нужным, – сказал он. – Сегодня я.

Он не стал прикасаться к эфесу Дамариса, лежащего рядом. Незачем.

Манона вновь принялась:

– Ты убил паучиху.

На ее лице он не заметил и тени осуждения. Только неподдельное любопытство.

– Она представляла для нас угрозу, – пояснил Дорин, мысленно добавив: «И была куском валгского дерьма».

Глаза ведьмы наполнились тревогой.

– Она ведь могла тебя убить.

– Нет, не могла, – улыбнулся Дорин.

Манона наградила его еще одним пристальным взглядом, который он тоже выдержал.

– А ты ничего не хочешь сказать о моем... выборе? – спросила она.

– Сейчас мои друзья сражаются на севере. Возможно, гибнут. Мы не можем неделями обхаживать крошанок, завоевывая их расположение.

Так оно в действительности и было. Жестокая правда. Чтобы снискать хотя бы частичное доверие крошанок, им пришлось пересечь эту черту. Тяжелые, бессердечные решения, но такова оборотная сторона королевской власти.

Манона поняла: Дорин сохранит ее тайну до тех пор, пока она сама этого хочет.

– И никакой благородной отповеди с твоей стороны? – удивилась она.

– Это война, – с той же бесхитростью ответил Дорин. – Всякое бывает.

Неужто он с готовностью расплатился бы своей бессмертной душой, если бы это позволило остановить нынешнюю бойню? Его душа и так уже была достаточно поломана и замарана. Если ради спасения других придется переступить черту за чертой, он готов. Дорин не знал, в какого короля превратится после всего этого.

Манона хмыкнула, сочтя его слова приемлемым ответом.

– Ты искушен во всякого рода дворцовых интригах, – сказала она, снова принимаясь за кожаные тесемки на сапогах. – Как бы ты обыграл эти мои... взаимоотношения с крошанками?

– Сейчас все карты – в их руках, – сказал Дорин, положив левую руку под голову. – В этом – твоя главная сложность. Ты нуждаешься в них гораздо сильнее, чем они в тебе. Единственная карта, которую ты до сих пор считала своим козырем, – твое происхождение. Но крошанки отвергли и ее. И разгром Желтоногих не помог. Так как нам убедить их в ценности твоей карты? Как заставить их поверить, что они действительно нуждаются в крошанской королеве – единственной продолжательнице королевской династии?

Дорин задумался над своим вопросом. Манона молчала.

– Есть заманчивая перспектива: восстановить мир между крошанками и Железнодорожными, но ты... – Дорин поморщился. – Ты более не считаешься будущей главой клана Черноклювых. Значит, ты даже не можешь выступать от имени своего клана, не говоря уже о всех Железнодорожных. Что остается? Договор, заключаемый от имени отряда Тринадцати. Его никто не признает.

Манона сбросила сапоги и легла. Устремила взгляд в низкий потолок.

– Всеми этому тебя научили в твоём стеклянном замке?

– Да.

Пока он не превратил замок в груды осколков и облака пыли.

Повернувшись на бок, Манона подперла голову рукой. Светлые волосы, выбившиеся из косы, обрамляли её лицо.

– Ты ведь не сможешь силой своей магии... попросту заставить их?

– Мне такие способы неизвестны, – сдержанно рассмеялся Дорин.

– Но Маэва как-то сумела проникнуть в разум принца Рована и убедить его, что та женщина и есть его истинная пара.

– Я вообще не представляю, какой магической силой обладает Маэва, – поморщился Дорин.

Что она тогда сделала с Рованом? Что творила нынче с разумом террасенской королевы?..

– И потом, мне как-то не хочется ставить опыты на потенциальных союзниках.

– Меня вообще ничему такому не учили, – вздохнула Манона.

«Странно, если бы тебя учили искусству дипломатии», – подумал Дорин.

– Хочешь услышать моё откровенное мнение? – спросил он.

Золотистые глаза вперились в него. Ведьма едва заметно кивнула.

– Найди то, что для крошанок особенно важно, и обрати это себе на пользу. Как ты думаешь, что могло бы заставить их пойти за тобой и увидеть в тебе настоящую крошанскую королеву? Вчерашнее сражение создало крупицу доверия, однако они не спешат тебя признавать. Возможно, Гленнис тебе что-то подскажет.

– У старухи спрашивать рискованно.

– Ты ей не доверяешь?

– А с какой стати мне ей доверять?

– Она – твоё прабабушка. Встретила тебя вполне приветливо, а не приказала убить на месте.

– Моя бабушка тоже не приказывала... до поры до времени.

Лицо Маноны осталось бесстрастным, но пальцы впились в кожу головы.

– Вот тебе пример, – продолжал Дорин. – Аэлине требовалась поддержка микенианского флота. Но соплеменники капитана Рульфа веками прятались по бесчисленным островам и никуда плыть не желали. У них существовало поверье: в Террасен они вернутся, если вдруг снова появится морской дракон. Когда-то морские драконы были их союзниками, однако потом бесследно исчезли. И Аэлина устроила им явление морского дракона. Она выманила небольшой валгский флот для нападения на Бухту Черепов, выбрав такое время, когда пиратская столица была наиболее беззащитной. И в разгар сражения на помощь микенианцам приплыл морской дракон, сотворенный силой магии.

– Дракона звали Лисандрой, – усмехнулась Манона.

Дорин кивнул.

– И что, микенианцы купились на это?

– Поголовно. Аэлина вовремя узнала, чем можно привлечь их на свою сторону. Вот и подумай, чем ты смогла бы привлечь крошанок.

Манона вытянулась на подстилке, поигрывая красным лоскутом в косе.

– Утром спрошу у Гисланы.

– Сомневаюсь, что Гислана это знает.

– Ты всерьёз считаешь, что мне нужно спрашивать у Гленнис?

– Да, всерьёз. Думаю, она тебе поможет.

– С какой радости?

На лице Маноны появилось мимолетное выражение... ненависти к самой себе. Дорин видел его не впервые. А ее соратницы? Открывалась ли ведьмам отряда Тринадцати эта потаенная черта ее характера?

– Когда-то мать Гленнис выполнила просьбу своей королевы и увезла новорожденную наследницу, дабы не прервался род крошанских королев. Твой род. Думаю, старуха не просто так рассказала тебе эту историю. Гленнис намекала: в случае чего она сделает то же самое.

– Тогда почему бы не сказать напрямую?

– А ты, случайно, не заметила, что твое появление не вызвало у крошанок взрыва ликования? Даже эта уловка с атакой Желтоногих не изменила их отношения к тебе и твоим ведьмам. Гленнис умеет вести игру. Тебе тоже нужно обучиться. Прежде всего узнать, что привело их в этот лагерь, а затем обдумывать следующий свой шаг.

Губы Маноны плотно сжались, затем изогнулись в улыбке.

– Хорошо же твои учителя тебя научили, короленок.

– Когда тебя растит тиран, находящийся под властью демона, это имеет свои преимущества.

Дорин говорил спокойно, но в душе начинал бурлить гнев.

Манона смотрела на белый след от ошейника. Дорин ощущал ее взгляд почти как прикосновение.

– Ты продолжаешь его ненавидеть.

– А с чего мне его любить? – удивился Дорин.

Лунно-белые волосы ведьмы тускло блестели в полутьме шатра.

– Ты мне рассказывал, что он был человеком. Глубоко внутри он оставался человеком и, насколько возможно, пытался тебя уберечь. Однако ты и сейчас его ненавидишь.

– А если я и сейчас считаю неприемлемым то, каким образом он меня уберегал?

– Но твою целительницу убивал не человек. Демон.

– Это ничего не меняет, – стиснул зубы Дорин.

– Так ли уж не меняет? – нахмурилась Манона. – Сколько живут одержимые валгскими демонами? Считанные месяцы. Ты сам едва выдержал подселение.

Дорину стоило волевых усилий, чтобы не содрогнуться от ее безжалостно правдивых слов.

– Твой отец продержался несколько десятков лет.

Ведьма смотрела ему в глаза. Дорину было не привыкать выдерживать ее взгляд.

– Если ты пытаешься сделать из моего отца подобие благородного героя, не трать время понапрасну. – Дорин хотел на этом прекратить разговор, но не удержался от вопроса: – А если бы тебе сказали, что твоя бабушка в глубине души – добрая и заботливая, что она вовсе не хотела убивать твоих родителей и многих других? И, даже приказывая тебе убить твою сводную сестру, она делала это «по стечению обстоятельств». Ты бы легко поверила и столь же легко простила бы ее?

Взгляд Маноны скользнул вниз, к шраму на животе, скрытому под одеждой. Дорин приготовился услышать гневный ответ, но услышал совсем другое:

– Устала я от разговоров.

Прекрасно. Он тоже устал.

– Можешь предложить какое-то иное занятие, ведьмочка?

Голос Дорина стал хриплым. Он знал: Маноне прекрасно слышен бешеный стук его сердца.

Манона молча переползла на его подстилку, так что оказалась сверху. Волосы из ее разлохматившейся косы скрыли лица обоих.

– Я же сказала, что не хочу говорить, – выдохнула она, наклоняясь к его шее и касаясь зубами белого шрама.

Дорин негромко застонал и раздвинул ноги, упершись бедрами в бедра ведьмы. Его дыхание стало прерывистым. Рука сама двинулась по спине Маноны.

– Ну так закрой мне рот, – прошептал он, обхватывая ее ягодицы.

Манона слегка покусывала ему шею и подбородок. Никакого намека на железные зубы, однако Дорин чувствовал их присутствие, словно изящный меч, занесенный над его головой.

Только наедине с Маноной ему не требовались объяснения. Только с нею он мог быть самим собой, а не королем или еще кем-то. Только в ее объятиях у него исчезало всякое самосуждение, он забывал горечь поражений и тяжесть грядущих дел.

Наслаждение и блаженные минуты полного забвения.

Рука Маноны нашла пряжку его пояса, он потянулся к ее поясу, и все остальное происходило без слов.

За одним их слиянием вскоре последовало другое, что притупило напряженность Маноны, но лишь отчасти. Проснувшись, она с удивлением обнаружила, что снаружи еще светло. Вчерашний налет сбил привычный ход времени. День выдался пасмурный. Под свист ветра Манона оделась, решив побеседовать с Гленнис.

Адарланский король продолжал спать, завернувшись в покрывала, которые они соединили для большего тепла. Может, он и хотел держать Манону в объятиях, но она не позволила. Когда все кончилось, она повернулась к нему спиной и закрыла глаза. Дорин не возражал. Два слияния подряд утомили его, и он быстро заснул. Под его негромкое похрапывание Манона обдумывала, с чего начнет разговор со старухой.

Наверное, стоило разбудить Дорина и взять его с собой. Уж он-то умел вести подобные игры и думать с позиции короля.

Ей вдруг вспомнилось, как рано утром он убил паучиху. Ни капли жалости. Так она сама вчера расправлялась с Желтоногими. Магия Дорина здорово помогла отряду Тринадцати. Но позволить ему вместе себя говорить с Гленнис? Нет, это был бы удар по ее ведьминому достоинству. Она бы лишилась права называть себя ведьмой, если бы свалила разговор на Дорина.

Гленнис занимала самый большой шатер. Манона вошла туда, даже не спросив разрешения, и выпалила с порога:

– Мне нужно с тобой поговорить.

Гленнис сидела перед бронзовым зеркальцем, в котором отражались складки ее красного плаща.

– Поговорить, не дождавшись трапезы? Правда, ее время сбилось из-за... вчерашнего. Своей порывистостью ты явно пошла в отца. Трастэн всегда врывался ко мне в шатер, и каждое дело у него было неотложным. Я едва могла его уговорить немного обождать и поесть самому.

Манона мысленно отмахнулась от сведений об отце. У Железнодорожных не бывало отцов. Только матери, бабушки и так далее. Так издавна повелось. Хотя ей и было любопытно, где и как он повстречал Лотиану Черноклювую и что побудило их отбросить многовековую вражду.

– Как мне склонить крошанок на свою сторону? Как убедить их поддержать нас в этой войне?

Гленнис разгладила складки на плаще.

– Только крошанская королева способна возжечь Пламя Войны и призвать каждую ведьму.

– Пламя Войны? – переспросила Манона, удивляясь искреннему ответу.

Гленнис кивнула на вход в шатер:

– У каждой крошанской семьи есть очаг, который путешествует с ними по всем лагерям и иным жилищам. Огонь в этом очаге никогда не гаснет. Пламя в моем очаге берет начало со времен Ведьмино города. Брэннон Галатиний передал Рианноне искру вечно горящего огня.

Когда моя мать спасала новорожденную принцессу, она взяла и огонь, поместив его в золотой шар. С тех пор он продолжал гореть в каждом королевском крошанском очаге.

– А что было с огнем, когда магия исчезла на целых десять лет?

– Наши провидицы заранее знали, что магия исчезнет и вместе с нею погаснет магическое пламя. Мы заблаговременно зажгли от магического огня несколько обычных и поддерживали их. Да, он исчез на целых десять лет, а нынешней весной, вместе с возвращением магии, вспыхнул в очаге, где мы видели его в последний раз. – Прабабушка повернулась к Маноне. – Когда крошанская королева созывает своих подданных на войну, пламя из королевского очага разносят по всем очагам лагерей и селений. Прибытие пламени служит призывом. Но на такое способна лишь настоящая крошанская королева.

– Значит, мне достаточно взять пламя из этого очага и соберется целая крошанская армия?

– Нет, – засмеялась старуха. – Прежде тебя должны признать королевой.

– А этого как я могу достичь? – скрипнув зубами, спросила Манона.

– Мне ли отвечать на твой вопрос?

Маноне понадобилось все самообладание, чтобы не выпустить железные ногти и не пройти ими по шатру Гленнис.

– Почему вы оказались здесь, в этом лагере?

– Разве я тебе вчера не сказала?

Манона топнула ногой. Заметив ее нетерпение, старуха усмехнулась:

– Мы сделали остановку по пути в Эйлуэ.

– Эйлуэ? – встрепелась Манона. – Если вы решили убежать от войны, должна вас огорчить: это королевство познало ее сполна.

Эйлуэ так и не оправилось от последствий жестокого адарланского вторжения. Маноне вспомнились многочисленные встречи с Эраваном. Он постоянно держал Эйлуэ в поле своего внимания и, казалось, особо заботился, чтобы южное королевство оставалось раздробленным.

– Нам это известно, – сказала Гленнис. – Но мы получили весть от наших южных очагов о возникшей угрозе. Мы отправляемся на встречу с уцелевшими эйлуэйскими военными отрядами. Будем сражаться со всеми ужасами, какие послал туда Морат.

Значит, на юг, а не на север. Не в Террасен.

– Ужасы, которые Эраван намеревается обрушить на Эйлуэ, – просто маневр, чтобы вас разделить, – сказала Манона. – Удержать вас от оказания помощи Террасену. Он догадался, что я пытаюсь собрать крошанских ведьм. Эйлуэ все равно потеряно. Полетим с нами на север.

Старуха покачала головой:

– Возможно, и потеряно. Но мы дали слово и сдержим его. Наш путь лежит в Эйлуэ.

Глава 16

К лагерю Дарро армия добралась лишь вечером, когда стемнело. Снег и ветер сопровождал ее на всем пути, изматывая воинов. Дарро ожидал их на вершине холма, не слезая с лошади. Эдион отделился от колонны солдат и направился к нему по заснеженному полю. Под копытами лошади трещала корка наста.

– Ваш приказ выполнен, – коротко доложил Эдион, махнув рукой в сторону колонны. – Мы прибыли.

Дарро едва взглянул на Эдиона. Он смотрел на прибывших солдат, которые тут же начали разводить костры и ставить шатры. Вчерашнее тяжелое сражение, потом этот изнурительный переход. Спать они сегодня будут крепко. Эдион решил, что даст им отдохнуть день, а то и два. Не гнать же их завтра к Оринфу.

– Сколько погибших?

– Менее пятисот.

– Хорошо.

Эта «похвала» резанула слух Эдиона. Армия не была собственностью Дарро, и даже он сам лишь командовал ею.

– Зачем мы так спешно понадобились? Желательно знать причины.

– Хотел поговорить с тобой о сражении. Может, новые сведения появились.

Эдион скрипнул зубами:

– Я лучше напишу вам отчет. – Он натянул поводья, намереваясь вернуться к солдатам. – Моим людям нужно устроиться на ночлег.

Казалось, Дарро напрочь забыл, что армия добиралась сюда весь день.

– Встретимся завтра поутру. Оповести остальных сановников.

– У вас есть свой гонец. Его и отправьте. – Дарро жестко посмотрел на Эдиона. – Оповести остальных сановников. – Взгляд старика скользнул по забрызганным сапогам военачальника, затем поднялся выше, отметив растрепанные, грязные волосы. – И сам отдохни.

Эдион не посчитал нужным ответить. Развернувшись, он поехал обратно. Его жеребец тоже был рад покинуть холм. Прекрасный, гордый конь, верой и правдой служивший своему хозяину.

Эдион скакал, щурясь от снежинок. Нужно позаботиться о еде и отдыхе для солдат. А рано утром он отправится на встречу с Дарро и другими осколками придворной знати, ныне управлявшими Террасеном.

Вместе с Аэлиной.

За ночь снежный покров вырос почти на локоть. Снег густо запорошил шатры, погасил костры. В шатрах было тесно. Солдаты спали вповалку, дабы сохранить драгоценное тепло.

Лисандра провела почти бессонную ночь. Даже обличье призрачного леопарда не спасало от холода, и она дрожала, разлегшись возле жаровни. Потом ей удалось задремать, но ненадолго. Спать мешал не столько холод, сколько мысли о предстоящей встрече.

Она шагала к большому штабному шатру Дарро. Рядом шла Ансель из Верескового Утеса. Обе закутались в несколько слоев одежды. К счастью, холодное утро не располагало к разговорам. Стоило открыть рот, как от морозного воздуха начинали ныть зубы.

Их ненамного опередили фэйцы, сразу узнаваемые по серебристым волосам. Принц Эндимион поклонился ей. Точнее, Аэлине.

Жене своего двоюродного брата. Он считал, что перед ним настоящая Аэлина, террасенская королева. Учивость не позволяла Эндимиону приняться к Аэлине. Тогда бы он сразу обнаружил странный, чужеродный запах оборотня.

Хвала богам за его учтивость.

Штабной шатер был почти полон. Террасенская правящая знать, террасенские военачальники, командиры союзников. Все они внимательно рассматривали карту континента, прикрепленную к стене. Карта была нарисована на холсте. Булавки с разноцветными головками отмечали местоположение армий.

В глаза сразу бросалось чудовищное скопление моратских сил на юге. Плотный заслон, сквозь который не пробиться никому из союзников.

– Наконец-то она вернулась, – холодно произнес чей-то голос.

Лисандра изобразила ленивую улыбку и неторопливо прошла к столу. Ансель осталась у входа.

– Слышала, позавчера у вас было весело, а я замешкалась в пути. Жаль. Думала, успею присоединиться к этому веселью и сверну шею хотя бы нескольким валгским демонам.

Ее слова встретили сдержанным смехом. Дарро даже не улыбнулся.

– Не помню, чтобы мы приглашали твое высочество на эту встречу.

– Я ее пригласил, – сказал Эдион, выходя вперед. – Поскольку Аэлина сражается в составе легиона Беспощадных, я сделал ее своей непосредственной заместительницей. Ее присутствие необходимо по долгу службы.

Неужто никто не замечал тень боли, промелькнувшую на лице Эдиона? К боли примешивалось отвращение к самозванке, выдающей себя за королеву.

– Прошу меня извинить за доставленное разочарование, – негромко произнесла Лисандра, обращаясь к Дарро.

Тот вновь повернулся к карте. Вошли Равэн и Соэл. Соэл уважительно кивнул Аэлине, а Равэн наградил ее улыбкой. Аэлина подмигнула братьям и тоже повернулась к карте.

– Позавчера наши войска под командованием Эдиона Ашерира разгромили вторгнувшиеся силы Мората, – говорил Дарро. – Я считаю, что теперь надлежит переместить войска на Фералийскую равнину и подготовить Оринф к осаде.

Слан, Ганнер и Аронвэд – такие же старые осколки прежнего королевства – одобительно закивали.

Эдион, явно догадывавшийся о предложении Дарро, покачал головой:

– Эраван расценит это как наше бегство под натиском его сил, а мы еще больше отделимся от потенциальных союзников на юге.

– Стены Оринфа выдержат атаки катапульта, – заявил Ганнер.

Весь седой, он был старше и, пожалуй, вдвое мерзопакостнее Дарро.

– Если к Оринфу подтянут ведьмины башни, город не спасут никакие стены, – возразил Рен Ручейник.

– А кто их видел – эти ведьмины башни? – ехидно спросил Дарро. – Почему мы должны верить словам врага?

– Этот враг теперь наш союзник, – сказала Аэлина – Лисандра; Дарро поморщился. – Манона Черноклювая не солгала. Она и ведьмы ее отряда Тринадцати видели это собственными глазами, пока не порвали с Моратом и не перешли на нашу сторону.

Фэйцы и Ансель закивали.

– Только сражались они против Маэвы, – напомнил бывший королевский придворный Слан – невероятно тощий старик с каменным лицом и крючковатым носом. – Не забывайте: та битва велась против Маэвы, не Эравана. Согласятся ли они воевать против соплеменниц? Ведьмы до самой смерти остаются верными своему клану. К тому же они хитрее и изворотливее лис. Возможно, Манона Черноклювая и ее шабаш разыграли перед вами преследуемых беглянок и вдоволь накормили вас ложью.

– Манона Черноклювая восстала против собственной бабушки – верховной ведьмы клана Черноклювых, – сказал Эдион с опасными нотками в голосе. – Сомневаюсь, что железные занозы, которые мы вытаскивали из ее живота, были частью розыгрыша.

– Повторяю: ведьмы необычайно изворотливы, – стоял на своем Слан. – Они вам что угодно изобразят.

– Ведьмины башни – это реальность, – холодным, спокойным тоном Аэлины проговорила Лисандра. – Я не собираюсь тратить время и силы на доказательство их существования. И подставлять Оринф под их удар тоже не собираюсь.

– Значит, пограничными городами ты готова рискнуть? – с вызовом спросил Дарро.

– Я рассчитываю уничтожить башни раньше, чем они достигнут холмов вокруг Оринфа, – подражая небрежной манере Аэлины, заявила Лисандра.

Только бы у Эдиона имелся какой-то замысел!

– Видно, ты собралась уничтожить их огнем, которым так великолепно умеешь повелевать, – в тон ей ответил Дарро.

Лисандре не понадобилось изобретать отчаянную ложь. Ансель ее опередила:

– Эраван любит с помощью небольших ухищрений нагонять на нас страх. Воспользуемся его же тактикой. Пусть ломает голову и тревожится, почему Аэлина до сих пор не применяет свой испепеляющий огонь. А вдруг она бережет силы для чего-то невообразимо мощного? Я очень надеюсь, что для Эравана это окажется адом крошечным.

Ансель нагло подмигнула королеве.

– Еще как окажется, – пообещала Лисандра, улыбаясь правительнице Верескового Утеса.

Она почувствовала взгляд Эдиона, глубоко спрятанную боль и тревогу. Но вслух командир отряда Беспощадных сказал другое:

– Высадка в Элдризе имела целью усыпить нашу бдительность. Заставить нас усомниться в стратегической мудрости Мората, раз он послал сюда такое отребье. Ему нужно, чтобы мы недооценивали его возможности. Если мы переместим свои силы к границе, пересеченная местность замедлит продвижение вражеских войск. Более того, нам эта местность хорошо знакома, а Эравану – нет. Мы получаем весомое преимущество.

– А если он направит войска через Задубелый лес? – спросил Ганнер, указывая на дорогу, проходящую мимо Эндовьера. – Что тогда?

Ему ответил Рен Ручейник:

– У нас и там будет преимущество. Задубелый лес нам известен не хуже равнин. К тому же этот древний лес не благоволит Эравану и его силам, сохраняя верность Брэннону. И потомкам Брэннона.

Взгляд Рена, брошенный в сторону Лисандры, был внешне холодным, но она уловила крупицу тепла. Она сдержанно улыбнулась Рену. Тот оставил улыбку без внимания, вновь глядя на карту.

– Если мы передвинем наши силы к границе, мы рискуем их потерять, – заявил Дарро. – И тогда Перрант, Оринф и все остальные большие и малые города королевства окажутся во власти Эравана.

– Оба варианта небезупречны, – сказал принц Эндимион, выходя вперед.

Он был старше всех собравшихся, хотя внешне никто бы не дал ему больше двадцати восьми.

– Ваша армия слишком малочисленна. Делить ее пополам опасно. На север или на юг, но должны идти все.

– Я бы выбрала юг, – сказала принцесса Селиана, двоюродная сестра Эндимиона и Рована.

Лисандра чувствовала: принцессе любопытна личность Аэлины, и не более того. Селиана будто не торопилась сблизиться, когда война может уничтожить все дружеские связи и их

самых. Лисандра часто наблюдала за принцессой и всякий раз приходила к выводу, что мудрость и осмотрительность Селианы – результат ее долгой жизни. Однако принцесса не замыкалась целиком на себе.

– Там больше путей к отступлению, если возникнет такая необходимость.

Загорелый палец Селианы ткнулся в карту. В складках изумрудного плаща мелькнула серебристая коса.

– В Оринфе вы спиной упираетесь в горы.

– В Оленьих горах есть тайные проходы, – невозмутимо заявил Слан. – Десять лет назад много наших спаслось, уйдя по ним от адарланского вторжения.

Споры и обсуждения продолжались. Голоса собравшихся звучали то громче, то затихали, пока Дарро не объявил голосование, в котором участвовали лишь шестеро нынешних правителей Террасена. Они, а не Эдион решали судьбу армии.

Соэл и Рен проголосовали за поход к границе. Дарро, Слан, Ганнер и Аронвэд – за оборону Оринфа.

В шатре стало тихо.

– Если союзники не склонны поддержать наше решение, они могут нас покинуть. Мы не брали с них никаких обязательств.

Лисандра чуть не подпрыгнула.

Эдион даже зарычал. В его глазах мелькнула тревога.

Но вперед вышел принц Галан. До сих пор он оставался слушателем и наблюдателем. Добродушная улыбка не мешала ему храбро сражаться на суше и на море. Он пристально взглянул на Аэлину, и его глаза – того же цвета, что у нее, – ярко вспыхнули.

– Никудышными союзниками мы бы оказались, если бы бросили наших друзей лишь потому, что их решения расходятся с нашими, – произнес он со своим сочным, певучим вендалинским акцентом. – Мы обещали помочь в этой войне. Вендалин не отступит от своих обещаний.

Дарро напрягся. Не от слов, а оттого, что они обращены к ней. К Аэлине.

Лисандра склонила голову, приложив руку к сердцу.

Следом заговорил принц Эндимион:

– Я принес клятву своему двоюродному брату, твоему супругу.

Эти слова заставили встрепетаться террасенских правителей, не признававших Аэлину королевой. Титул Рована они тоже не признавали, не делая особой разницы между ним и Анселью из Верескового Утеса.

– Поскольку я сомневаюсь, что в Доранелле нас встретят с распростертыми объятиями, хотелось бы думать... Если мы общими усилиями разобьем Эравана, Террасен мог бы стать для нас новой родиной.

– Добро пожаловать в Террасен, – ответила Лисандра. – Я говорю это всем, кто пожелает здесь остаться на какое-то время или навсегда.

Она чувствовала: настоящая Аэлина дала бы такой ответ.

– Ты не уполномочена приглашать кого-либо от имени Террасена, – бросил ей Ганнер.

На него даже не взглянули. Но Илиас из братства Молчаливых ассасинов торжественно кивнул, заявляя о своей согласии остаться. Ансель снова подмигнула Аэлине:

– Я приехала издалека, чтобы помочь тебе разбить этого мерзавца в пух и прах. Не понимаю, с чего я должна возвращаться обратно.

Лисандре не понадобилось изображать благодарность. У нее сдавило горло. Она поклонилась всем союзникам, собранным ее королевой.

В шатер вошел темноволосый молодой человек. Его серые глаза забежали по лицам присутствующих и заметно округлились, когда он увидел Аэлину. Он тут же взглянул на Эдиона, словно желал убедиться. При виде золотистых волос и бирюзовых глаз вошедший побледнел.

– Что там у тебя, Нокс? – сердито спросил Дарро.

Гонец выпрямился и поспешил к нему, чтобы прошептать что-то на ухо.

– Пусть войдет, – коротко ответил Дарро.

Нокс вышел (при своем высоком росте двигался он изящно), а в шатре появился другой человек – ниже ростом, чем Нокс, с неестественной бледной кожей.

– У тебя послание из Элдриса? – спросил Дарро, протягивая руку за письмом.

Лисандра учуяла незнакомца одновременно с Эдионом. За мгновение до того, как незнакомец улыбнулся и сказал:

– Эраван шлет вам привет.

Следом на нее обрушился поток черного ветра.

Глава 17

Лисандра пригнулась, но недостаточно быстро, и черный ветер полоснул ее по руке.

Она упала и откатилась в сторону, как ее когда-то учил Аробинн. Эдион был уже рядом, держа меч наготове. Он защищал свою королеву.

Энда (так близкие называли Эндимиона) и Селиана откликнулись вспышкой света и волной холода. Посланец Мората оказался на коленях. Его черная сила ударялась о невидимую преграду ледяного ветра.

Все, кто находился в шатре, выхватили оружие и окружили вражеского посланца. Мечи Илиаса и Ансели были направлены на него, а их оборонительные позы выглядели зеркальным отражением. Ничего удивительного, ведь у них был один учитель, уроки которого они постигали под обжигающим солнцем. Правда, друг на друга они не смотрели.

Рен, Соэл и Равэн окружили Лисандру – Аэлину, готовые пролить кровь моратского лазутчика. Двор, возникший совсем недавно, объединился вокруг своей королевы.

И пусть старики, называющие себя правителями Террасена, поспешили встать по другую сторону стола. Их лица сделались пепельно-серыми. Только Галан Ашерир занял место у выхода, намереваясь в случае чего помешать вражескому посланцу выбраться из шатра. Смелый поступок и... глупый, учитывая, что за существо находилось сейчас в кольце фэйской магии.

– Неужели никто не учуял в нем валгского демона? – спросил Эдион.

Взяв Лисандру за здоровую руку, он помог ей встать.

На шее моратского посланца не было каменного ошейника. Черного кольца на его бледных пальцах тоже не было.

Лисандра поднесла руку к рваной ране в предплечье. Ее замутило. Она поняла, какое сердце бьется в груди пленного. Сердце из железа и Камня Вэрда.

Меж тем пленный засмеялся и прошипел:

– Беги в свой замок. Мы...

Он принялся, затем посмотрел на Лисандру, на кровь, что текла у нее по руке, пачкая поношенный камзол цвета морской волны. Когда-то его носила настоящая Аэлина. Темные глаза распахнулись от удивления и удовлетворения. Казалось, еще немного – и его губы произнесут: «Оборотень».

– Убейте его! – под громкий стук сердца приказала Лисандра фэйским союзникам.

Никто не посмел возразить. Никто не сказал, что она и сама может его сжечь.

Эндимион поднял руку. Посланец, одержимый валгским демоном, стал задыхаться. Его глаза сделались совсем черными, не осталось даже тонкого белого ободка. Причиной была не смерть, витающая над ним. По длинной связующей обсидиановой нити он передавал послание: Аэлины Галатинии здесь нет. Это сулило гибель всем, кто здесь находился.

– Довольно! – прорычал Эдион.

Его лицо побледнело от страха, ибо он тоже сообразил, что посланец успел передать хозяину важную новость.

Сверкнул Меч Оринфа, брызнула черная кровь, и отсеченная голова посланца упала на ковер.

Стало тихо. Лисандра тяжело дышала, разглядывая рану. К счастью, неглубокую, но требующую внимания.

Ансель из Верескового Утеса спрятала в ножны свой меч с эфесом в виде волчьей головы и похлопала Лисандру по плечу. Тряхнув рыжими кудрями, она осмотрела рану, затем покосилась на обезглавленный труп:

– Мелкие пакостники. Как клопы.

Аэлина наверняка съязвила бы по этому поводу, вызвав смех, но Лисандру не тянуло шутить. Она только кивнула на черное пятно, расползающееся по полу. Фэйцы морщились от валгского зловония.

– Уберите все следы, – распорядился Дарро, обращаясь неизвестно к кому.

Даже у него слегка тряслись руки.

Нокс стоял у входа, косясь на обезглавленного валга. Встретившись взглядом с Лисандрой, он отвел глаза и, словно оправдываясь, пробормотал:

– У него не было кольца.

Эдион подошел к столу с нетронутыми угощениями, оторвал лоскут от скатерти и начисто вытер лезвие Меча Оринфа.

– Ему и не требовалось кольцо, – пробормотал командир легиона Беспощадных.

Теперь Эраван знал, что Аэлины с ними нет, а ее место занимает оборотень.

Эдион шагнул по лагерю. За ним следовала Лисандра – Аэлина.

– Знаю, – бросил он ей, не отвечая на приветствие проходящих воинов.

– И что нам теперь делать? – Лисандра не отставала.

Эдион не останавливался, пока не добрался до своего шатра. В ноздрях застряло зловоние, оставленное валгским демоном. Перед глазами неотступно стояла волна черного ветра, плетью ударившая Лисандру. Крик ее боли все еще звенел у него в ушах.

В душе Эдиона бурлили чувства, требуя выхода.

Лисандра вошла за ним в шатер.

– Что делать будем? – повторила она.

– Для начала убедимся, что в лагере не прячутся другие посланцы, – бросил он, принявшись ходить взад-вперед по шатру.

Эндимион и Селиана уже отправили своих лучших разведчиков.

– Он знает, – прошептала она.

Стремительно повернувшись, Эдион увидел перед собой не Аэлину, а дрожащую Лисандру. Хотя сегодня она выглядела очень убедительно. Убедительнее, чем прежде.

– Он знает, кто я такая.

– Он знает не только это, – вздохнул Эдион, почесывая небритую щеку. – Он знает, что мы направляемся в Оринф, и хочет, чтобы мы там оказались.

Ноги не держали Лисандру. Она присела на койку. Эдиону вдруг отчаянно захотелось сесть рядом, притянуть ее к себе. Он едва удержался.

В шатре остро пахло кровью Лисандры. К запаху примешивался другой – неукротимый запах многих ее обличий. Запахи обволакивали Эдиона, подводя его гнев к опасной черте. Зайди сейчас в шатер кто-то из мужчин, Эдион за себя не ручался бы. Мог и убить.

– Я допускаю, что Эраван не обрадовался, а, наоборот, встревожился, узнав новость, – сказал Эдион, когда к нему вернулась способность думать. – Теперь нашего главного врага одолевают мысли: а почему ее здесь нет? Вдруг она затевает что-то серьезное, что ощутимо ударит по нему? Новости, которые успел передать посланец, вполне могут заставить Эравана раскрыть карты.

– Или со всей мощью нанести по нам удар, зная, насколько мы сейчас ослаблены.

– Мы это скоро увидим.

– В Оринфе будет бойня, – прошептала Лисандра.

Ее плечи согнулись под тяжестью непомерного груза. И не только потому, что судьба втянула ее в эту войну. Одно дело сражаться, будучи собою. Но Лисандре приходилось играть чужую роль – роль могущественной Аэлины, способной остановить и уничтожить валгские орды. У нее таких сил и способностей не было, однако она безропотно несла на себе груз взятых обязательств. Во имя Аэлины. Во имя Террасена.

Пусть Эдион считает ее слова ложью, но этот груз она брала добровольно.

Эдион все-таки сел рядом, глядя не на Лисандру, а на стены шатра.

– Мы не пойдем на Оринф.

Лисандра вскинула голову, не столько от его слов, сколько от тепла его дыхания. Они сидели почти рядом.

– Тогда куда?

У противоположной стены, надетые на манекен, Эдиона ждали его вычищенные и смазанные доспехи.

– Соэл и Равэн с частью своих войск вернутся на побережье, дабы не допустить новых атак с моря. Там они соединятся с остатками вендалинского флота. Галан и его солдаты останутся с нами. Затем мы единой армией отправимся к границе.

– Но четверо других сановников проголосовали против.

Старые дурни, уповающие на прочность городских стен.

Все десять с лишним лет адарланского владычества Эдион балансировал на грани государственной измены, оттачивая и шлифуя свое умение.

– Оставь это мне, – сказал он Лисандре, улыбнувшись одними губами.

Легион Беспощадных оставался верным только Аэлине Галатинии. Верными ей оставались союзники, а также силы Рена Ручейника и солдаты Соэла и Равэна из Сурии.

Верным ей оставался и Нокс Оэн.

Как бы Эдион ни гордился своим замыслом, осуществился он благодаря Лисандре.

Лисандра возвращалась к себе в шатер... в шатер Аэлины, вполне подходящий для какого-нибудь офицера, но не для королевы. Нокс шел следом, не произнося ни слова. Двигался он легко и изящно. Судя по мускулистому телу, прошел хорошую выучку. Внешность обманчива, и этот парень вполне может быть опасным, подумалось Лисандре.

– Итак, Эравану известно, что ты – не Аэлина.

– Что?

Лисандра резко обернулась. Туманный вопрос, чтобы выиграть время. Неужто Эдион рискнул сказать ему правду?

– Я догадался об этом, когда у демона вытянулась физиономия, – с легкой улыбкой пояснил Нокс.

– Должно быть, ты ошибся.

– Да неужели? А ты меня совсем не помнишь?

Лисандра изо всех сил старалась глядеть на него свысока, что не очень-то получалось: бывший вор превосходил ее ростом. От Аэлины она ни разу не слышала ни про какого Нокса Оэна.

– С какой стати мне помнить прислужников Дарро?

– Ты очень стараешься, но Селена Сардотин, когда раздирала противников в клочья, делала это с бóльшим наслаждением.

Он знал о прошлом Аэлины. Лисандра молча пошла дальше, держа путь к своему шатру. Если сообщить Эдиону, как скоро тело Нокса окажется погребенным в мерзлой земле?

– Твоя тайна в безопасности, – тихо сказал Нокс. – Селена... Аэлина была мне другом. Надеюсь, что и сейчас остается.

– Как? – только и спросила Лисандра, коротким вопросом признавая, что играет чужую роль.

– Когда-то мы участвовали в состязании. Это было еще в стеклянном замке. – Нокс усмехнулся. – Честное слово, до сегодняшнего дня я и подумать не мог. В стеклянном замке я оказался волею сановника Йовеля. Был шпионом мятежников. Я тогда впервые выбрался за пределы Перранта и уж никак не думал, что вместе с моей королевой буду участвовать в

состязании. – Нокс негромко рассмеялся, удивляясь такому повороту событий. – До этого я несколько лет помогал мятежникам, оставаясь при этом вором. Им понадобились глаза и уши в стеклянном замке. Мятежники хотели знать о замыслах адарланского короля. Я снабжал их сведениями, пока это не стало слишком опасным занятием. Пока Сел... Аэлина не посоветовала мне бежать из замка. Я послушался и вернулся сюда. Йовеля уже нет в живых – погиб весной в столкновении на границе. Он командовал небольшим отрядом мятежников. Потом Дарро забрал меня к себе, сделав своим гонцом и шпионом. Вот так я и оказался здесь.

Нокс мельком взглянул на Лисандру. Его лицо и сейчас было полно восхищения.

– Я в твоём распоряжении, даже если ты... это не ты. Кстати, а кто ты?

– Аэлина.

– Честный ответ, – понимающе улыбнулся Нокс.

Лисандра остановилась перед шатром, неподобающе маленьким для королевы. Невдалеке стоял шатер Рена.

– Сколько стоит твоё молчание? Или ты уже успел сообщить Дарро?

– А почему я должен ему сообщать? Я служу Террасену и династии Галатиниев. И всегда служил.

– Я слышала, что Дарро всерьёз претендует на трон, упирая на свои особые отношения с Орлоном.

– Плевать мне на притязания Дарро! Сегодня я узнал, что женщина-ассасин, которую я привык считать другом, оказалась королевой. Представляешь? Королева не погибла в детстве, как мне внушали. Думаю, боги ясно указали мне направление дальнейших действий.

Лисандра отодвинула полог. Тепло жаровни манило поскорее зайти внутрь.

– А если бы я тебе сказала, что нынче вечером нам понадобится твоя помощь и что затея эта опасная? Ты рискуешь быть обвинённым в предательстве.

Нокс слегка поклонился:

– Я бы ответил, что рад вернуть долг моему другу Селене. Она не только вовремя предупредила меня о необходимости убраться из замка. До этого она спасла мне жизнь.

Лисандра не знала, почему поверила гонцу. У неё была природная интуиция на мужчин, никогда её не подводившая. Правда, в прежней жизни ей не всегда удавалось следовать её подсказкам. Но она хотя бы знала, чего опасаться.

Нокс Оэн не лукавил. Доброта на его лице была искренней, как и слова. Ещё один союзник Аэлины, о котором королева даже не подозревала.

Лисандра знала: Эдион примет её замысел, пусть он и продолжал её ненавидеть. И потому она подошла к Ноксу вплотную и прошептала:

– Тогда слушай внимательно.

Все было сделано тихо и чисто. Каждая часть замысла осуществлялась безупречно, словно боги взялись им помогать.

Нокс Оэн униженно повинился перед Дарро за то, что не распознал валгского посланца, и во искупление вины взялся прислуживать сановникам за обедом. Он сам подавал вино Дарро, Слану, Ганнеру и Аронвэду. Снадобье, добавленное туда Ноксом, было не ядом, а лишь сильным снотворным.

– Этого охламона даже рычащий медведь не разбудит, – удовлетворенно заключила Ансель.

Слова относились к сановнику Ганнеру, храпящему на койке. Ансель приподняла ему руку. Рука тут же упала. Ганнер не шевельнулся.

Лисандра в обличье полевой мыши пряталась в тени. Слова правительницы Верескового Утеса были для неё достаточным подтверждением.

В ту ночь крепко уснули не только четверо сановников, но и верные им солдаты. Об этом позаботились Галан, Илиас, Рен и Равэн, щедро угощавшие солдат вином у лагерных костров.

Назавтра, проснувшись около полудня, сановники и их солдаты обнаружили, что, кроме кучки шатров, вокруг ничего нет, если не считать кружащейся поземки.

Лагерь исчез. Исчезла и армия.

Глава 18

Когда рукк опустился на парапет серой каменной крепости, что высилась на южной окраине Аньеля, никто не поднял тревоги. Крепость молчала, а горожан вряд ли тянуло задирать голову и смотреть в холодное небо.

Караульные на парапете не произнесли ни звука. Один скрылся в сумрачных недрах крепости, остальные направили оружие на Шаола и Ириану, слезавших с могучей птицы.

Холод в открытом море не шел ни в какое сравнение со здешним. С гор, к которым приютился Аньель, дул пронизывающий ледяной ветер. Холодом веяло и от Серебряного озера – настолько плоского, что оно казалось громадным зеркалом, брошенным под серыми небесами.

Шаол знал Аньель как свои пять пальцев. Ириана познакомилась с городом еще в Антике, путешествуя по воспоминаниям мужа (тогда ее подопечного) и слушая его рассказы. Крыши здешних домов были облицованы серым камнем, добывавшимся неподалеку. Древесину давал Задубелый лес. Он подходил к самым границам равнины, на которой и стоял Аньель. Серебряное озеро почти со всех сторон окружали отроги Белоклычих гор. На одном из их бесплодных склонов и стояла Эстфольская крепость.

Ее этажи начинались на равнине и поднимались почти вровень с соседней горой. Нижние ворота тонули в снегу. Слева крепость частично смыкалась с городом. Ее и начинали строить как крепость, многочисленные ярусы которой, парапеты, стены и ворота должны выдерживать вражескую осаду. О том, сколько было таких осад, рассказывали выбоины на сером камне. Но главные удары всегда принимала на себя толстая внешняя стена, окружавшая крепость.

Впечатляющая, устрашающая, неприступная. По словам Шаола, строители крепости возводили ее не для красоты и не думали об уюте внутренних помещений. Ириану поразило полное отсутствие разноцветных флагов на башнях. Никаких запахов, присущих человеческому жилью. Только пронизывающе холодный, сырой ветер.

С верхних башен, покрытых коркой лишайников, открывался вид на многие лиги вокруг. Озеро, равнина, город, лес, склоны гор – всё как на ладони. Сколько долгих часов провел ее муж, вышагивая по коридорам и парапетам, глядя в сторону Рафтхола и мечтая оказаться где угодно, только не в этом сумрачном, холодном месте?

Шаол не отходил от Ирианы ни на шаг. Равнодушный к мечам дюжины караульных, направленным на него, он представился им и сообщил, что господин Шаол Эстфол желает видеть своего отца, причем немедленно.

Ириана впервые слышала, чтобы он говорил таким голосом – властным, как и надлежит господину управителю.

Значит, она – госпожа управительница, хотя долгий суровый перелет заставил ее сменить привычную одежду на теплые доспехи руккинов, а волосы из разлохматившейся косы торчали во все стороны. Ириана не представляла, сколько времени ей понадобится, чтобы их расчесать. Конечно, если предварительно она сумеет их вымыть.

Супруги Эстфол молча стояли на парапете. Рука Шаола, обтянутая теплой перчаткой, сжимала руку Ирианы. Ветер трепал мех на воротнике его тяжелого летного плаща. Лицо Шаола выражало лишь мрачноватую решительность, а вот рука... Ириана знала, сколь тяжело ему возвращение в родные края.

Ей накрепко запомнились жуткие картины, увиденные в душе Шаола, особенно та, где отец столкнул его с каменной лестницы и Шаол скатился вниз, только чудом не сломав себе шею. Правда, на лбу остался шрам, прикрытый волосами. Шаол тогда был совсем мальчишкой. Мало того что отец столкнул его с обледелой лестницы. Если бы не помощь караульных, до Рафтхола Шаол добирался бы пешком.

Ириана очень сомневалась, что характер ее свекра изменился в лучшую сторону.

Явно нет, о чем свидетельствовало появление сухопарого человека в сером мундире. На лице с выпиравшими скулами не было даже тени улыбки.

– Проходите сюда.

Ни титула, ни даже вежливого обращения. Вообще ни одного теплого слова.

Ириана крепче сжала руку мужа. Они прилетели сюда не ради жестокосердного самодура, оставившего столько ужасных шрамов на душе Шаола. Их цель – предупредить жителей Аньеля о грядущей опасности. «Эти люди заслуживают нашей помощи и защиты», – мысленно твердила Ириана, входя в сумрачный коридор.

Высокие потолки, узкие стены. Окна в самом верху, больше похожие на бойницы и почти не дававшие света. В старинных жаровнях перемигивались угли, однако внутри было не намного теплее, чем снаружи. Кое-где на стенах висели ветхие, потускневшие шпалеры. И – тишина. Ни музыки, ни смеха, ни разговоров.

Неужто эта старинная крепость, продуваемая насквозь, и была отчим домом Шаола? По сравнению с дворцом хагана – лачуга, непригодная даже для гнезд рукков.

Угадав мысли жены, Шаол наклонился к ее уху и так, чтобы не слышал провожатый, пояснил:

– Мой отец не считает разумным тратить на удобства. Раз крепость стоит и не рушится, перемены излишни.

Он пытался шутить. Ириана добросовестно улыбнулась, хотя каждый шаг лишь усугублял ее негодование. Их молчаливый провожатый остановился перед высокой двустворчатой дверью, обшарпанной, со следами гнили. На однократный стук провожатого изнутри донеслось:

– Пусть войдут.

Холодный, язвительный голос заставил Шаола содрогнуться.

Двери распахнулись. За ними был такой же сумрачный зал с колоннами по стенам. Из окон лился тусклый свет. Вдоль зала тянулся длинный стол, за которым свободно разместились бы сорок человек. Сидевший во главе стола не счел нужным встать и выйти навстречу сыну и невестке. И не произнес больше ни слова.

Каждый их шаг отзывался гулким эхом. Слева в громадном очаге жарко полыхал огонь, но тепло его рассеивалось в пространстве зала. Перед правителем Аньеля стоял кубок с вином и несколько тарелок с объедками. И больше никого из членов семьи – ни матери Шаола, ни младшего брата.

Но лицо сидящего... Так будет выглядеть Шаол через несколько десятилетий. Или выглядел бы, пойдя он холодностью и бездушием в отца.

Ириана не представляла, как ее мужу удалось наклонить голову и произнести:

– Здравствуй, отец.

Никогда Эстфольская крепость не вызывала у Шаола чувства стыда. Только пройдясь по ней с Ирианой, он вдруг увидел крепость ее глазами. Всю пыль, грязь, запустение. Куда ни взгляни – везде требовался основательный ремонт.

И в это унылое, холодное место он привез свою жену, полную света и тепла. При мысли, каково Ириане находиться здесь, Шаол захотелось увести ее к ожидавшему рукку и полететь обратно на побережье.

Но теперь, увидев отца, который не пожелал даже встать и выйти им навстречу, увидев стол и неубранные тарелки, Шаол почувствовал, что надо крепко взять себя в руки. Иначе можно погубить все, ради чего они сюда летели.

Отец был в широкополом плаще с меховой подкладкой. Когда-то он вот так же восседал в этом кресле, главенствуя за столом. Но тогда зал был полон гостей. Сюда приезжала адарланская знать, придворные, полководцы.

А теперь здесь пусто и мертво, как в склепе.

– Ты снова ходишь, – произнес отец, пристально оглядев Шаола с головы до ног.

Внимание задержалось на руке, в которой Шаол держал руку Ирианы. Глупо было рассчитывать, что отец поздравит его с женитьбой. Скорее ударит, и побольнее, выбрав самое уязвимое место.

– Последнее, о чем я слышал... у тебя даже пальцы не шевелились.

– Благодаря этой женщине я снова хожу, – ответил Шаол.

Его поразило, с какой холодностью Ириана смотрела на отца. Шаол и не подозревал, что его жена умеет так смотреть. Казалось, она подумывает, как бы заставить Эстфол-старшего заживо гнить изнутри. Эта мысль достаточно вдохновила Шаола, и он сказал:

– Познакомься. Моя жена, госпожа Ириана Торас-Эстфол.

Легкое удивление, появившееся на отцовском лице, быстро исчезло.

– Стало быть, целительница, – пробормотал отец и принялся беззастенчиво разглядывать Ириану, отчего Шаолу захотелось что-нибудь разгромить в этом зале. – Насколько мне известно, род Торасов не принадлежит к знати.

«Напыщенный идиот!» – подумал Шаол.

– Возможно, и не принадлежит, господин Эстфол, – ответила Ириана, подняв голову повыше. – Меня это никогда не занимало. Но по достоинству и значимости моя родословная ничуть не уступает родословным знати.

– Эта хотя бы говорить умеет, – усмехнулся Эстфол-старший, отхлебнув вина.

Шаол так сжал пальцы другой руки, что кожа перчатки закрипела.

– Лучше, чем твоя прежняя подружка. Дерзкая, самодовольная. Наверное, все ассасины такие.

Удара не получилось. Ириана все это знала. Знала, чью записку хранила у себя в медальоне. Но не предвидела, что за первой атакой последует вторая.

– Однако та дерзкая, самодовольная особа оказалась королевой Террасена, – добавил Эстфол-старший и сухо рассмеялся. – Какой куш ты бы мог сорвать, сынок, сумей ты ее удержать!

– Ириана – самая искусная целительница в своем поколении, – с убийственным спокойствием проговорил Шаол. – Ее знания и способности ценнее любой короны.

И начавшаяся война это подтвердит.

– Не трать понапрасну слов, пытаясь доказать своему отцу мою ценность, – сказала Ириана, не сводя ледяного взгляда с Эстфол-старшего. – Я точно знаю, какая сила дарована мне богами и каковы мои возможности. До сих пор я спасала жизни, обходясь без чьих-либо благословений.

Ириана говорила то, что думала.

Эстфол-старший вновь смерил ее взглядом, и опять в его глазах мелькнуло любопытство.

Если бы несколько минут назад Шаола спросили, как поведет себя Ириана во время встречи с его отцом, он бы пожал плечами. Но ему и в голову не приходило, что она ничуть не оробеет перед Эстфолом-старшим и вообще будет держать себя с его отцом на равных.

– Вряд ли ты явился сюда, чтобы наконец исполнить клятву, которую в свое время мне давал, – сказал отец, откидываясь на спинку кресла.

– То обещание нарушено, и я готов принести извинения, – ответил Шаол и, не дожидаясь, пока Ириана снова его одернет, продолжил: – Мы прилетели, чтобы тебя предостеречь.

– О чем? – язвительно спросил отец, морща лоб. – О том, что силы Мората пришли в движение? Это я знаю и без тебя. Потому-то я заблаговременно отправил твою дорогую мать и твоего брата в горы.

Усилием воли Шаол подавил досаду. А ведь ему так хотелось обстоятельно поговорить с матерью и братом.

– Да, силы Мората пришли в движение. И движутся они напрямик на Аньель. Наконец-то отца прошибло!

– Десятитысячная армия. Цель проста: сровнять Аньель с землей.

Ему не привиделось: отец действительно побледнел.

– И ты ручаешься за достоверность сведений?

– Я вернулся на наш континент вместе с армией, посланной хаганом. В нее входит легион руккинов. Сведения получены от разведчиков, которые ранее захватили нескольких вражеских солдат. Пока мы говорим, руккины летят на помощь Аньелю. Но дарганская пехота доберется сюда лишь через неделю, а то и позже. Мы с Ирианой бросили все и полетели сюда. Тебе необходимо собрать все здешние силы и позаботиться о жителях города. Дорог каждый час.

Отец покачивал кубок, смотрел на игру вина и хмурился.

– Здесь нет сил, способных дать отпор десятитысячной армии.

– Тогда начни эвакуацию. Собери внутри крепости столько горожан, сколько возможно.

Приготовься к осаде.

– Вообще-то, мальчик мой, правителем Аньеля покамест являюсь я. Мне некому передать бразды правления. Ты был рад откреститься от этой ноши, причем дважды.

– У тебя есть Террин.

– Террин – ученый, а не воин. Иначе стал бы я его отсылать, как малого дитя? – На лице Эстфола-старшего вновь появилась язвительная усмешка. – Неужто в тебе заговорила совесть и ты явился проливать кровь за Аньель? Осознал все-таки долг перед родным городом?

– Не смейте говорить с сыном в таком тоне, – вмешалась Ириана.

Голос ее звучал спокойно, однако Шаол знал, до чего опасно это спокойствие.

Отец пропустил слова Ирианы мимо ушей. Но она не смешалась и, встав рядом с Шаолом, сказала:

– Я – преемница верховной целительницы Торра-Кесме. Я вернулась сюда по просьбе вашего сына и потому, что тоже родилась на Эрилее, хотя и в другом королевстве. Мое ремесло более чем пригодится в грядущих сражениях. Кроме меня, на войну добровольно отправились еще двести целительниц Торры. Ваш сын несколько месяцев подряд выковывал союз с хаганом, и теперь вся военная мощь хагана направляется сюда, дабы спасти жителей континента, включая и ваш Адарлан. Вы тут сидите в своей обветшалой крепости и бросаете сыну одно оскорбление за другим. Так знайте: ваш сын добился того, чего не удалось бы никому, и если ваш город уцелеет, это произойдет благодаря Шаолу, а не вам.

Эстфол-старший молча смотрел на Ириану и медленно моргал.

Шаол едва удержался, чтобы на глазах у отца не заключить ее в объятия и не поцеловать.

– Приготовь крепость к осаде, – повторил он отцу. – Задействуй все возможности обороны, иначе Серебряное озеро станет красным от крови. Эраваново зверье не пощадит никого.

– Я не хуже тебя знаю историю нашего города.

Шаол чувствовал бесполезность этого разговора, однако все же спросил:

– Так ты поэтому не склонился перед Эраваном?

– Не только перед ним, но и перед марионеточным королем, – ответил Эстфол-старший, ковырнув вилкой остывшее жаркое.

– Получается, ты знал, что отец Дорина одержим валгским демоном?

Пальцы Эстфола-старшего замерли на большом ломте хлеба. Единственный признак, что вопрос сына застал его врасплох.

– Нет. Я лишь знал, что он создаст... неестественно большую армию. Адарлану тогда никто не угрожал, и воевать с нами никто не собирался. Я никогда не был королевским прислугой, что бы ты обо мне ни думал. – Он пододвинул хлеб к себе. – Мои стремления уберечь тебя от опасности дали обратный результат. Ты оказался в самой их гуще.

– Какое значение это имеет сейчас?

– Помнишь наш разговор в Рафтхоле? Я был с тобой откровенен. Террин – не воин. Это не заложено в его сердце. Я видел, что происходит в Морате и в Ферианской впадине. Естественно, мне требовалось присутствие старшего сына, дабы было кому подхватить меч, если я погибну. И вот ты вернулся. Но не поздно ли? Тень Мората наползает на нас со всех сторон.

– Почти со всех, – возразил Шаол, махнув в сторону Белоклычьих гор, едва видневшихся в высоком окне. – Судя по слухам, Эраван месяцами уничтожал дикарей, обитающих в Белоклычьих горах. Если тебе недостает солдат, обратись к ним за подмогой.

– К полудиким кочевникам, которые с наслаждением убивали наших людей? – поморщился отец.

– И наши люди с таким же наслаждением убивали их, – напомнил ему Шаол. – Вторжение армии Эравана могло бы нас объединить.

– И что мы им пообещаем? Эти горы принадлежат нам с незапамятных времен. Когда Гавин Хавильяр воссел на адарланском троне, Белоклычьи горы уже были нашими.

– Пообещайте им что угодно. Хоть луну с неба, если это убедит их помочь, – сказала Ириана.

– А ты, будучи преемницей верховной целительницы, пообещала бы кому-нибудь луну с неба? – с прежней язвительностью спросил Эстфол-старший.

– Полегче, отец! – рявкнул Шаол.

Отец будто не слышал предупреждения.

– Я скорее соглашусь, чтобы мою голову насадили на копье, чем отдам горным дикарям хотя бы пядь ангельской земли. И уж тем более я не стану просить у них помощи.

– Надеюсь, горожане вас поддержат, – сказала Ириана.

Эстфол-старший встретил ее слова очередным сухим смешком:

– А ты мне нравишься больше, чем королева-ассасин. Возможно, брак с простолюдинкой укрепит ослабший хребет нашего рода.

Шаол не слышал ничего, кроме гула собственной крови. Ириана холодно улыбнулась Эстфолу-старшему:

– Я ничуть не ошиблась. Таким я вас и представляла.

Отец ответил насмешливым кивком.

– Подготавливай город и крепость, пока еще есть время, – сквозь зубы произнес Шаол. – Иначе сполна пожнешь плоды собственного упрямства.

Глава 19

Ириана стойко выдержала разговор с отцом Шаола, но в коридоре ее начало трясти. Дрожь не прекратилась и спустя четверть часа, когда они добрались до отведенной им комнаты: тесной, зато (хвала богам!) теплой. По здешним меркам она считалась уютной. Основное пространство занимала кровать. Рядом стоял низкий колченогий столик, а на нем – заржавленная лохань и кувшин с горячей водой.

Отнюдь не покои, достойные сына местного правителя. У Шаола вспыхнули щеки, сколько он ни приказывал себе успокоиться.

– Не забывай, что я лишен наследства и всех привилегий, – сказал он не столько Ириане, сколько самому себе, привалившись спиной к закрытой двери.

Тут же, на полу, лежали их дорожные мешки.

– В таких комнатах размещали гостей.

– Уверена, отец сам выбирал для тебя комнату.

– Я и не сомневался.

– Он еще хуже, чем ты рассказывал, – вырвалось у Ирианы.

– Зато ты вела себя бесподобно, – устало улыбнулся Шаол. – Я просто восхищался.

По крайней мере, отец согласился на эвакуацию жителей городских окраин, и, когда Шаол с Ирианой добрались до этой комнатенки, в крепости вовсю начали готовиться к осаде. Шаол так и не понял, нужна ли отцу его помощь. Пока что требовалось хорошенько выспаться. Отцовские замыслы обождут до завтра.

Да и его жена, при всей ее решимости и бесстрашии, тоже нуждалась в отдыхе, хотя и не сознавалась в этом.

Шаол оттолкнулся от двери. Ириана мерила шагами пол перед кроватью.

– Мне больно, что тебе пришлось выслушивать его гадости.

– Разговор был не таким уж долгим, – отмахнулась она. – Мне больно, что ты годами терпел его самодурство.

При всем, что ожидало их в ближайшие дни, после разговора с жестоким и черствым человеком, управлявшим этим городом, Ириана не потеряла присутствия духа, не погасла внутри. Шаол подошел к ней, взял за руку и провел пальцем по обручальному кольцу.

– Лучше бы ты вместо него встретила с моей матерью, – тихо сказал жене Шаол.

Неистовый блеск в глазах Ирианы стал мягче.

– Я тоже жалею, – призналась она. – Честно говоря, я была удивлена, что твой отец все же позаботился о жене и младшем сыне и при первых признаках угрозы отправил их в безопасное место.

– Только не считай это заботой. Они для него – такое же имущество. Не удивлюсь, если вместе с матерью и Террином он отослал и значительную часть своих сокровищ.

Услышав про сокровища, Ириана недоверчиво оглядела убогую комнату.

– Крепость крепостью, а Аньель считается одним из богатейших мест Адарлана. – Шаол поцеловал пальцы Ирианы, затем кольцо. – Катакомбы забиты ценностями – золото, драгоценные камни, доспехи. Ходят легенды, что там спрятано достояние целого королевства.

Ириана удивленно хмыкнула, однако тут же заговорила о своем:

– Надо было попросить Сартака и Несарину привезти сюда не пятьдесят целительниц, а больше.

Перед отлетом решили, что Хазифа останется с пехотинцами и конниками, а ее заместительница Эреция полетит сюда, взяв под свое командование полсотни целительниц, в число которых входила и Ириана.

– Будем довольствоваться тем, что есть. Сомневаюсь, что в Аньеле найдется хотя бы одна целительница, обладающая магическими способностями.

У Ирианы дрогнуло горло.

– Продержится ли эта крепость до подхода нашей армии? Посмотришь – она и натиска зимы не выдержит, не то что вражескую осаду.

– Враги, когда увидят ее, тоже решат, что она вот-вот обвалится. Но крепость стоит более тысячи лет. Она выдержала натиск второй армии Эравана, хотя от Аньеля тогда остались сплошные развалины. Выдержит и третью войну с ним.

– А куда переместят людей? В горах полным-полно снега.

– Там есть перевалы. Небезопасные, конечно. Но через них можно выбраться в Западный край. Это при условии, что беженцы будут держаться вместе и возьмут достаточно припасов.

Шаол мысленно перебрал другие варианты. Идти на север от Аньеля означало угодить в смертельную ловушку, поскольку в Ферианской впадине хозяйничали ведьмы. Путь на юг привел бы беженцев напрямик в Морат, а идя на восток, они столкнулись бы с той самой армией, от которой пытались спастись.

– Можно бы укрыться в Задубелом лесу, на границе с Белоклычьими горами, – сказал Шаол и тут же покачал головой. – В такое время года все направления по-своему опасны.

– Многие не выдержат дороги, – вздохнула Ириана.

– Но уж лучше брести по горным перевалам, чем остаться здесь.

Пусть Шаол не был правителем Аньеля, грядущая участь горожан тревожила и его. Вроде бы чужие люди, но они не раз оказывались гораздо добрее родного отца.

– Я позабочусь, чтобы вместе с беженцами отец отправил солдат, которые уже староваты для сражений, зато помнят пути через горы.

– Пусть я всего лишь простолюдинка... – начала Ириана; Шаол невольно усмехнулся. – Но меня заботит судьба тех, кто решил остаться в крепости. Пока мы ждем подхода наших сил, я могла бы проследить за их размещением. Сделать так, чтобы никто не голодал. Возможно, среди них найдутся целители. Нам бы оченьгодились травы и иные снадобья, которые у них есть. Мы бы заранее приготовили бинты.

Шаол кивнул. Грудь до боли распирала гордость за жену. Настоящая аристократка, если не по происхождению, то по благородству характера. Его жена была в большей степени знатной дамой, чем все, кто встречался ему в стеклянном замке и иных местах.

– Тогда, дорогой муж, начнем готовиться к войне, – сказала Ириана.

Она больше не улыбалась. Глаза наполнились печалью. Была там и крупица страха. Не за себя, а за то, что им предстоит увидеть и пережить в ближайшие дни. Чувствуя ее состояние, Шаол подхватил Ириану и уложил на кровать.

– Война подождет до утра, – сказал он, прижимаясь губами к ее губам.

Рукки добрались до Аньеля рано утром. Казалось, они выпархивали прямо из неяркого солнца, наполняя небеса громким хлопаньем крыльев и шелестом перьев. Их появление не осталось незамеченным, и люди возбужденно кричали, впервые увидев таких громадных птиц. Как-то они закричат, когда к городу подойдет вражеская армия?

Рукки опускались на равнину между южной стеной крепости и озером. Равнина изобиловала горячими источниками и ежегодно страдала от наводнений. Там никто не жил, за исключением нескольких упрямец, пытавшихся что-то выращивать на каменистой почве.

В очень давние времена равнина была частью озерного дна, но потом на пути Западного водопада, низвергающегося с Белоклычьих гор, возвели плотину. Ревущая вода превратилась в журчащую, продолжая питать озеро. Веками предки Шаола спорили: а не сломать ли им плотину и не пустить ли неистовую реку по прежнему руслу? Древних кузниц давно уже не было, а сменившие их водяные мельницы можно спокойно перенести на другое место.

Сломать – дело нехитрое. Только кто потом обуздает разлившуюся реку? Последствия оказались бы чудовищными: равнину затопило бы в считанные минуты, а с нею под воду ушла бы и часть города. Мощная волна хлынула бы с гор и понеслась к Задубелому лесу, сметая все на своем пути. Затопленными оказались бы и нижние этажи Эстфольской крепости.

Поспорив в очередной раз, предки соглашались: плотину ломать нельзя. И потому она продолжала стоять, уберегая травянистую равнину от затопления.

Рукки опускались аккуратными рядами. Шаол и Ириана наблюдали за ними с парапета. Караульные, покинув посты, тоже глазели на диковинных птиц. Руккины тут же принялись сооружать лагерь из своей походной поклажи. Позже они переместят в крепость прилетевших целительниц, хотя часть останется в лагере до подхода моратского легиона.

Над парапетами крепости появились два темных птичьих силуэта. Караульные поспешили вернуться на свои места. Несарина и Сартак сошли на край стены. Вместе с их рукками опустился небольшой сокол. Вернее, Фалкан Эннар в обличье сокола.

Несарина легко выпрыгнула из седла. Лицо ее было мрачным, как владения Хелласа.

– Моратская армия в трех днях пути отсюда, – выдохнула она. – Самое большее – в четырех.

Подожел Сартак. Крылатых коней, в отличие от их четвероногих собратьев, не требовалось привязывать.

– Мы летели на большой высоте, но Фалкан опускался ниже.

Оборотень жался к Сальхи, не торопясь превращаться в человека.

– Что вы видели? – спросила Ириана.

Несарина лишь покачала головой. Ее смуглое, с золотистым отливом лицо было совсем бледным.

– В основном валгов и людей. Но зрелище все равно жуткое.

Шаол удержался, чтобы не поморщиться:

– А ведьмы?

– Никого похожего, – ответил Сартак, приглаживая растрепавшиеся волосы. – Возможно, ведьмы сидят в Ферианской впадине и дожидаются подхода армии.

– Будем молить богов, чтобы это было не так, – сказала Ириана, глядя на равнину, где расположились рукки.

Тысяча рукков. Настоящий подарок богов. Но сейчас, когда эти могучие птицы собрались на равнине...

Вихрь сражения может смести даже их.

Глава 20

– А знаешь ли ты историю о королеве, которая путешествовала между мирами?

Аэлина покачала головой. Она сидела в древней долине, на ковре из пушистого мха, поглаживая стебли мелких белых цветов, что росли вокруг. Кроны высоких дубов сплетались в зеленую решетку, сквозь которую подмигивали звездочки, словно запутавшиеся в ветвях. Полная луна ярко освещала долину и окрестный лес. В теплом летнем воздухе слышалось негромкое, удивительно мелодичное пение.

– Это печальная история, – сказала ее тетка, чуть приподняв уголок рта. Губы тетка красила в ярко-красный цвет. Сейчас она откинулась на спинку каменного кресла, вырезанного в толще гранитного валуна. Обычное место, где у них проходили уроки, больше похожие на долгие мирные беседы. Эти беседы затягивались далеко за полночь, благо здешние края не знали ночного холода. – Печальная и старая, – добавила тетка.

– Не кажется ли тебе, что я уже достаточно взрослая для таких сказок? – спросила Аэлина.

Всего три дня назад ей исполнилось двадцать. День рождения праздновали в другом месте, неподалеку отсюда. Казалось, половина Доранеллы собралась на торжество. И все же тот, кого она называла своей истинной парой, сумел похитить ее с праздника. Они отправились вглубь леса, к уединенному пруду. Щеки Аэлины и сейчас краснели при воспоминании о том плавании под луной и ощущениях, которые дарил ей Рован. А каким удивительным было его поклонение, происходившее прямо в воде, хранившей тепло солнца.

Истинная пара. Эти слова до сих пор удивляли Аэлину. Появившись здесь в конце весны и увидев его возле теткиного трона, она вдруг поняла: он – ее истинная пара. А потом несколько месяцев подряд их отношения стремительно развивались... Вспоминая, Аэлина снова покраснела. Случившееся в лесном пруду стало завершением тех месяцев. Высвобождением страсти, накопившейся в них обоих. Отметины на ее шее и шее Рована подтверждали их союз. Осенью она вернется в Террасен уже не одна.

– Это не сказки, а фэйские истории. Их полезно слушать в любом возрасте. – Тетка слегка улыбнулась. – А поскольку ты и сама отчасти фэйка, думаю, они тебя заинтересуют.

– Твоя правда, тетушка. – Аэлина тоже улыбнулась, склонив голову.

Такое обращение было не совсем точным, если учесть, что их разделяли тысячи лет и множество поколений. Но королева сама предложила так ее называть, и Аэлина не возражала.

Маэва поудобнее устроилась в каменном кресле и начала рассказывать:

– В незапамятные времена, когда мир только-только появился и в нем еще не было ни человеческих королевств, ни отвратительных войн, родилась юная королева.

Аэлина поджала ноги под себя и опустила лицо.

– Она даже не знала, что является королевой. В ее народе власть не передавалась по наследству, а просто рождалась внутри. Королева росла, и вместе с нею росла ее сила. Вскоре она обнаружила, что местность, где она жила с рождения, слишком мала для такой силы. Слишком там было темно, холодно и уныло. Королева обладала магическими способностями, как и многие, кто там жил. Однако ее способности проявлялись сильнее, ярче и острее. В них было гораздо больше оттенков. Королева поняла: это ее оружие. И еще она поняла, что отличается от соплеменников. Они видели ее силу и добровольно подчинялись королеве, признавая ее своей правительницей. – Маэва подняла голову к звездному небу и продолжала: – Весть о дарованиях королевы разнеслась повсюду. К ней явились три короля, дабы просить ее руки и заключить союз между их тронами и тем, что она выстроила для себя, хотя он и был совсем небольшим. Новизна предложения на какое-то время захватила королеву. Ей показалось, что это и есть желанная перемена. Короли были братьями, и могущество каждого имело свои особенности.

Власть их распространялась далеко и наводила ужас на врагов. Королева выбрала старшего, прельстившего ее не красотой и не доблестью, а великим множеством библиотек. У королевы дух захватывало при мысли, сколько всего она сможет узнать, попав в эти библиотеки, в том числе и о дальнейшем развитии своих дарований... Знания – вот чего жаждала королева. Сам король не вызывал у нее никакого интереса.

«Какая странная история», – подумала Аэлина. Меж тем тетка продолжала:

– Когда они поженились, королева покинула свое захолустье и перебралась в замок мужа. Поначалу ее все устраивало: и муж, и знания. Речь не о его ласках. Он и его братья были завоевателями и большую часть времени проводили вдали от дома, завоеывая и присоединяя новые земли. Королева ничуть не тяготилась отсутствием мужа, ведь это давало ей свободу постоянно получать новые знания. Надо сказать, в библиотеках мужа были собраны такие книги, о которых она даже не подозревала. Сказания и мудрость миров, давно превратившихся в прах. Королева узнала о существовании иных миров, отличающихся от темного, пустынного мира, в котором жила она и трое королев. Оказывается, миры громоздились один на другой, а их обитатели и не догадывались об этом. Королева читала о мирах, где солнце было не пыльно-серой струйкой света, пробивающейся через такие же серые облака, а золотым шаром, шлющим свет и тепло. Где существовал цвет, называемый зеленым. Королева и представить не могла, как он выглядит. Или синий. Книги рассказывали ей, что где-то небеса имеют синий цвет. Сколько она ни пыталась, ей было не вообразить краски тех миров.

– Надо же, в каком жалком мире жила эта королева! – воскликнула Аэлина.

– Ты права. В жалком, – мрачно кивнула тетка. – И чем больше она читала рассказы давно умерших путешественников, побывавших в тех мирах, тем сильнее ей хотелось очутиться там самой. Почувствовать поцелуй солнца на лице. Услышать утреннее чириканье воробьев и крик чаек над морем. В ее мире морей не было. Королева с трудом представляла себе безбрежный водный простор, где на поверхности бушуют бури, а в бездонных глубинах царит вечный покой. Это не шло ни в какое сравнение с мелкими мутными озерами и наполовину пересохшими речками ее мира. И пока муж и его братья вели очередную войну, королева всерьез задумалась: как же ей попасть в один из красочных миров? Как сбежать отсюда?

– Неужто такое было возможно? – спросила Аэлина.

У нее возникло смутное ощущение, что история эта вполне правдивая. Но может, ей только показалось? Может, нечто подобное в детстве рассказывала ей мать или Маурина?

– Возможно, – кивнула Маэва, отвечая на ее вопрос. – Если произнести нужные слова на первозданном языке, называемом языком существования, приоткроются двери между мирами. Но это было строгойше запрещено еще задолго до рождения мужа королевы и его братьев. За попытки проникнуть в другой мир сурово наказывали. Тех, кто путешествовал в другие миры, давно не было в живых. Их кости успели рассыпаться в прах. Врата, через которые они проходили, накрепко запечатали, а тайны пересечения границы миров они унесли с собой. Во всяком случае, так было принято считать. Однако королева не оставляла поисков, и однажды ей удалось найти древние заклинания. Королева начала с малого. Сначала открыла дверь в мир умерших, намереваясь встретить там кого-то из путешественников и узнать, как надо действовать. – Маэва хитро улыбнулась. – Путешественника она нашла, но раскрыть ей тайну он наотрез отказался. И тогда королева стала учиться на собственном опыте. Открывала давно забытые и запечатанные двери. Пристально всматривалась в работу мироздания. А мир, в котором она жила, превратился для нее в клетку. Она устала от нескончаемых военных походов мужа, от всплесков его жестокости. И когда он отправился на очередное завоевание, королева собрала самых верных своих служанок, открыла дверь в новый мир и покинула тот, где родилась.

– Она сбежала? – вырвалось у Аэлины. – Покинула родной мир? Навсегда?

– Она никогда не ощущала тот мир родным. Она знала, что судьбою ей предназначено править другими мирами.

– И куда отправилась эта королева?

Улыбка Маэвы стала чуть шире.

– Она отправилась в прекрасный, удивительный мир, где не было ни войн, ни тьмы. Как же разительно отличался он от блеклого мира, в котором она родилась и выросла! Она и там стала королевой, спрятавшись внутри нового тела, чтобы никто, в том числе и муж, никогда не увидел ее настоящего облика.

– Муж сумел ее отыскать?

– Нет, хотя и пытался. Он обнаружил манускрипты, служившие его жене учебниками, сам овладел древними знаниями и научил братьев. Много миров перетряхнули они, но так и не нашли королеву. Когда же они появились в том мире, куда она сбежала, они ее не узнали. И даже когда они затеяли войну с ее новым королевством, она не раскрыла тайны. Война кончилась ее победой. Ее муж и его средний брат были изгнаны в свой мир. Младший оказался в ловушке и почти лишился магической силы. Пока он корчился в глубоком подземелье, королева веками готовила свой народ к его возвращению, ибо знала: однажды он выберется на поверхность. Оказывается, трое королей проникли в тот мир совсем не так, как королева. Они нашли способ держать Врата между мирами постоянно открытыми, для чего изготовили три Ключа. Обладание Ключами означало власть над всеми мирами – власть вечности. Естественно, королева жаждала найти эти Ключи. Они требовались ей прежде всего, чтобы избавить полюбившийся мир от врагов и отправить младшего мужниного брата туда, откуда он явился. Королева стремилась защитить свой прекрасный новый мир. Ей всегда хотелось жить спокойно, чтобы ее не подстерегала тень прошлого.

Откуда-то из глубин Аэлининой памяти всплыло неясное воспоминание. Что-то стучалось в ее разум, как будто она забыла погасить свечу у себя в комнате.

– Удалось ли королеве найти Ключи?

Улыбка Маэвы сделалась печальной.

– А как ты сама думаешь, Аэлина? Удалось?

Аэлина задумалась. Ее беседы с Маэвой редко бывали праздными. Помимо уроков, в них содержались загадки и вопросы, которые ей предстояло тщательно обдумать. Зато ответы помогут ей в дальнейшем, когда она воссядет на троне, а Рована сделает главным советником.

Словно почувствовав, что его зовут, Рован появился на поляне. Воздух наполнился запахом сосен и снега. Зашелестели крылья, и он в обличье ястреба опустился на верхушку высокого дуба. Ее принц-воин. Ее истинная пара.

Аэлина улыбнулась ему, как улыбалась на протяжении всех недель, когда он провожал ее в речной дворец, где ей отвели покои. За время этих прогулок она узнала и полюбила Рована. Никого прежде она не любила так, как его.

Тетка ждала ответа. Аэлина повернулась к ней:

– Та королева была умной и честолюбивой. Думаю, ей все было по силам. Даже поиск Ключей.

– Казалось бы, да. Однако Ключи не давались ей в руки.

– Куда же они исчезли?

Маэва вперилась взглядом в Аэлину:

– Ты-то сама что думаешь на этот счет?

– Я думаю... – произнесла Аэлина и замолчала.

На лице Маэвы вновь появилась нежная, добрая улыбка. Ведь тетка с первого дня отнеслась к Аэлине по-доброму.

– Где, по-твоему, находятся Ключи?

Аэлина еще раз открыла рот. И опять замерла. Казалось, ее дернули за невидимую цепь, велел молчать.

Цепь... цепь. Аэлина взглянула на руки, словно ожидая увидеть их скованными.

Ее руки и ноги никогда не знали кандалов. Но почему-то она смотрела на запястье, где вроде бы должен быть шрам. Но никакого шрама не было, только гладкая загорелая кожа.

– Если бы этот мир оказался под угрозой, если бы трое ужасных королей грозили ему уничтожением, куда бы отправилась ты на поиски Ключей?

Аэлина подняла глаза на тетку. Где-то существовал другой мир. Существовал как отрывок сна, и в том мире у нее был шрам на запястье. Не только на запястье. Много шрамов по всему телу.

А у ее истинной пары, замершей на вершине дуба... В том мире у него была татуировка, покрывавшая лицо, шею и руку. Не для красоты. Узоры рассказывали жуткую и очень грустную историю об утрате, произошедшей по вине темной королевы.

– Аэлина, где спрятаны Ключи?

На лице Маэвы была все та же безмятежная, исполненная любви улыбка. Однако...

Однако...

– Нет, – прошептала Аэлина.

– К чему относится твое «нет»? – спросила тетка, и в ее взгляде что-то промелькнуло.

Это не было ее настоящей жизнью. Ни место, ни эти благословенные месяцы учебы в Доранелле, ни даже встреча с ее истинной парой...

Кровь... песок... бушующие волны...

– Нет!

Ее голос прогремел на всю притихшую долину.

Аэлина оскалила зубы. Пальцы, застывшие на мшистом ковре, сжались в кулаки.

Маэва негромко засмеялась. Рован вспорхнул с ветвей и опустился на ее поднятую руку.

Он даже не сопротивлялся, когда тонкие белые пальцы королевы свернули ему шею.

Аэлина закричала. Она кричала, хватаясь за грудь и пытаясь удержать рвущуюся нить, что связывала ее с Рованом.

Аэлина извивалась на каменном алтаре. Все истерзанные, изломанные части тела кричали вместе с ней.

Над ней нависла улыбающаяся Маэва:

– Красивая картинка, правда? Тебе понравилось?

Аэлина попыталась шевельнуть рукой, и сейчас же ее ударило обжигающей молнией. Она снова закричала.

Из горла вырвался лишь жалкий хрип. Звук был под стать ее руке, сломанной в нескольких местах, откуда торчали белые обломки кости. Вокруг них – рваная окровавленная кожа и...

Ни одного шрама от кандалов. Даже при таком издевательствах. Значит, и в этом мире, в этом месте у нее не было шрамов.

Очередная иллюзия, сотворенная Маэвой.

Аэлина опять закричала, соединив в крике чувство ко всему этому: изуродованной руке, обманчиво гладкой коже и отголоскам разорванной связующей нити.

– Знаешь, Аэлина, что огорчает меня сильнее всего? – Голос Маэвы сделался необычайно нежным, будто она говорила с возлюбленным. – Ты почему-то считаешь меня злодейкой.

Аэлина беззвучно плакала, безуспешно пытаясь пошевелить сначала одной, затем другой рукой. Потом оглядела не совсем реальное помещение, в котором находилась.

Прислужники Маэвы починили крышку железного гроба, приделав туда новую полосу металла. Такие же полосы появились снаружи стенок и днища. Приток воздуха внутрь уменьшился. Дни напролет Аэлина страдала от душливой жары. Даже каменный алтарь был лучше тесного ящика.

Где стоял этот алтарь, она не знала. Может, и все происходящее сейчас тоже было иллюзией.

– У меня нет и тени сомнения, что Рован, Элиана или даже сам Брэннон наполнили твою голову лживыми измышлениями о том, зачем мне понадобились Ключи.

Маэва провела рукой по каменной поверхности алтаря, забрызганной кровью Аэлины и усеянной осколками костей ее раздробленной руки.

– Меж тем я сказала тебе чистую правду. Я люблю этот мир и не собираюсь его уничтожать. Наоборот, я хочу сделать его еще лучше. Представь мир, в котором нет голода и боли. Не за такой ли мир сражаешься ты и твои сподвижники? За более совершенный мир.

Подобно многим ее обещаниям, слова Маэвы были фальшивкой. Когда-то она вот так же наобещала Террасену немислимые блага. А чем это кончилось?

Аэлина попыталась шевельнуться, невзирая на цепи, покалеченные руки и странное давление изнутри. Что-то давило ей на кожу, кости и голову, понемногу нарастая с каждым днем.

– Огненица, я знаю твои мысли обо мне, – вздохнула Маэва. – И твои домыслы. Но есть сведения... правдивые сведения, которыми нельзя поделиться. Даже в обмен на Ключи.

«Что же давит изнутри?» – недоумевала Аэлина. Странное давление притупляло боль. Не обернется ли это чем-то худшим, нежели боль?

Маэва дотронулась до щеки Аэлины, скрытой под маской:

– Обетованная королева... Я хочу избавить тебя от этой жертвы, принесенной упрямой девчонкой. – Она усмехнулась. – Я бы даже позволила Ровану быть с тобой. Вы бы жили вместе, а мы с тобой занимались бы спасением этого мира.

Все слова Маэвы были ложью. Аэлина это знала, хотя не могла вспомнить, где кончалась правда и начиналась ложь. Вроде бы Рован прежде считал истинной парой другую женщину, которую потом у него отняли. Или так было не в действительности, а в кошмарном сне?

Боги, что же так давит изнутри? Нарастающее давление ощущала и ее кровь.

«Ты не поддашься».

– Даже сейчас тело подает тебе сигналы, – продолжала Маэва. – Тело требует, чтобы ты сказала «да».

Аэлина открыла глаза, и Маэва явно увидела в них замешательство, поскольку улыбнулась:

– Известно ли тебе, до чего тягостно находиться в железном ящике тем, кто обладает магической силой? Это ощущается не сразу, но через какое-то время магическая сила начинает требовать выхода. Ты уже почувствовала давление, причину которого не можешь понять. Оно и есть крик твоей магии. Твоя магия хочет, чтобы ты поскорее освободилась от цепей и сняла напряжение. Даже кровь убеждает тебя прислушаться к моим словам.

Так оно и есть. Подчинение унижительно, но возрастающее давление окажется хуже любой боли от измождения. Однажды она это прочувствовала, когда слишком глубоко погрузилась в недра своей магической силы.

Состояние, которое она ни за что не хотела бы пережить снова.

– Через несколько дней я уезжаю, – сообщила Маэва.

Аэлина замерла.

Маэва покачала головой, изображая разочарованность:

– Увы, Аэлина, я рассчитывала, что ты окажешься сговорчивее. Но у меня нет времени ждать. – Фенрис возле двери предостерегающе зарычал. Маэва даже не взглянула на него. – Мне сообщили, что наши общие враги вновь пожаловали к вендалинским берегам. Одного из них – валгского принца – удалось схватить. Нынче он содержится в нескольких днях пути отсюда, близ южной границы. При нем было несколько каменных ошейников, которые он явно намеревался надеть на моих подданных. Возможно, даже на меня.

«Нет! – мысленно выкрикнула Аэлина. – Нет...»

Маэва дотронулась до ее шеи, отмечая место, которое займет ошейник.

– Я отправлюсь за ошейником, а заодно послушаю, что этот прислужник Эравана расскажет о себе. В первой войне я просто убивала валгских принцев везде, где они мне попадались, – тихо сказала она. – Нынче мне представляется более разумным подчинить их моей воле. Начну с одного, вырвав его из-под власти Эравана. Когда ошейник защелкнется на твоей шее, сделать это будет совсем несложно.

«Нет!»

Ее «нет» превратилось в заклинание, в нарастающий внутренний крик.

– Странно, как мне это раньше не пришло в голову, – задумчиво произнесла Маэва.

«Нет!»

Маэва нажала на ее искалеченную руку. Аэлина стиснула зубы, чтобы не закричать.

– Подумай об этом. А когда я вернусь, мы еще раз обсудим мое предложение. Напряжение внутри тебя будет только возрастать. Может, оно доходчивее объяснит тебе то, чего не удалось объяснить мне.

Ошейник. Маэва отправлялась за ошейником, сделанным из Камня Вэрда.

Королева повернулась, прошелестев складками черного платья, и вышла за порог. Сова, дремавшая на верхнем торце открытой двери, перелетела на плечо хозяйки.

– Пока я отсутствую, Кэрн не даст тебе скучать. Сама знаешь, придумывать развлечения он умеет.

Аэлина не знала, сколько еще пролежала на алтаре после ухода целителей. Они наполнили помещение сладковатым дурманящим дымом и вновь надели на нее железные рукавицы.

Магическая сила требовала выхода, с каждым часом все настойчивее заявляя о себе. Аэлина это чувствовала даже в своем отягощенном дурманом сне. Казалось, пока она не знала причины, можно было не обращать внимания, что тебя распирает изнутри, или попытаться как-то уменьшить давление. Теперь уже не получится.

Если Маэва наденет на нее каменный ошейник, эта забота перейдет в разряд мелочей.

Фенрис, как всегда, сидел у стены. В его глазах светилась тревога. «С тобой все в порядке?» – моргнул он.

«Нет», – дважды моргнув, ответила Аэлина.

Ее состояние было очень далеко от благополучного. Маэва дожидалась, когда давление заявит о себе и станет хуже любых издевательств Кэрна. А с ошейником, за которым Маэва отправилась сама...

Аэлина запрещала себе даже думать об этом. Рабство, откуда не вырваться, рабство, исключаящее сопротивление. Зачем Маэве ломать Огненосицу, если ее можно попросту стереть? Отнять все, чем она является, вырвать силу и знания. Запереть внутри: пусть слушает собственный голос, услужливо рассказывающий о местонахождении Ключей Вэрда. Тот же голос произнесет Маэве слова клятвы на крови и заявит о полном подчинении.

Фенрис четырежды моргнул. «Я здесь, я с тобой».

«Я здесь, я с тобой», – ответила ему Аэлина.

Ее магия бурлила, рвалась наружу, давила на легкие и кости. Аэлина не могла собрать магическую силу в какое-то одно место или успокоить.

«Ты не поддашься». Аэлина сосредоточилась на этих словах. На голосе матери.

Быть может, еще до возвращения Маэвы магия поглотит ее изнутри. Но Аэлина не знала, долго ли продержится. Какие там несколько дней, если даже час казался ей невыносимо долгим? Хотя бы чуточку ослабить напряжение...

Аэлина прогнала мысли, заползавшие в мозг. Ее не заботило, чьи они: ее собственные или Маэвы.

Фенрис неумоимо моргал, снова и снова передавая: «Я здесь, я с тобой».

Аэлина закрыла глаза, мечтая провалиться в забытие.

– Поднимайся.

Те же слова она когда-то слышала из других уст, и звучали они совсем по-другому.

Над ней стоял Кэрн, и его поганое лицо кривилось в ухмылке. Глаза дико сверкали...

Он начал отстегивать цепи. Аэлина лежала не шевелясь.

В помещение ввалились караульные. Фенрис зарычал.

У нее распирало все тело. В голове безжалостно стучал молот. Все это было хуже костоломных орудий, прицепленных к поясу Кэрна.

– Маэва приказала переправить тебя кое-куда, – объявил он, и неистовый блеск в его глазах сделался еще ярче.

Подняв Аэлину, Кэрн понес ее к ящику, но не опустил, а бросил, отчего цепи лязгнули, больно врезавшись в тело и затылок. Из глаз брызнули слезы. Аэлина собралась ударить его, но крышка шумно захлопнулась.

Аэлину окружила темнота: жаркая, тесная. Внешнее давление было сродни тому, что терзало ее изнутри.

– Морат вновь ползет к нашим берегам, а потому дожидаться возвращения Маэвы ты будешь в более надежном месте, – с издевкой объявил Кэрн.

Караульные подняли ящик, кряхтя под его тяжестью. Аэлина дернулась, закусив губу.

– Мне, конечно, ровным счетом плевать на то, что тебя ждет, когда Маэва вернется с новым ожерельем для твоей шейки. А пока... Она велела не давать тебе скучать. Я не подведу свою королеву. Как-никак это наши последние денечки приятных развлечений, пока внутри тебя не появится новый дружок.

От ужаса у Аэлины свело живот, и это немного ослабило давление.

Когда-то она учила молодую целительницу обороняться, втолковывая той главное правило: не допускать, чтобы тебя силой или хитростью увлекли в другое место. В обычных схватках это означало, что нападавшие решили тебя убить и нужно дать им последний бой.

Но тогда речь шла всего лишь о пьяных наемниках. А тут, когда для тебя везут каменный ошейник и с каждым днем он все ближе и ближе к твоей шее...

Одно было ей понятно: Кэрн ее не убьет, поскольку Маэве она нужна живой.

Аэлина сосредоточилась на дыхании. Вдох-выдох, вдох-выдох... Однако страх не проходил; липкий и одновременно острый. И дрожь дыхание не унимало.

– Фенрис, ты отправишься с нами, – со смехом объявил Кэрн.

Аэлину качало в ящике. Караульные несли ее вверх по лестнице.

– С моей стороны было бы несправедливо лишать тебя такого удовольствия, – тем же тоном добавил палач.

Глава 21

Королевство, о красоте которого ходили легенды, и величественный город назывались одинаково – Доранелла. Туда вело множество дорог, проторенных и тайных, больше похожих на тропы. Рован знал их все.

Гарель с Лорканом их тоже знали. Накануне они продали лошадей. Правильнее сказать, обменяли на более нужные вещи, поручив это дело Элиде. Дальше передвигаться верхом становилось опасно. Фэйские воины были слишком заметны; их выдавали если не лица, то ореол магической силы. Окружающие сразу бы поняли, кто они такие.

В отличие от северной границы с Вендалином, южные дороги в королевство не охранялись дикими волками. Однако Рован и его спутники предпочитали не рисковать и старались двигаться полузабытыми тропами, ведущими на север.

Когда до внешних границ города оставалось несколько дней пути, они устроили западню для Маэвы. Выбрали приманку, за которой королева явится сама: каменные ошейники.

Аэлина продолжала сопротивляться. Рован это знал и чувствовал. Скорее всего, упрямство Аэлины бесило Маэву. А потому королева поддастся искушению завладеть ошейниками и надеть один на пленницу. Маэва самонадеянно полагала, что сумеет управлять демоном, обитавшим в ошейнике, и выведет его из-под власти Эравана... Приманка была слишком соблазнительной, она непременно клюнет.

Начали со слухов, которые Элида умело распространяла в тавернах, на рынках и во всех прочих местах, где, по мнению Рована, шпионы Маэвы точно их услышат. Некий фэйский гарнизон якобы захватил валгского принца. При нем нашли странные обручи из черного камня, чем-то похожие на ожерелья. Где гарнизон находится? Называлось местечко далеко от столицы. Взять их мог любой, кто туда доберется.

Рован не стал тревожить богов и молить, чтобы Маэва клюнула на приманку и отправилась сама, а не послала бы своих шпионов забрать «ожерелья» или подтвердить их существование. Затея эта могла провалиться, но ничего другого Рован придумать не мог.

И когда наконец они поднялись на крутые южные холмы, откуда открывался вид на город, окутанный ночным туманом, сердце Рована громко забилося. Маскироваться так, как Маэва, ни он, ни его соратники не умели, однако у них было преимущество: разрыв кровной клятвы. Это позволит им оставаться незамеченными. Только не стоит забывать: у королевы глаза и уши повсюду, а сетью доносчиков опутан весь континент.

Подъем на вершину утомил всех. Последнюю часть одолевали чуть ли не ползком. В столицу вели и другие дороги, но лишь отсюда город и окрестности были видны как на ладони. Рован не отважился обернуться ястребом и разведать обстановку с воздуха. Бдительные караульные сразу бы заметили белохвостую птицу и догадались, кто перед ними.

До вершины оставалось не более тридцати локтей. Рован карабкался первым.

Она была здесь. Все это время Аэлина находилась здесь. Если бы они сразу отправились прямо в Доранеллу... Рован запретил себе подобные мысли, особенно на вершине.

Здания Доранеллы были выстроены преимущественно из серого камня, однако свет лунного серпа делал их белыми, а реки и водопады набрасывали туманный покров. Зрелище восхитило тяжело дышащую Элиду.

– Я думала, этот город вроде Мората, – призналась она.

Величественный город, безмятежно раскинувшийся среди больших и малых рек. Невзирая на поздний час, на его улицах светились фонари, а кое-где на площадях еще играла музыка. Рован знал, что так будет. В Доранелле ничего не менялось.

Родной город. Или был таковым до недавнего времени. Но остались ли жители Доранеллы согражданами Рована после его женитьбы на чужеземной королеве? В сражении близ

эйлуэйских берегов от его рук и магии погибло столько их родных и друзей. Он знал: в городе слишком много окон, с чьих подоконников свисают траурные флаги, и потому старался не всматриваться в знакомые улицы.

И Лоркан с Гарелем тоже не всматривались и не пересчитывали траурные полотнища. Кого-то из погибших они знали не один век, жили рядом. Называли своими друзьями.

А известно ли жителям Доранеллы, кого Маэва вот уже который месяц держит в плену? Им слышны крики Аэлины?

– Дворец вон там, – пояснил Элиде Гарель.

Его рука указывала на восточную часть города, где с громадным водопадом соседствовали красивые здания, увенчанные куполами.

Дворцом Маэвы было центральное здание с колоннами вдоль фасада. Фэйцы узнавали окна личных покоев королевы и их собственных, теперь уже бывших. В той части не светилося ни одно окно.

– Темные окна еще не подтверждение, – сказал Лоркан. – Мы не знаем, покинула ли Маэва дворец и там ли находится Аэлина.

Рован вслушивался в ветер, ловил приносимые запахи, однако ничего не чувствовал.

– Единственный способ убедиться – войти в город.

– А попасть туда можно только по мостам? – спросила Элида, поглядывая на одинаковые мосты в северной и южной частях Доранеллы, видимые издалека.

– Да, – сдержанно ответил Лоркан.

Эту реку не переплывешь – слишком она широкая и бурная. Ни о каких других путях Рован не знал.

– Нужно искать не только в городе, но и вокруг, – высказал свое мнение Лоркан.

Город находился в самом сердце равнины. К северу тянулась цепь лесистых холмов, сменяющихся высокой стеной Камбрианских гор. Земли к западу занимали поля, деревни, хутора, а если двигаться дальше, окажешься на морском берегу. На восток, за водопадом, после лугов начинались древние леса и тоже горы.

Его, Рована, горы. И то место было когда-то для него родным. Там стоял их дом... пока не сгорел. Там он похоронил Лирию и думал, что когда-нибудь и сам ляжет в ту землю.

– Нам нужно продумать путь возвращения, – сказал Рован, хотя уже думал об этом.

Надо заранее решить, куда бежать потом. Маэва отправит в погоню свои лучшие силы.

Когда-то в число лучших сил королевы входил и он. Его отправляли на поиски и уничтожение фэйцев, жестокость которых становилась невыносимой даже для Маэвы. Он искал беглецов и бродяг, не желавших подчиняться никаким законам. Маэва отправит в погоню тех, кого Рован сам когда-то обучал, рассказывая о тайных тропах и местах, где чаще всего прячутся беглецы.

Он и представить не мог, что однажды все это обернется против него.

– Нам понадобится день на разведку, – снова нарушил молчание Лоркан.

– День – это слишком много, – возразил Рован, холодно поглядев на него.

Аэлина находилась где-то здесь, в пределах Доранеллы. Рован это знал. Чувствовал. Два дня подряд он погружался в свою магическую силу, готовясь к освобождению Аэлины, расправе над Маэвой и последующему бегству. И держать силу, готовую сорваться с поводка, в холодных тисках воли было не так-то просто.

– Действуя очертя голову, мы Аэлину не спасем. А вот за поспешность заплатим дорого. И она, кстати, тоже.

Как и у Рована, у его бывшего командира самообладание находилось на грани. Даже спокойный и невозмутимый Гарель ходил взад-вперед. Запасы магической силы у всех троих были изрядно вычерпаны. Того и гляди уткнешься в дно.

Однако Лоркан был прав. Поменяйся они местами, Рован сказал бы те же слова.

На склоне, спускавшемся в сторону города, Гарель заметил каменистую площадку.

– Глядите, какое удобное местечко, – сказал он спутникам. – Будто специально для нас. Нависающая скала защитит от посторонних глаз. Устроим привал, отдохнем, а завтра спокойно все обдумаем.

Замысел показался Ровану отвратительным. Ложиться спать, когда Аэлина совсем рядом. Его слух напрягся, будто среди шума ветра ему удавалось различить ее крики. Однако спорить он не стал, коротко бросив:

– Согласен.

Рован обошелся без предупреждения, что костер разводить опасно. Воздух был прохладным, но не холодным. За ночь они не окоченеют.

Рован шагнул вниз и протянул руку Элиде, помогая обогнуть опасное место. Она протянула свою. Пальцы у нее дрожали. Но стойкости этой хромой девчонке было не занимать. За все дни она ни разу не пожаловалась и ни от чего не отказалась.

Рован спустился еще немного и снова повернулся к ней:

– Тебе необязательно идти в город. Мы наметим путь отхода, и ты нас там встретишь.

Элида не отвечала. Рован поднял глаза. Она смотрела не на него. На город. Элиде было страшно, о чем красноречиво говорил ее запах.

К ней подскочил Лоркан, положил руку на плечо, спросил:

– Ты чего?

Рован обернулся в сторону города и понял. Склон холма был границей.

Не границей города. Границей иллюзии, что завтра они незаметно обследуют подступы к Доранелле. Казалось, туман намеренно поредел, позволив увидеть то, что скрывал от них на вершине холма. Со всех сторон, даже с востока город окружала...

Армия. Подступы к городу превратились в сплошной военный лагерь.

– Маэва стянула сюда почти всю свою армию, – выдохнул Гарель, отводя с лица волосы, которыми играл ветер.

Рован стал считать солдатские костры. В темноте их скопище напоминало небо в звездах. Он не помнил, чтобы Маэва собирала столь многочисленную армию. Самые тяжелые войны он и его соратники вели куда меньшими силами.

Аэлина могла сейчас находиться где угодно – в гуще лагерей или в городе.

Нужно действовать умно и смекалисто. И если Маэва не заглотнула их приманку...

– Она собрала армию, чтобы мы не проникли в город? – спросила Элида.

Лоркан посмотрел на Рована. В его темных глазах застыло предостережение.

– Или чтобы удержать Аэлину в плену.

Рован приглядывался к цепи лагерей. Интересно, какие мысли бродят в головах жителей Доранеллы при виде такой громады? Они привыкли видеть городскую стражу. Армейских казарм в городе не было, и военных парадов Маэва не устраивала.

– В городе у нас есть союзники, – напомнил Гарель. – Попробуем связаться с ними и узнать, где сейчас Маэва и зачем она собрала под стены Доранеллы такую армию. Может, что-то и про Аэлину узнаем.

Эллис – дядя Рована и глава клана Боярышника – не поплыл с армадой Маэвы, а остался в городе. Характер у него тяжелый, зато он умен и верен. Когда-то он лепил из Энды копию себя, превращая того в сообразительного придворного. Но Эллис обучал и Рована, давал ему первые уроки владения мечом. Он вырос в дядином доме и не знал другого, пока у них с Лирией не появился свой, в горах. Вот только кому верен Эллис сейчас: Маэве или своему клану, учитывая, что Дом боярышника запятнал себя предательством во время сражения близ Эйлуэ?

Не исключено, что дядя мертв. Маэва могла наказать Эллиса за всю родню, которую Ровану удалось склонить на свою сторону. Возможно и другое. Стремясь вернуть благосклон-

ность Маэвы после кланового предательства, он продаст Рована и остальных раньше, чем они отыщут Аэлину.

Остальных союзников можно было пересчитать по пальцам...

– Маэва способна проникать в чужой разум, – сказал Рован. – Возможно, она разузнала, кто у нас в союзниках. Появись мы там, ей сразу станет об этом известно. – Он сжал эфес Златинца. Теплый металл действовал успокаивающе. – Нельзя рисковать самим и ставить под удар союзников.

Лоркан что-то пробурчал, соглашаясь с Рованом.

– Зато Маэва не знает меня, – сказала Элида. – Или почти не знает. Про остальных там и говорить нечего, особенно если я изменю внешность. Как было, когда я разносила слухи про валгского принца. Завтра я попытаюсь войти в город и что-нибудь разузнать.

– Нет.

Ответ Лоркана был как удар ножа в темноте. Только Элида ничуть не смутилась и холодно напомнила ему:

– Ты мне не командир и неходишь в число придворных моей королевы.

Она повернулась к Ровану, имевшему самое прямое отношение ко двору Аэлины. Рован едва не вздрогнул, хотя его положение при дворе было гораздо выше, чем у Элиды. В отсутствие Аэлины все решения принимал он. Он добровольно взвалил на себя эту ношу.

– Элида ничего не знает в этом городе, – прошипел Лоркан. – И с караульными говорить не умеет.

– Тогда мы ее поучим, – вмешался Гарель. – Время еще есть. Научим всему, что знаем сами.

– Если Маэва осталась в Доранелле, она сразу учует Элиду, – оскалился Лоркан.

– Не учует, – возразила Элида.

– Нашла же она тебя на берегу.

– Завтра я иду в город, – вскинув голову, упрямо заявила Элида.

– И с чего ты там начнешь? Будешь спрашивать, не встречалась ли кому Аэлина Галатиния гуляющей по городу? Или спросишь, нельзя ли заглянуть к Маэве на ужин?

Колкости так и сыпались из уст Лоркана. И вновь Элида не смутилась:

– Я спрошу про Кэрна.

Фэйцы умолкли. Рован сомневался, не послышалось ли ему. Элида спокойно отнеслась к их недоумению.

– Думаю, в здешних краях молодая смертная женщина может расспрашивать о фэйском мужчине, который ее обманул и бросил.

Лицо Лоркана стало того же цвета, что и серп луны.

– Мы проведем разведку. Найдем другие способы...

– Стоит найти Кэрна – и мы найдем Аэлину, а заодно узнаем, в городе ли Маэва, – сказала Элида, обращаясь только к Ровану.

В ее глазах больше не было страха. И в запахе – ни капли.

Рован молча кивнул. Лоркан сжался, процедив сквозь зубы:

– Удачной охоты, госпожа Лошэн.

Глава 22

Заснеженные равнины Террасена тянулись на юг, достигая предгорий у горизонта.

Лисандра уже бывала на тех холмах. Летом, когда они двигались к Террасену вместе с королевой и недавно созданным двором Аэлины. Помнится, Аэлина тогда поднялась на одну из вершин, где стоял гранитный валун. Обыкновенный валун, если бы не знаки, вырезанные на его замшелой поверхности. То был пограничный знак между Адарланом и Террасеном. Аэлина шагнула за камень и оказалась на родине.

Пусть Лисандру считают душой, но тогда она и не думала, что вновь увидит эти предгорья – увидит в обличье птицы, накануне войны. Сюда она летела с разведывательной целью, оставив позади террасенскую армию. Ее никто не просил, и никто ей не приказывал. Лисандра отправилась добровольно, предоставив Эдиону объяснять внезапное исчезновение Аэлины. Она намеревалась дать отчет о состоянии местности, дабы командир легиона Беспощадных решил, где выгоднее всего дать бой моратским легионам. Фэйские разведчики тоже обернулись птицами и полетели на запад и восток – разведывать обстановку в тех местах.

Холодный ветер топорщил ее соколиные перья, заставляя Лисандру лететь как можно быстрее. Сердце бешено стучало, едва успевая гнать кровь. Наряду с обличьем призрачного леопарда соколиное стало ее любимым. Быстрое, легкое тело, острый клюв и когти. Лисандра обожала нестись в потоках ветра и, когда надо, камнем падать на добычу.

Снегопад прекратился, однако небо оставалось серым. Ни намек на солнце, которое хотя бы немного согрело солдат. Но сейчас тело Лисандры покрывали перья в несколько слоев, и холод ощущался не сильно.

Она пролетала лигу за лигой. Куда ни глянь – сплошной снег и никаких признаков жизни. Деревни, через которые они проходили летом, опустели. Жители бежали на север. Лисандра молила богов, чтобы всем этим людям удалось найти безопасное место еще до наступления зимы. Главное – чтобы те, у кого имелись магические способности, сумели убраться подальше от моратских сетей. Ей вспомнилась девчоночка в какой-то деревне. Эта кроха обладала даром управлять водой. Успела ли юная колдунья и ее семья найти пристанище за крепкими стенами Оринфа?

Лисандра поймала восходящий поток воздуха и поднялась выше. Горизонт расширился. Она пролетала над первой цепью предгорий. Сверху они выглядели странными узорами серо-белой мозаики. Предгорья – еще не горы, но армии преодолевать их нелегко. Правда, легиону Беспощадных доводилось сражаться в этих местах. Командиры наверняка знали перевалы и могли их найти даже под толстым слоем снега.

Ветер кричал, выл, толкал ее обратно на север, будто умоляя отказаться от своего замысла и не лететь дальше.

Появились вершины с древними пограничными знаками. Лисандра миновала их и продолжала стремиться вперед. До наступления темноты оставалось несколько часов. Лисандра решила лететь, пока не стемнеет и пока холод не заставит ее отыскать какое-нибудь дерево и устроиться на ночлег, чтобы с рассветом возобновить полет.

Дальше и дальше на юг летела Лисандра, видя все тот же серо-белый пустой горизонт... пока в какой-то момент он не перестал быть пустым. Пока она не увидела то, что двигалось навстречу и чуть ли не падало прямо с небес.

Рен учил ее считать солдат, но сейчас она постоянно сбивалась со счета и не сумела сосчитать аккуратные шеренги, марширующие по северным равнинам Адарлана, прямо к предгорьям, разделявшим два королевства.

Их были тысячи. Пять, десять, пятнадцать тысяч. Нет, больше.

Лисандра считала снова, сбивалась, принималась считать опять. Двадцать тысяч. Тридцать.

Она поднялась еще выше, поскольку солдат сопровождали илки. Эти крылатые твари держались низко, чуть ли не над головами солдат в черных доспехах, и следили за окрестностями.

Сорок тысяч... Пятьдесят.

Пятьдесят тысяч моратских солдат под надзором илков.

А в просветах между шеренгами ехали верхом молодые люди с красивыми лицами. На их шеях, выше доспехов, чернели каменные ошейники.

Валгские принцы. Их было пятеро. Каждый командовал легионом.

Лисандра вновь пересчитала вражескую армию. Потом еще раз.

Пятьдесят тысяч пехотинцев против двадцати пяти тысяч, собранных Террасеном и союзниками.

Какой-то илк заметил ее и стал подниматься. Лисандра стремительно развернулась и полетела на север, бешено взмахивая крыльями.

Армии сошлись на заснеженных полях Южного Террасена.

Эдион приказал дожидаться подхода врагов, а не спешить им навстречу. Пусть орды Эравана утомятся, преодолевая заснеженные предгорья. Вперед он выслал отряд Молчаливых ассасинов, велел не щадить оставших и застрявших в снегу.

Из посланного отряда вернулась лишь горстка.

Темная сила валгских принцев сметала и пожирала все на своем пути.

Но Огненица почему-то мешкала и не испепеляла валгов. Лишь ехала рядом со своим двоюродным братом.

Илки напали на террасенский лагерь ночью, сея ужас и разрывая солдат своими липкими от яда когтями. Потом исчезли в небе столь же внезапно, как и появились.

Вступив в пределы Террасена, моратская армия вытащила и опрокинула все пограничные столбы.

Напрасно Эдион думал, что заснеженные холмы измотают моратскую армию. Вражеские солдаты лишь слегка устали. Они спокойно проваливались в снег по пояс, выбирались и шли дальше. Потери были совсем ничтожными. Преодолев последнюю цепь холмов, моратская армия спустилась на равнину.

Вернее, скатилась черной волной. Прямо на копья и щиты легиона Беспощадных и боевую магию фэйских солдат. Последним удалось сдержать натиск валгских принцев.

Но не илков. Эти повисли в небе, словно паутина в дверном проеме. Некоторые плевались ядом, дабы расплавить фэйскую магию. Затем илки приземлялись и пробивались сквозь террасенские линии обороны. Лисандра обернулась драконом, чей хвост был усеян ядовитыми шипами. Но даже она не смогла одолеть всех тварей. Даже Эдион, вооруженный древним мечом и фэйским чутьем, не успевал рубить им головы.

В хаосе битвы никто не заметил, что Огненица так и не появилась. Даже искры ее магической силы не мелькнуло в этой зловещей темноте, звенящей от криков.

Затем на них двинулись моратские пехотинцы. И отважная, спаянная воедино террасенская армия дрогнула. Первым дал трещину правый фланг. Темная магия валгского принца била во все стороны, оставляя мертвые тела. Илиасу из братства Молчаливых ассасинов удалось проникнуть сквозь вражеские ряды и прекратить эту бойню, обезглавив валга.

Центральные шеренги легиона Беспощадных еще держались, но и они были вынуждены отступать под натисков вражеских мечей, когтей и зубов. Магия союзников из числа фэйской знати запечатывала вражеским солдатам глотки, перекрывая доступ воздуха. Смерть от удушья

наступала быстро. Но моратских солдат было слишком много, а фэйцев – слишком мало, чтобы справиться со всеми. Фэйская магия лишь немного замедлила наступление.

Весь первый день террасенскую армию и ее союзников оттесняли на север. Потом всю ночь и все следующее утро.

К вечеру второго дня даже цепь легиона Беспощадных дрогнула.

А силы Мората неустомимо продолжали наступать.

Глава 23

Таких мест, как город Доранелла, Элида еще не видела. Его называли «городом рек». Она не представляла, что можно построить город у слияния нескольких рек, где они впадали в обширное озеро.

Она шла по чистеньким извилистым улицам, стараясь не показывать восхищения. Ей это ни к чему и даже опасно. Вторым ее спутником, требующим обуздания, был страх. Обостренное фэйское чутье сразу улавливало эмоции. Если небольшая порция страха помогала Элиде поддерживать ее обличье, то избыток грозил ее погубить.

Она помнила, кто правит и королевством, и этим городом, однако ей казалось, что она попала в рай. В приоконных цветниках повсюду пестрели ярко-красные и нежно-голубые цветы. Между улицами змеились каналы, по которым в затейливо раскрашенных длинных лодках разъезжали фэйцы.

Элида впервые видела город, почти целиком населенный фэйцами. А ведь они мало чем отличались от смертных, если не считать особого изящества движений, удлинённых ушей и таких же удлинённых зубов. Мимо стремительно пробегали какие-то животные. На Эрilee таких не водилось. Элида не позволяла себе заглядываться на местное зверье, постоянно напоминая, зачем она здесь. А фэйцы спокойно занимались повседневными делами, опять-таки мало отличающимися от человеческих. Взять те же покупки. Горожане покупали самые обычные вещи: хрустящий хлеб, кувшины с маслами и яркие переливчатые ткани.

И над всем этим великолепием в восточной части города возвышался дворец Маэвы. Малейшее ее слово становилось непреложным законом. От Рована Элида узнала, что город был построен из особого камня, дабы помешать Брэннону и его потомкам сровнять Доранеллу с землей.

Вдали от холма, где остался Гарель со своей целительной магией, хромота Элиды проявлялась все сильнее. Ее спутники остались там, где вчера устроили привал. Лоркан еще раз попытался отговорить Элиду от этой затеи. Она же рылась в походных пожитках, выискивая то, что ей понадобится. Ягоды, собранные Гарелем вчера, пояс, темно-зеленую накидку Рована, мятую белую рубашку Лоркана и зеркальце, каким он пользовался при бритье.

Элида промолчала, обнаружив на самом дне походного мешка Лоркана белые лоскуты. Они лежали, дожидаясь ее месячных. У Элиды не было слов, но грудь ей почему-то сдавило.

Она шагала, понунив плечи и поджав губы. Лицо старалась держать хмурым и напряженным. Так она добрела до небольшой живописной площади, посередине которой журчал фонтан. Уличные торговцы грелись на утреннем солнце. Покупателей пока было немного, и в ожидании их наплыва разносчики переговаривались между собой. Возле сводчатого входа на площадь Элида остановилась и вынула из кармана плаща складное зеркальце, стараясь, чтобы никто не заметил спрятанных кинжалов.

Щелкнув крышкой, Элида уставилась на собственное отражение. Рано утром она раздавила ягоды и намазала соком вокруг глаз, отчего кожа покраснела и припухла, придав лицу несчастное выражение. Казалось, Элида проплакала не одну неделю.

Из зеркальца на нее смотрело лицо страдающей, обманутой женщины. Меж тем Элиду интересовало не собственное отражение, а площадь за спиной. Начни она вертеть головой по сторонам, это показалось бы горожанам подозрительным. Чего доброго, еще пристали бы к ней к расспросами. А так – просто девица, пытающаяся хоть немного приукрасить свою заурядную внешность... Элида поправила волосы, продолжая наблюдать за площадью.

При своих скромных размерах площадь была достаточно оживленным местом. Две таверны, одна напротив другой. У входов – пустые бочки, поставленные вместо столиков. На бочках – неубранные кружки. Элида заметила, что таверна слева собирала больше посетите-

лей, в том числе и солдат. До этого она побывала на трех площадях. Там тоже были таверны, однако солдаты ей встретились только здесь.

Прекрасно.

Элида еще раз пригладила волосы, закрыла зеркальце, повернулась к площади лицом и расправила плечи. Обманутая девчонка, пытающаяся не растерять последних крох собственного достоинства.

Пусть горожане глазекуют на нее и видят то, что хотят увидеть: белую рубашку, надетую ею вместо кожаных ведьминых доспехов, зеленый плащ, накиннутый на плечи и перехваченный поясом. Пусть считают ее неотесанной путницей, не имеющей представления о моде. Пугалом в этом прекрасном городе с его нарядно одетыми жителями.

Возле таверны, куда заглядывали солдаты, расположились семеро фэйцев. Элида подошла поближе, выяснила, кто из них говорит больше и смеется громче остальных и к кому эти пятеро мужчин и две женщины обращаются чаще. Одна женщина не была воительницей. Ее одежду составляли штаны женского покроя, сшитые из мягкой ткани, и блуза василькового цвета, плотно облегающая все округлости тела.

Но за поддержкой и одобрением обращались не к ней, а к другой: широкоплечей, с темными, коротко стриженными волосами. На ней были доспехи, причем изящнее и богаче, чем у мужчин. Наверное, это их командир.

Элида остановилась в нескольких шагах, приложив левую руку к той части плаща, под которой находилось сердце. Другой она теребила золотое колечко на пальце – фамильную драгоценность, что вполне сойдет за подарок ухажера. Кусая губу, Элида робко поглядывала на таверну и солдат и тихонечко шмыгала носом.

Первой ее заметила женщина в голубой блузе.

Красивая. Это Элида поняла сразу. Темные волосы женщины были заплетены в длинную блестящую косу. Золотисто-коричневая кожа излучала внутренний свет. И глаза. У женщины были добрые глаза, смотревшие на Элиду с искренним сочувствием.

Истолковав сочувствие в глазах фэйки как приглашение подойти, Элида приблизилась, намеренно не скрывая хромоты и, склонив голову, торопливо выпалила:

– П-простие, что п-помешала...

Уже давно она обнаружила странное свойство заикания. Окружающим становилось как-то не по себе, они теряли бдительность и старались побыстрее рассказать заике то, что она хотела узнать. Но это люди. Как себя поведут фэйцы, Элида пока не знала.

– У тебя что-то случилось?

Женщина говорила красивым хриловатым голосом. Элиде казалось, что такие голоса бывают только у очень привлекательных женщин. От таких голосов мужчины теряли голову. Видя улыбающихся фэйцев, Элида решила, что и они очарованы этой красавицей.

– Я... я ишу одного м-мужчину. Он с-сказал, что б-будет здесь, – пожевав губу, продолжала Элида. Она еще раз оглядела собравшихся и повертела колечко на пальце. – Я ув-в-видела ваши м-мундиры и подумала... м-может, вы его з-знаете...

Улыбки на лицах семерки сменились настороженностью. В глазах красавицы была еще и жалость. Может, от заикания Элиды, а может, она поняла, что хромоногая бедняжка разыскивает возлюбленного и вряд ли найдет.

– А как его звать? – спросила широкоплечая женщина.

Судя по одинаковому цвету волос и кожи, она была сестрой красавицы.

Элида нервно сглотнула, постаравшись, чтобы у нее посильнее дрогнуло горло.

– П-простите, что д-докучаю, – сказала она, будто смущаясь предложенной помощи, – но в-вы все п-показались мне т-такими добрыми.

Один из мужчин пробормотал что-то о желании снова промочить горло. Двое решили к нему присоединиться. Оставшиеся двое были тоже не прочь скрыться в таверне, но суровый взгляд командира вынудил их остаться.

– Ты нам ничуть не докучаешь, – возразила красавица, взмахнув рукой с красивыми ногтями. Она была одного роста с Элидой, но держалась с величием королевы. – Хочешь, возьмем тебе чего-нибудь выпить?

Элида подошла ближе. За недели странствий она убедилась: учтивость с долей самоуничижения безотказно действует что на людей, что на фэйцев.

– Н-нет, спасибо. Н-не хочу добавлять вам б-беспокойства.

Ноздри красавицы раздулись. Элида стояла почти рядом. Фэйка, конечно же, учуяла запахи многодневной дороги, но ничего не сказала, внимательно разглядывая лицо Элиды.

– Как зовут твоего дружка? – спросила сестра красавицы, не отличавшаяся звучностью голоса.

– Кэрн, – прошептала Элида. – Его зовут Кэрн.

Один фэец выругался. Второй оглядел Элиду с головы до пят. Женщины просто замерли.

– Он с-служит у к-королевы, – сказала Элида, с надеждой глядя на фэйцев. – Вы его знаете?

– Знаем, – отрезала командир, помрачнев лицом. – А ты его... любовница?

Элида заставила себя густо покраснеть, вспомнив все самые жуткие моменты путешествия: ее месячные, необходимость останавливаться, чтобы облегчиться...

– Мне нужно с ним поговорить, – только и ответила Элида, забыв про заикание.

Где сейчас Маэва – это она узнает потом.

– Как тебя звать, девочка? – с непонятным спокойствием спросила красавица.

– Финнула, – соврала Элида, назвавшись именем своей няньки.

– Вот тебе мой совет, – сказал второй фэец, глотнув эля. – Если тебе удалось сбежать от Кэрна, нечего его разыскивать.

– Кэрн принес кровную клятву нашей королеве, – суровым тоном напомнила ему командир.

– Но быть дрянью не перестал, – буркнул фэец.

Командир зарычала, и ее подчиненный ретировался в таверну.

– Так вы его знаете? – уточнила Элида, снова понуриив плечи.

– Кэрн назначил тебе встречу здесь? – спросила красавица, не ответив на ее вопрос.

Элида кивнула. Женщины переглянулись.

– Мы не знаем, где он, – ответила командир.

Ложь. Элида прекрасно видела, как сестры посмотрели друг на друга. Почему они решили ей не говорить? Возможно, из желания защитить слабую смертную девчонку, какой предстала перед ними Элида. А может, из страха перед Кэрном. Или из солидарности с фэйскими мужчинами, которые не прочь поразвлечься в землях смертных, но не желают думать о последствиях, сваливающихся на плечи их подружек на одну ночь. Плодом такого краткого союза был Лоркан, которого затем бросили выживать на улицах Доранеллы.

От этой мысли Элиде захотелось скрипнуть зубами, но она сдержалась.

«Злость – плохая советчица, – учила ее Финнула. – Не ее слушай, а рассудительность».

Элида усвоила урок. В следующей таверне она не будет выглядеть слишком несчастной или как обманутая любовница, которая еще и беременна от Кэрна.

Надо вежливо распрощаться и идти в другую таверну. Если там она получит ответ – идти в следующую. Для подтверждения.

– А королева сейчас во дворце? – спросила Элида все тем же хнычущим, просящим голосом, противным собственным ушам. – Он г-говорил, что п-путешествует с нею, но если ее н-нет...

– Ее величества сейчас нет во дворце! – ответила командир. Резкий тон фэйки подсказывал: у нее кончается терпение. У Элиды подгибались колени, но она продолжала играть свою роль. Чуть сильнее понурила плечи, показывая, что раздосадована несостоявшейся встречей с Кэрном. – А насчет Кэрна... Я тебе уже сказала: мы не знаем, где он.

Маэвы сейчас нет во дворце. Проговорилась ли суровая фэйка или сделала это намеренно, по каким-то своим соображениям, Элида не знала и не хотела знать. Но Кэрн... О нем женщины ничего ей не сказали. Пора уходить.

– Б-благодарю вас, – произнесла она, учтиво поклонившись.

Не дожидаясь ответа фэек, она отошла и устроила спектакль с ожиданием у фонтана. Элида стояла пять минут. Десять. Пятнадцать. Звон башенных часов словно подсказал «обманутой»: дальше ждать бесполезно. Зная, что фэйки продолжают за нею наблюдать, Элида уныло побрела к противоположному выходу с площади.

Куда идти теперь? Искать новую таверну? Элиде хотелось найти уединенное место, где можно спокойно все обдумать. Зайдя в узкий переулочек, она привалилась к стене и тяжело вздохнула.

Итак, Маэвы в Доранелле нет. И как долго еще не будет?

Она должна найти Кэрна, и как можно быстрее. В следующей таверне она поведет себя не так. Незачем выставять себя слишком несчастной, прилипчивой и слезливой. Пожалуй, с соком ягод она переусердствовала.

Элида достала зеркальце, потеряла мизинцем под глазом, где было красное пятно. Оно не соскребалось. Тогда она посплюнула мизинец и снова взялась за пятно. Оно уменьшилось, но чуть-чуть. Элида собиралась повторить попытку, когда в зеркальце что-то мелькнуло.

Элида стремительно обернулась, но было поздно. Перед нею стояла темноволосая красавица в голубой облегающей блузе.

Время не просто тянулось. Оно тяжело давило Лоркану на плечи. Прежде он ничего подобного не ощущал. Он вел разведку южного участка лагерей вокруг Доранеллы. Наблюдал за солдатами, запоминал расположение шатров, а сам одним глазом постоянно косился в сторону города.

Его города, пусть и бывшего. Никогда, даже в детстве, когда он выживал в самых темных и мрачных закоулках, он и подумать не мог, что город станет вражеской крепостью. Что Маэва, наказывающая его за любое неподчинение или ради собственного удовольствия, станет для него таким же заклятым врагом, как Эраван. И когда Рован согласился послать Элиду в город (считай, прямо в когти Маэвы), Лоркану понадобилась вся сила воли, чтобы позволить ей уйти.

Если Элиду схватили и начали пытать, кто она такая и откуда, он ведь ничего не услышит и не узнает. Она не владеет никакой магией, если не считать советов богини, которая до недавнего времени ей помогала, незримо присутствуя рядом. Правда, Элида потрясающе умеет оставаться незамеченной и подыгрывать окружающим. Но в случае опасности у нее не найдется средства подать сигнал, предупредить Лоркана и остальных.

Лоркан позволил ей уйти. Он видел, как она ступила на мост. У него перехватило дыхание. Мост охранялся с двух сторон, караульных там хватало. Однако они даже не заметили ее, не обратили никакого внимания. Маэва запрещала полуфэйцам и людям жить в Доранелле. Исключения делались лишь тем, кто по каким-то причинам был нужен королеве. Но зайти ненадолго пока еще разрешалось.

Потом Лоркан отправился на разведку. Рован поручил ему южную часть кольца лагерей не просто так. Оттуда и появится Элида... если сумеет выбраться живой.

Остальные части кольца Рован с Гарелем поделили между собой. Принц взял себе север и запад. Лев отправился на восток. Лагерь там стоял впритык к водопаду.

Солнце начинало клониться к далекому морю, когда все трое вернулись в их собственный маленький лагерь.

– Ну что? – прогремел вопрос Рована.

Лоркан покачал головой:

– Элида не появлялась. Да и наблюдения мало что дали. Караул сменяется регулярно, но проскользнуть можно. Дозорные у них размещены на деревьях вдоль всего участка, а это около полутора лиг.

Некоторых Лоркан знал. Когда-то даже командовал ими. Неужели теперь они стали его врагами?

Появился Гарель, вернул себе фэйское обличье и устало присел на валун.

– Над восточной частью лагерей устроен воздушный дозор. И на земле тоже. Караульные расставлены по кромке леса.

– Что за птицы? – спросил Рован, прислоняясь к высоченной сосне.

– В основном хищные, – ответил Гарель. Стало быть, опытные, хорошо обученные солдаты. Они всегда были непревзойденными дозорными. – Из твоего клана никого не заметил.

Одно из двух: или все воины его клана отправились с армадой и теперь находились в Террасене, либо Маэва расправилась с ними.

Рован почесал подбородок.

– Западная часть лагерного кольца тоже тщательно охраняется, – сказал он. – Как-никак равнины. Северная охраняется меньше, что вполне понятно. Волки стерегут проходы, а это, считай, половина дела.

Все трое, не сговариваясь, не стали обсуждать, зачем вокруг Доранеллы собрана столь внушительная армия и куда она может отправиться. Если поражение Маэвы у эйлуэйских берегов толкнуло ее к союзу с Моратом и армия собрана для окончательного разгрома Террасена... Нет, об этом лучше сейчас не думать.

Лоркан не сводил глаз с лесистого склона холма, вслушиваясь в шелест листьев и хруст веток.

Полчаса. Он подождет еще полчаса, а затем спустится вниз.

Он заставлял себя слушать разговор Рована и Гареля, обсуждавших наилучшие места для проникновения и отхода применительно к разным участкам лагеря. Пытался участвовать в их спорах. Лоркан даже заговорил о безопасных местах входа и выхода в город, о том, как лучше прошмыгнуть под самым носом у армии. Даже не верилось, что когда-то они командовали здешней армией, обучали солдат. Об этом тоже молчали, хотя Гарель поглядывал на свои руки, покрытые узорами татуировки. Сколько еще жизней лягут вязью имен, прежде чем они осуществят задуманное? Кто падет не от вражеских ударов, а от меча своего бывшего командира?

Солнце все дальше сползало за горизонт. Лоркан вскочил на ноги и стал мерить шагами неширокую площадку.

Ожидание затягивалось. Слишком затягивалось.

Спутники Лоркана тоже умолкли. Они смотрели вниз, в сторону подножия. Ждали.

У него появилась легкая дрожь в пальцах. Лоркан сжал кулаки. Еще пять минут. Через пять минут он отправится искать Элиду... черт бы побрал эту Аэлину Галатинию и их замыслы по ее спасению.

Аэлину учили переносить пытки. А Элида... Он видел шрамы, оставшиеся от кандалов. Видел ее искалеченную ногу. Она и так достаточно настрадалась и навидалась разных ужасов. Он не позволит, чтобы кто-то...

Невдалеке хрустнули ветки под чьими-то шагами. Лоркан порывисто встал и потянулся к мечу.

Рован подхватил одной рукой топор. В другой появился кинжал. Гарель уже стоял с мечом наготове.

Но затем раздался условный свист. У Лоркана подкосились ноги. Боясь упасть, он плюхнулся на валун.

Гарель просвистел в ответ. Лоркан мысленно поблагодарил соратника. Сам он сейчас едва ли мог свистеть.

Подъем на склон дался Элиде нелегко. Она дышала ртом. Воздух успел стать прохладным, но ее щеки жарко пылали.

– Что случилось? – отрывисто спросил Рован.

Лоркан всмотрелся в лицо Элиды. Окинул взглядом ее фигуру. Она вернулась целой и невредимой, не притащив за собой вражеский хвост. Вот только в ее глазах была тревога и неуверенность.

– Я там кое-кого встретила.

Элида думала, что сейчас распрощается с жизнью. Если ее не убьют на месте, то выдадут Маэве. Такие мысли промелькнули в ее голове при виде темноволосой красавицы.

Она мысленно пообещала, что постарается выдержать пытки и не выдаст места, где остались ее спутники, даже если ее разорвут на куски. Но если она попадет к Кэрну...

Фэйка взмахнула рукой:

– Не бойся. Я всего лишь хочу поговорить. Наедине.

Она указала на дверь под металлическим навесом. Навес был достаточно глубоким, позволяющим укрыться от посторонних глаз на земле и в небе.

Элида молча пошла за фэйкой, незаметно сунув руку в карман, где у нее был припрятан нож. Темноволосая красавица явилась безоружной (или умело прятала оружие). Шла она неторопливо и уверенно.

Когда они оказались под навесом, женщина опять вскинула руку. Между пальцами плясало золотистое пламя. Элида отпрянула, но огонь исчез так же быстро, как и появился.

– Мое имя Эссара, – почти шепотом сообщила фэйская красавица. – Я – друг твоих друзей. Во всяком случае, я так думаю.

Элида молчала.

– Кэрн – чудовище, – сказала Эссара, встав рядом с Элидой. – Держись от него подальше.

– Мне нужно его найти.

– Ты неплохо сыграла роль его покинутой любовницы. Получается, ты кое-что знаешь о нем и о том, чем он занимается.

– Если ты знаешь, где он, пожалуйста, скажи! – Просьба Элиды прозвучала почти как мольба.

Эссара окинула ее цепким взглядом:

– Вплоть до вчерашнего дня он был в городе. Потом отправился в восточный лагерь. – Она махнула за спину. – И сейчас он там.

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда, что его не видели ни в одном из лучших заведений города, где он имеет привычку проматывать денежки и издеваться над посетителями. А денег у него предостаточно. Маэва щедро заплатила ему за принесение кровной клятвы.

Элида растерянно моргнула. После битвы у берегов Эйлуэ она надеялась, что и в королевстве Маэвы не все фэйцы обожают свою королеву, но с такой откровенной неприязнью сталкивалась впервые...

– Видела женщину в доспехах? Это моя сестра. Она служит в армии. Не далее как сегодня утром она видела Кэрна в лагере. Ухмылялся, словно кот, стянувший мясо.

– А почему я должна тебе верить? – спросила Элида, удивляясь своей смелости.

– Потому что ты явилась сюда в рубашке Лоркана и плаще Рована Боярышника. Не веришь мне, скажи им, от кого ты это узнала. Они поверят. – Увидев недоверчиво наклоненную голову Элиды, Эссара добавила: – Когда-то мы с Лорканом были близки.

На Эрилее бушевала война. Элида и ее спутники проехали сотни лиг, разыскивая Аэлину. Она столько всего повидала, но от слов Эссары у нее вдруг свело живот. Возлюбленная Лоркана. Эта красавица с томным, вкрадчивым голосом когда-то была близка с Лорканом.

– Мне пора, а то меня хватятся. Расскажи своим обо мне, передай мои слова. Если они ищут Кэрна, им нужен восточный лагерь. В какой он части, не знаю.

Эссара попятилась, собираясь уйти.

– Мой тебе совет: больше не ходи по тавернам и не расспрашивай о Кэрне. Его здесь не жалуют. Даже солдаты. Есть у него и приспешники... Думаю, их внимание тебе ни к чему.

Эссара успела сделать всего шаг, как ее настиг новый вопрос Элиды:

– Куда отправилась Маэва?

Фэйка обернулась через плечо. Еще раз внимательно посмотрела на странную хромоножку. Ее глаза округлились.

– Она держит в плену Аэлину, прозванную Неистовым Огнем, – добавила Элида.

Сказав это, она замолчала. И тогда Эссара шепотом продолжила:

– Мы... словом, мы почувствовали магическую силу. – Она вернулась и схватила Элиду за руки. – Маэва уехала несколько дней назад. Куда – не знаю. Как ты понимаешь, о своих поездках она не докладывает. Поехала одна. Я часто прислуживаю ей... когда позовут. Сейчас это значения не имеет. Главное – Маэвы в городе нет. И о дне возвращения ничего не знаю.

Облегчение, испытанное Элидой, вновь обернулось слабостью в ногах. Она схватилась за стену. Значит, боги еще не отвернулись от них.

Но если Маэва увезла Аэлину с собой на сторожевой пост, где якобы находится плененный валгский принц...

Теперь уже Элида схватила Эссару за руки. Они были теплые и сухие.

– Твоя сестра знает, в какой части лагеря стоит шатер Кэрна?

Забыв, что ее ждут, Эссара передумала уходить. Они проговорили еще час, потом Эссара отлучилась и привела свою сестру Дресенду. В том же переулке наметили план действий.

Все это Элида пересказала спутникам. Выслушав ее, они погрузились в напряженное молчание.

– Ближе к рассвету, – повторила Элида. – Дресенда говорила: в это время караул там самый малочисленный. Она обещала чем-нибудь отвлечь караульных. Дресенда предупредила: не сумеем втиснуться в эту щель, другой не будет.

Рован смотрел в темноту. Восточный лагерь. Самый труднодоступный. Рассказ Гареля не мог заменить осмотра собственными глазами. А ведь нужно не только попасть в лагерь, но и обдумать, как потом оттуда выбраться.

– Дресенда не говорила, что Кэрн держит Аэлину в своем шатре, – напомнил Гарель. – Маэва вполне могла увезти Аэлину с собой.

– Мы рискуем, – сказал Рован.

И пока есть время, нужно этот риск всесторонне обдумать.

Элида покосилась на Лоркана. До сих пор он не проронил ни слова. А ведь это его бывшая возлюбленная помогала им сейчас. Возможно, Эссару направляла сама Аннеит. Или... острое фэйское обоняние учуяло запах на одежде Элиды.

– Как по-твоему, ей можно доверять? – спросила Элида, хотя знала ответ.

– Да, – мигом отозвался Лоркан. – Только непонятно, с чего она вдруг взялась нам помогать.

– С того, что Эссара – хорошая женщина, – ответил Рован и, поймав удивленный взгляд Элиды, пояснил: – Весной Эссара приезжала в Крепость Тумана. Познакомилась с Аэлиной. – Он выразительно посмотрел на Лоркана и добавил: – А тебе просила передать от нее привет.

Элида не заметила на лице Эссары ни малейших следов тоски по Лоркану. Но боги ей свидетели, эта фэйка была красивой, умной и доброй. Странно, что Лоркан не удержал такую женщину.

– Если мы собрались проникнуть в восточный лагерь, нужно спешно обдумывать наши действия и двигаться в путь, – вмешался Гарель. – Идти туда далеко.

Рован повернулся в сторону лагеря.

– Ты никак собрался лететь туда один? – насторожился Лоркан. – Тогда сполна пожнешь плоды своей дурости. – Рован сердито сверкнул зубами. На Лоркана это не подействовало. – Туда мы пойдем все вместе. И все вместе вернемся.

Элида моментально согласилась и кивнула, изрядно ошеломив Лоркана.

Рован пришел к такому же мнению. Он присел на корточки, воткнув кинжал в мшистую землю.

– Вот шатер Кэрна, – пояснил он и потянулся за шишкой. – А это южный вход в лагерь. Подготовка началась.

Час назад Рован отделился от спутников, отправив их занимать позиции. Войдут они не все вместе. Все вместе они будут уходить.

Восточный лагерь имел несколько входов. Рован проникнет туда первым через южный вход. Гарель с Лорканом будут ждать его сигнала, прячась в лесу возле восточного входа. Лес подступает к самому лагерю, что очень кстати. Спускаться с холмов было бы труднее. Магия Рована послужит отвлекающим маневром, направив караульных к восточному входу. А уж там Гарель и Лоркан устроят им ад крошечный, целиком стянув внимание на себя. Тем временем Рован поспешит к Аэлине.

Элида будет ждать их в глубине леса. Если события примут скверный оборот – спасаться бегством.

Она возражала, но даже терпеливый Гарель напомнил ей, что она – смертная женщина, не подготовленная к сражениям. Она и так сегодня сделала... Ровану не хватало слов, чтобы поблагодарить Элиду за сведения и неожиданную союзницу.

Рован доверял Эссаре. Она никогда не любила Маэву, служа королеве по принуждению и без малейшей гордости. Но за несколько часов, остававшихся до рассвета, неожиданные случайности могли расстроить их замыслы.

Маэвы не было ни в городе, ни в лагере. Хотя бы это облегчало им задачу.

Рован прятался среди деревьев, на самой вершине крутого холма возле южного входа в лагерь. Караульные его не видели. Ветер, подчиняясь магии Рована, дул со стороны лагеря, скрывая его запах.

Лагерь находился внизу, на равнинных лугах. И там держали его Аэлину.

А если нет? Если тревога или неясное предчувствие заставили Маэву забрать Аэлину с собой и увезти в дальний гарнизон?..

Усилием воли Рован подавил нарастающую тяжесть в груди. Связующая нить молчала. Обращаясь к ней, Рован всякий раз наткался на сумрачную дрему. Ничто не указывало на то, что Аэлина где-то поблизости.

Эссара даже не подозревала, что Аэлина у Маэвы. Об этом она узнала от Элиды. И не только она. Насколько умело Маэва спрятала пленницу?

Если Аэлины в лагере не окажется, они хотя бы найдут Кэрна и получат ответы. И предложат ему на собственной шкуре испытать вкус его зверств...

Рован отогнал эти мысли. Сейчас не время думать о расправе над Кэрном. Вот когда они встретятся, это исчадие мерзости заплатит за каждое мгновение боли, причиненной Аэлине.

Над головой ярко сияли крупные звезды. Мэла появилась только однажды, на заре. Возможно, она никакая не богиня, а всего лишь могущественное существо из иного мира. Однако Рован вознес ей молитву.

Это было на подступах к Доранелле. Тогда Рован просил Мэлу защитить Аэлину от Маэвы, дать его истинной паре силы и помощь, а главное – вывести из этого ада живой. Он просил Мэлу позволить ему остаться с Аэлиной – с единственной настоящей любовью его жизни. Богиня ответила ему лучиком восходящего солнца, но Рован почувствовал: Мэла ему улыбнулась.

Этой ночью, под холодным светом звезд, он снова обратился к богине с мольбой. Порыв ветра понес его молитву к звездам и растущей луне, освещавшей лагерь, реку и горы.

Ровану казалось, что он не просто шел по жизни, а прорубал себе путь мечом. Он уже не помнил, на скольких войнах побывал и со скольких вернулся. И невзирая на все это, вопреки гневу, отчаянию и ледяному панцирю, сковавшим его сердце, он нашел Аэлину. В каком бы направлении он ни посмотрел за столько веков, прожитых без отдыха и желания отдохнуть... все горы и моря, виденные и пройденные им... все бескрайние пространства... это была она. Аэлина. Молчаливый зов связующей нити вел его дальше, даже когда он не ощущал присутствия Аэлины.

Они прошли такой длинный путь из тьмы к свету. Он не позволит, чтобы в этом месте их дорога оборвалась.

Глава 24

Крошанки старались не замечать ни ее, ни ведьм отряда Тринадцати. Иногда шипели им вслед что-то оскорбительное, но одного взгляда Маноны и двенадцати ее соратниц хватало, чтобы обидчицы застывали со сжатыми кулаками.

Крошанки провели в лагере еще неделю, дожидаясь, пока окрепнут раненые. Столько же пробыли там и Манона с ее ведьмами, окруженные ненавистью и безразличием.

– Что это за место? – спросила Манона у Гленнис.

Старуху она нашла возле огня. Та начищала черенок метлы с позолоченными прутьями. Еще две метлы дожидались своей очереди, разложенные на плаще. Манону до сих пор удивляло, как ведьма, возглавляющая лагерь, не чурается повседневной работы.

– Это давний лагерь. Пожалуй, один из древнейших наших лагерей, – ответила старуха. Ее скрюченные пальцы летали по черенку метлы. – Здесь есть место для костра у каждого из семи Больших очагов. И не только у них.

Костровых ям было гораздо больше семи.

– Сюда мы слетелись после войны. С тех пор это место стало для наших юных ведьм местом обретения зрелости, вхождения во взрослую жизнь. Постепенно у нас сложился ритуал. Мы на несколько недель отправляем молодняк в глушь – охотиться и выживать. С собой у них только метла и нож. Пока они проходят ритуал, мы ждем их здесь.

– А тебе известен наш ритуал вхождения во взрослую жизнь? – тихо спросила Манона.

– Известен, – ответила Гленнис, лицо которой сразу изменилось. – Мы все его знаем.

Интересно, к какому очагу принадлежала крошанка, убитая Маноной в шестнадцать лет? Что сделала бабушка с сердцем, преподнесенным ей в шкатулке? Тогда Манона привезла в крепость Черноклювых не только шкатулку с сердцем. Ее трофеем стал и плащ жертвы, который она с гордостью носила.

– Когда вы отправляетесь в Эйлуэ? – спросила Манона.

– Завтра. Часть раненых вполне окрепла для дороги. Остальных придется оставить здесь.

Внутри у Маноны все сжалось, но она волевым усилием прогнала расхолаживающие мысли о сожалении и раскаянии.

– Вы полетите с нами? – спросила старуха и протянула Маноне метлу.

Прутья этой метлы были оправлены в обычное железо. Манона взяла метлу. Провела по ней пальцами. Черенок издал высокий свистящий звук. Над двумя соседними вершинами неся быстрый колючий ветер, нашептывая ей о каких-то ужасах.

Решение примкнуть к крошанкам отряд Тринадцати принял еще несколько дней назад. Раз их бывшие противницы отправляются на юг, туда же полетят и Железнодорожные, даже если каждый день приближал погибель сражавшихся на севере.

– Мы полетим с вами, – сказала Манона.

Гленнис кивнула.

– Хозяйку этой метлы зовут Карсина. – Старуха указала в сторону шатров за спиной Маноны. – Она сейчас несет караул возле ваших драконов.

Дорин решил, что не нуждается в уединенном месте для упражнений. Разумное решение, если учесть полное отсутствие уединенных мест в крошанском лагере. Их не было не только внутри, но и за пределами лагеря. Там за ним в любое время дня и ночи наблюдали бы острые глаза крошанских дозорных.

И потому сейчас Дорин сидел рядом с Вастой у очага Гленнис. Рыжая ведьма почти засыпала от скуки.

– Учишься магии оборотней? – отчаянно зевая, спросила Васта. – Более пустой траты времени я не видела. – Белоснежная рука ведьмы указала на площадку для состязаний. Там ее соратницы упражняли мышцы и оттачивали навыки. – Чем здесь торчать, устроил бы поединок с Линной.

– Несколько минут назад Линна едва не выбила Эмогии зубы. Видел собственными глазами. Не знаю, вырастают ли у ведьм новые взамен выбитых. Знаешь, у меня что-то нет желания попадаться Линне под руку.

– Какой же ты после этого мужчина? – выгнула рыжую бровь Васта.

– Пока что мне мои зубы не в тягость. – Дорин вздохнул. – Я пытаюсь сосредоточиться.

Никто из ведьм, в том числе и Манона, не расспрашивал, зачем он упражняется. Около недели назад Дорин заявил, что паучиха натолкнула его на мысль. Если она на крупицах чужой магии овладела искусством оборотня, возможно, при его магических способностях, он тоже научится. Ведьмы на это лишь пожали плечами. Их больше заботило путешествие в Эйлуэ вместе с крошанками, которое могло начаться в любой день.

Дорин ничего не слышал о собирающихся в Эйлуэ военных отрядах. Как бы ни был силен Морат, воевать на два фронта всегда трудно. Если это хотя бы ненадолго отвлечет Эравана, когда Дорин будет находиться в твердыне валгского короля... Он безропотно согласился отправиться в Эйлуэ.

Дорин рассказал Маноне и Гленнис все, что знал об этом королевстве и его правителях. После падения Адарланской империи власть в Эйлуэ вернулась к родителям принцессы Нехемии и двум ее младшим братьям. Прежняя эйлуэйская армия была почти целиком уничтожена в годы адарланского владычества. Надеяться на крепкий фронт бессмысленно. Но если бы удалось собрать хоть несколько тысяч солдат и отправить на север... Его друзья получили бы пусть и скромное, но подкрепление.

Это потом. А для начала нужно уцелеть самим.

Дорин закрыл глаза. Васта умолкла. Несколько дней подряд все свободное время она просиживала рядом с королем, выискивая малейшие изменения в его внешности. Дорин пытался менять себе цвет волос, глаз и кожи.

Никаких успехов.

Его магия прикоснулась к похищенной паучихой магии оборотня. Прежде чем убить паучиху, Дорин узнал достаточно много. Теперь требовалось убедить его магию уподобиться магии оборотня. Годилась ли для этого магия стихий, которой он владел, Дорин не знал.

«Будь тем, кем пожелаешь», – говорила ему Кирена.

Получалось, он желал быть... никем.

Но Дорин не оставлял усилий. Продолжал заглядывать вглубь себя, во все укромные уголки. Нужно побольше упражняться, тогда он овладеет искусством превращения, проникнет в Морат и найдет третий Ключ. А затем принесет всего себя в жертву Замку и Вратам.

И тогда эта кровавая история окончится. Для Эравана и для него самого тоже.

Трон унаследует его младший брат Холлин. Однако и тот был зачат отцом, находившимся под властью валгского демона. Что перешло брату от этой твари? Дорин помнил брата капризным, грубым мальчишкой. Но был ли Холлин до конца человеком?

Дорину вспомнились детские выходки брата. Следом вспомнилось и другое. Это ведь не Холлин убил их отца, разгромил замок, допустил гибель Сорши.

Вопрошать Дамарис он не осмелился. Сомневался, что выдержит, если меч обнажит его глубинную суть. Вместо этого Дорин вглядывался в свою магию, способную творить пламя, воду, лед и ветер.

Однако, как бы он ни старался, как бы ни представлял себя с каштановыми волосами и бледноватой веснушчатой кожей, в его облике ничего не менялось.

Она – не посыльная, но у Маноны хватило ума понять намеки и исполнить просьбу Гленнис: отнести три метлы их хозяйкам, находившимся в разных частях лагеря. Конечно, этого недостаточно, чтобы лететь с ними в Эйлуэ. Ей нужно получше узнать характер каждой крошанской ведьмы.

Астерина, все это время сидевшая по другую сторону костра, молча встала и пошла следом. В руках у нее было две метлы.

– Я и забыла, что черенки они делают из красного дерева, – сказала заместительница Маноны, разглядывая метлы. – Его резать намного легче, чем железное дерево.

Манона и сейчас чувствовала боль в руках, стоило ей вспомнить, как она выстругивала свою первую метлу из толстой ветви железного дерева, найденного в чащобе Задубелого леса. Два черенка оказались хлипкими и сломались. Третий она решила делать основательнее, с полным сознанием, что ей потом летать на этой метле. Три попытки; каждая соответствовала ипостаси Трехликой богини.

Ей тогда было тринадцать. Со дня первых месячных прошли считанные недели. В ней проснулась ведьмина сила, способная поднимать метлы в воздух и нести по небесным просторам. Этой силой было наполнено каждое движение резца, каждый удар молотка. От ведьмы требовалось не просто изготовить черенок, а вдохнуть в него свою силу.

– Где осталась твоя метла? – спросила Манона.

– Где-то в крепости Черноклювых, – пожалала плечами Астерина.

Манона кивнула. Ее собственная осталась там же, поставленная в дальний угол шкафа. После исчезновения магии даже самая лучшая ведьмина метла годилась лишь для подметания полов.

– Думаю, мы не помчимся в крепость за нашими метлами, – сказала Астерина.

– Конечно нет, – ответила Манона, вглядываясь в небо. – Завтра мы с крошанками полетим в Эйлуэ. Уж не знаю, какой отряд удалось собрать людям. Крошанки намерены соединиться с ними.

Астерина плотно сжала губы.

– Хорошо бы потом убедить их всех – крошанок и людей – двинуть на север.

Хорошо бы, если им повезет и Эраван к тому времени не сотрет Террасен с лица Эрилеи.

Они подошли к первой ведьме, указанной Гленнис. Манона кивнула Астерине, и та вручила метлу хозяйке. Крошанка брезгливо поморщилась. Метлу она взяла двумя пальцами, пробубнив:

– Теперь снова придется чистить.

Астерина ей криво улыбнулась. Возможно, крошанка не знала, что такая улыбка не предвещает ничего хорошего.

Манона слегка подтолкнула заместительницу, и они отправились на поиски двух других владелиц метел.

– Ты всерьез думаешь, что это занятие по нам? – недовольно пробормотала Астерина; две другие крошанки, которым она вручила метлы, насмешливо хмыкнули. – Прислуживать взбалмошным крошанским принцессам?

– Это стратегия, – коротко ответила Манона.

Осталось передать последнюю метлу. Карсину они нашли там, где и говорила Гленнис. Караульная увлеченно разглядывала драконов. Астерина кашлянула, привлекая ее внимание. Карсина обернулась. Смуглое лицо караульной напряглось, но она не усмехнулась, а с губ не сорвалось обидных слов.

Поручения Гленнис были выполнены. Астерина приготовилась уйти. Манона, заметив интерес крошанки, кивнула в сторону драконов:

– Это тебе не на метле летать. Драконы летают гораздо быстрее, поднимаются выше метел, да и сами они – грозное оружие. Вот только их кормить-поить надо.

В зеленых глазах Карсины соседствовали настороженность и любопытство. Она вновь повернулась к драконам. Эти могучие твари тоже мерзли. Голубая дракониха Астерины прижалась к Аброхасу, а тот прикрыл ее своим крылом.

– Мы даже не знаем, как Эравану удалось их возродить. Но как-то удалось, раз драконы снова появились.

От бабушки Манона слышала, что в очень далекие времена на землях Адарлана жили драконы. Потом их перебили.

– Эраван мыслил создать армию безмозглых крылатых убийц.

Астерина помалкивала.

– А твой дракон больше похож на верного пса, – наконец отозвалась Карсина.

Манона мысленно напомнила себе, что это не оскорбление. Крошанки любили собак не меньше, чем люди.

– Моего зовут Аброхас. Он вообще... другой.

– У них с голубой драконихой... что-то вроде пары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.